

Главный редактор: Мышко Ф.Г., д-р юрид. наук; e-mail: fg_myshko@guu.ru
Первый заместитель главного редактора: Кривопусков В.В., канд. филос. наук, д-р социол. наук, проф.; e-mail: vv_krivotupuskov@guu.ru
Ответственный за выпуск: Алексеева А.Н.; e-mail: ln_alekseeva@guu.ru

Редактор: Большова А.В.; e-mail: av_bolshova@guu.ru
Выпускающий редактор и компьютерная верстка: Гусева Е.А.; e-mail: ea_malygina@guu.ru
Технический редактор: Волкова А.П.; e-mail: ar_volkova@guu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Горшков М.К. – пред. редакционного совета, д-р филос. наук, академик РАН, научный руководитель ФНИСЦ РАН (Федеральный научно-исследовательский социологический центр, г. Москва, Россия)

Мышко Ф.Г. – первый зам. пред. редакционного совета, д-р юрид. наук, доц. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Кривопусков В.В. – зам. пред. редакционного совета, д-р социол. наук, канд. филос. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Волков Ю.Г. – д-р филос. наук, проф. (Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия)

Добренев В.И. – д-р филос. наук, проф. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия)

Зотов В.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия)

Кравченко С.А. – д-р филос. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Россия)

Маршак А.А. – д-р филос. наук, проф. (Институт социологии РАН, г. Москва, Россия)

Милехин А.В. – д-р социол. наук, канд. психол. наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, президент Исследовательского холдинга «Ромир», г. Москва, Россия)

Митрович Л. – проф. (Университет Ниша, г. Ниш, Сербия)

Миронов А.В. – д-р социол. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Петрова Т.Э. – д-р социол. наук, проф. (Департамент культуры, спорта, туризма и национальной политики Администрации Президента Российской Федерации)

Саакян А.К. – д-р социол. наук, проф. (Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Ереванский филиал), г. Ереван, Армения)

Силасте Г.Г. – д-р филос. наук, проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия)

Скворцов Н.Г. – д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия)

Соколова Г.Н. – д-р филос. наук, проф. (Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь)

Троицкий А.В. – канд. техн. наук, доц. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Шалин В.В. – д-р социол. наук, проф. (Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия)

Хунагов Р.Д. – д-р социол. наук, проф. (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия)

Чжан Ш. – д-р полит. наук, проф. (Китайская Академия общественных наук, г. Пекин, Китай)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мышко Ф.Г. – д-р юрид. наук, доц. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Кривопусков В.В. – д-р социол. наук, канд. филос. наук, проф., первый зам. гл. ред. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Чернавин Ю.А. – д-р филос. наук, проф., зам. гл. ред. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, доц. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Арамян К.А. – канд. ист. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Захаров М.Ю. – д-р филос. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Комарова А.А. – канд. социол. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Корнилов В.А. – д-р социол. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Костриков С.П. – д-р истор. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Скрипкина Т.П. – д-р психол. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Целуйко А.В. – канд. юрид. наук (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям:

- 5.4.1 Теория, методология и история социологии (социологические науки);
- 5.4.2 Экономическая социология (социологические науки);
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.5 Политическая социология (социологические науки);
- 5.4.6 Социология культуры (социологические науки);
- 5.4.7 Социология управления (социологические науки).

Миссия журнала состоит во всестороннем и объективном освещении, оперативном и независимом информировании читателей об исследованиях в сфере цифровой социологии.

Цели журнала:

- обмен научными сведениями о новых решениях и применении информационных технологий в социологии;
- широкое обсуждение новых идей в области цифровой социологии – отрасли социологической науки, исследующей роль сети Интернет и влияние электронных технологий на социальную жизнь в целом;
- организация международного сотрудничества через обмен научными идеями и привлечение специалистов в области цифровой социологии из разных стран к работе в составе редакционной коллегии и к опубликованию ими своих статей.

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 24.08.2018
ПИ № ФС 77-73528

Подп. в печ. 14.07.2025 г.
Формат 60×90/8
Объем 10,75 печ. л.
Тираж 1 000 экз.
(первый завод 28 экз.)
Заказ № 186_Т

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Адрес редакции: 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru

Статьи доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования.

Editor-in-chief: F.G. Myshko, Dr. Sci. (Jur.); e-mail: fg_myshko@guu.ru**First deputy editor-in-chief:** V.V. Krivopuskov, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), Prof.; e-mail: vv_krivopuskov@guu.ru**Responsible for issue:** L.N. Alekseeva; e-mail: ln_alekseeva@guu.ru**Editor:** A.V. Bolshova; e-mail: av_bolshova@guu.ru**Executive editor and desktop publishing:** E.A. Guseva; e-mail: ea_malygina@guu.ru**Technical editor:** A.R. Volkova; e-mail: ar_volkova@guu.ru**EDITORIAL BOARD****Gorshkov M.K.** – Chairman of the Editorial Board, Dr. Sci. (Philos.), Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Federal Research Sociological Center, Moscow, Russia)**Myshko F.G.** – First Deputy Chairman of the Editorial Board, Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Krivopuskov V.V.** – Deputy Chairman of the Editorial Board, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Volkov Yu.G.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)**Dobren'kov V.I.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)**Zotov V.B.** – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Kibakin M.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kravchenko S.A.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia)**Marshak A.I.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)**Milekhin A.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Psy.) (Lomonosov Moscow State University, President of Romir research holding, Moscow, Russia)**Mitrovich L.** – PhD (Philos. Sci.), Prof. (University of Niš, Niš, Serbia)**Mironov A.V.** – Dr. Sci. (Sociol.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Petrova T.E.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Department of Culture, Sport, Tourism and Nationality Policy of the Presidential Administration)**Saakyan A.K.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Plekhanov Russian University of Economics (Yerevan branch), Yerevan, Armenia)**Sillaste G.G.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)**Skvortsov N.G.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)**Sokolova G.N.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)**Troitskii A.V.** – Cand. Sci. (Engr.), Assoc. Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Shalin V.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia)**Khunagov R.D.** – Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Adygeyan State University, Maikop, Russia)**Chzhan Sh.** – PhD (Polit. Sci.), Prof. (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)**EDITORIAL COLLEGIUM****Myshko F.G.** – Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof., Editor-in-Chief (State University of Management, Moscow, Russia)**Krivopuskov V.V.** – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Philos.), Prof., First Deputy Editor-in-Chief (State University of Management, Moscow, Russia)**Chernavin Yu.A.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy Editor-in-Chief (State University of Management, Moscow, Russia)**Kameneva T.N.** – Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Aramyan K.A.** – Cand. Sci. (Hist.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Zakharov M.Yu.** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Komarova A.A.** – Cand. Sci. (Sociol.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Kornilovich V.A.** – Dr. Sci. (Sociol.) (State University of Management, Moscow, Russia)**Kostrikov S.P.** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Skripkina T.P.** – Dr. Sci. (Psy.), Prof. (State University of Management, Moscow, Russia)**Tseluiko A.V.** – Cand. Sci. (Jur.) (State University of Management, Moscow, Russia)

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the fields:

- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences);
- 5.4.2 Economic sociology (sociological sciences);
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes (sociological sciences);
- 5.4.5 Political sociology (sociological sciences);
- 5.4.6 Cultural sociology (sociological sciences);
- 5.4.7 Sociology of management (sociological sciences).

The mission of the journal is to provide comprehensive and objective coverage, prompt and independent information to readers about research in the field of digital sociology.

The aims of the journal:

- exchange of scientific information on new solutions and application of information technologies in sociology;
- wide discussion of new ideas in the field of digital sociology - a branch of sociological science that studies the role of the Internet and the impact of electronic technologies on social life in general;
- organisation of international cooperation through the exchange of scientific ideas and the involvement of specialists in the field of digital sociology from different countries to work as part of the editorial board and to publish their articles.

All published articles have undergone a mandatory review procedure

Certificate of registration of mass media dated 24.08.2018
Pl. No. FS 77-73528

Signed to print 14.07.2025
Format 60×90/8
Size 10,75 printed sheets
Circulation 1,000 copies
(the first factory 28 copies)
Print order № 186_T

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office: 109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru

Articles are available under a Creative Commons "Attribution" International 4.0 public license, according to which unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социокультурная рекурсия в контексте акторно-сетевого взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом4
Шелгинская В.А.

Цифровая элита и традиционные политики17
Перепелкин В.А., Крыштановская О.В.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство27
Арамисов Т.Р.

Построение личного бренда стилиста в digital-пространстве45
Абрамова А.А., Ахмаева Л.Г.

Формы финансового мошенничества в современном мире55
Рахмеева И.И., Попкова С.В.

Цифровая трансформация социальной сферы Росгвардии: степень проникновения и вызовы на пути развития65
Смирнов А. П.

Влияние цифровизации на международную информационную безопасность и социальные риски управленческих процессов77
Мкртумова И.В., Прокопьева С.С.

CONTENTS

DIGITAL SOCIOLOGY:
RESEARCH DIRECTIONS

Sociocultural recursion in the context of actor-network interaction with generative artificial intelligence4
V.A. Shelginskaya

Digital elite and traditional politicians17
V.A. Perepelkin, O.V. Kryshchanovskaya

DIGITAL ENVIRONMENT

Welfare state in the digital age: digital opportunities or digital inequality27
T.R. Aramisov

Building a stylist's personal brand in the digital space45
A.A. Abramova, L.G. Akhmaeva

Forms of financial fraud in the modern world55
I.I. Rakhmееva, S.V. Popkova

Digital transformation of the social sphere of the Rosguardia: degree of penetration and challenges on the path of development65
A.P. Smirnov

Impact of digitalisation on international information security and social risks of management processes77
I.V. Mkrtumova, S.S. Prokopyeva

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социокультурная рекурсия в контексте акторно-сетевого взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом

УДК 004.8, 316.7

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-4-16

Получено 20.05.2025

Доработано после рецензирования 10.07.2025

Принято 13.07.2025

Шелгинская Виктория Алексеевна

Соискатель

ORCID: 0000-0002-5075-5984

E-mail: victoria.shelg@yandex.ru

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ

Технологии генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ), (англ. generative artificial intelligence, далее – GenAI) становятся неотъемлемым спутником общества, внедряясь в различные социокультурные и социально-экономические сферы, что обостряет проблему социокультурного воспроизводства. Несмотря на активную разработку этого исследовательского вектора в части эффектов и рисков генеративного синтеза, отсутствует подробная концептуализация процессов перехода между текущим и прогнозным состояниями. Цель работы – раскрыть содержание процесса формирования социокультурных искажений при взаимодействии с генеративным ИИ. Методологическим базисом является акторно-сетевая теория. В исследовании раскрывается акторная структура взаимодействия с GenAI в составе социального и генеративного акторов и опосредующего их связь массива данных. Аргументировано, что результирующий характер социально-генеративного взаимо-

действия определяется социальной детерминированностью массива данных, которую предложено выделять в четырех вариантах. При этом каждый из вариантов определяет четыре типа взаимосвязи акторов, и в итоге происходит социокультурное смыслообразование. Концептуализирован процесс перехода информационно-объективного результата социально-генеративного взаимодействия к его социально субъективной репрезентации и генеративно субъективного результата к его социально объективной репрезентации. Сделан вывод о том, что этот процесс представляет собой рекурсивный цикл искажающегося воспроизводства социокультурной системы. Результаты вносят вклад в концептуализацию феномена ИИ и его роль в социальных системах, дополняют дискуссию относительно вероятных эффектов и рисков для общества и могут послужить основой для разработки регулирующих решений в различных сферах использования GenAI.

Ключевые слова

Нейросеть, синтетические данные, цифровой социальный фактор, цифровой друг, чат-боты, цифровая социализация, цифровое искусство, социокультурная коммуникация, цифровая культура, источники генеративных данных, ценности искусственного интеллекта, риски искусственного интеллекта, галлюцинации искусственного интеллекта, генеративный симулякр, рекурсивные циклы

Для цитирования

Шелгинская В.А. Социокультурная рекурсия в контексте акторно-сетевого взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 4–16.

© Шелгинская В.А., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL SOCIOLOGY: RESEARCH DIRECTIONS

Sociocultural recursion in the context of actor-network interaction with generative artificial intelligence

Received 20.05.2025

Revised 10.07.2025

Accepted 13.07.2025

Victoria A. Shelginskaya

Applicant

ORCID: 0000-0002-5075-5984

E-mail: victoria.shelg@yandex.ru

*Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia*

ABSTRACT

Technologies of generative artificial intelligence (hereinafter referred to as GenAI) are becoming an integral part of society, taking part in various socio-cultural and socio-economic spheres, and therefore they actualise the problem of socio-cultural reproduction. Despite the active development of this research vector in terms of generative synthesis effects and risks, there is no detailed conceptualisation of transition processes between the current and predicted states. The purpose of the article is to reveal the essence of the process of forming socio-cultural distortions when interacting with the GenAI. The methodological basis is the actor-network theory. The study reveals the actor structure of interaction with the GenAI as part of the composition of social and generative actors and data array mediating their connection. It is argued that the resulting nature of socio-generative interaction is determined by the social predestination

of the data array, which we propose to distinguish in four variants. Moreover, these variants set four types of relationship between the actors, and in the end, socio-cultural meaning-making occurs. The process of transition including the direct one (in which the information-objective result of social-generative interaction transfers to its socially subjective representation) and the revers one (in which the generative-subjective result transfers to its socially objective representation) are conceptualised. It is concluded that this process is a recursive cycle of distorting reproduction of the socio-cultural system. The results contribute to the conceptualisation of the phenomenon of the AI and its role in social systems, complement the discussion regarding the likely effects and risks for society and can serve as a basis for developing regulatory solutions in various areas of the GenAI use.

Keywords

Neuronet, synthetic data, digital social actor, the digital other, chatbot, digital socialisation, digital art, socio-cultural communication, digital culture, generative database, values of artificial intelligence, risks of artificial intelligence, hallucinations of artificial intelligence, generative simulacra, recursive cycles

For citation

Shelginskaya V.A. (2025) Sociocultural recursion in the context of actor-network interaction with generative artificial intelligence. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 4–16. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-4-16

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Дискуссии, связанные с эффектами и рисками развития генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ), (англ. *generative artificial intelligence*, далее – GenAI), можно с уверенностью назвать одними из самых оживленных с момента широкого распространения в 2022 г. модели ChatGPT (англ. *generative pre-trained transformer* – генеративный предобученный трансформер) и последующего активного развития как крупных отечественных аналогов, так и частных программных средств, использующих такие же принципы. За прошедшие несколько лет многое было сказано о потенциале таких технологий, о новых открывающихся обществу возможностях, о вкладе, который они могут внести в развитие теории и практики. Вместе с тем столь революционная инновация не может не вызывать ряд обоснованных опасений относительно ее влияния на существующие социокультурные и социально-экономические системы, что также постепенно отражается в научной полемике.

Среди достаточно активно появляющихся в последние годы исследований социокультурных эффектов взаимодействия с ИИ неизменным лейтмотивом является тезис о субъектности GenAI, о смыслообразующем, синтезирующем и программируемом начале цифровых сущностей, которое и предопределяет социокультурные риски и эффекты. Однако подробный анализ как самой специфики цифровой сущности, так и особенностей протекания различных процессов при ее участии на данный момент находится у своих истоков, порождая больше вопросов, чем ответов, и привлекая тем самым исследовательский интерес. Это неизбежно ведет к тому, что многие ожидаемые или нежелательные эффекты выделяются специалистами в общем виде, без детального анализа системы и структуры процессов, вовлеченных факторов, социальной обусловленности и т.д. Без сомнения, акцентирование внимания специалистов и исследователей на возможных последствиях даже в общем виде является ценным вкладом в выстраивание отношений общества с недостаточно изученной технологической инновацией. Однако это же несет в себе закономерную проблему недостаточной концептуализации промежуточных стадий между текущим и прогнозным состояниями, а также факторов их проявлений и особенностей протекания процессов. Посильный вклад в нивелирование этой проблемы мы и хотели бы внести далее.

Цель данного исследования – раскрыть содержание процесса формирования социокультурных

искажений при работе с генеративным ИИ. Для этого мы ставим три задачи: определить акторов сети взаимодействия с GenAI, охарактеризовать специфику их взаимосвязи, проанализировать особенности реализации функций смыслообразования и воспроизводства при их взаимодействии (проявления социокультурной рекурсии).

Осуществленное исследование представлено следующими разделами: методология, краткий обзор (характеристика основных концептуальных положений, необходимых для изложения авторского подхода к анализу) и постановка проблемы (выделение неучтенных моментов, требующих дополнительной концептуализации), анализ и результаты (анализ акторно-сетевой специфики взаимодействия с GenAI в русле смыслообразующего аспекта, авторская концептуализация процесса социокультурной рекурсии), заключение (краткий итог по проведенной работе).

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ / METHODOLOGY AND METHODS

В своем анализе мы опирались на общие принципы теории социальных сетей (Дж. Барнс), социального обмена (Дж. Хоманс) и акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон) [Barnes, 1954; Хоманс, 1984; Латур, 2014; Каллон, 2001]. В частности, на следующие: формирование социальной реальности посредством конструирования смыслов и представлений; наличие специфических факторов (социальных сил), находящихся за пределами сферы классического социального, но вносящих свой вклад в изменение составляющих его явлений; наличие сети связей взаимодействия как между социальными акторами, так и между акторами «нелюдьми», реконструируя которые можно восстановить имеющую место ситуацию или явление [Денисова, Полонская, Сусименко 2022]; признание за отношениями взаимодействия в рамках межакторных (межличностных, межгрупповых) социальных сетей функций воспроизводства качественного состояния социальной системы или ее изменения, в частности, за счет воспроизводства, распространения или формирования смыслов [Пирлиев, Тедженова, Чарыев, 2024].

При данной методологической основе в фокусе внимания исследователей оказываются две переменные – акторы сети взаимодействия и специфика их отношений (связей) [Пирлиев, Тедженова, Чарыев, 2024]. В некоторых случаях к ним может быть добавлена еще одна переменная – смыслы, формируемые в сети отношений [Ким, 2023]. Соответственно, в нашем анализе мы пробуем рассмотреть GenAI как нечеловеческого

актора сетевого взаимодействия, который способен не только передавать смыслы, созданные социальными акторами между собой по специфическому каналу взаимосвязи, но и формировать новые смыслы во взаимодействии с ними.

С учетом того, что социально-сетевые и акторно-сетевые взаимосвязи принимаются в качестве аналитической основы, GenAI в контексте поставленной проблемы раскрывается нами двояко: как технология, обеспечивающая сетевые взаимосвязи и преемственность смыслов, опосредующая передачу и воспроизведение социально сконструированных смыслов в цифровом пространстве; как актор, реализующий смыслообразующую функцию, опосредованный в пространстве цифровых социально-сетевых взаимодействий.

ОБЗОР И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ / REVIEW AND PROBLEM SETTING

Социокультурные аспекты внедрения GenAI и взаимодействия с ним также стали активно появляться в фокусе отечественного исследовательского внимания. Помимо технико-экономических аспектов, они также затрагивают различные стороны трансформации социальных взаимодействий, ценностно-смысловой коммуникации, социокультурной идентичности, соотношения творческого и креативного и др. Можно отметить ряд примечательных отечественных исследований последних лет, которые так или иначе связаны с анализируемым нами аспектом. Так, культурно-философский анализ взаимоотношений с GenAI П.Г. Былевского заостряет вопрос о самой возможности признания за этим актором творческого начала, а также аргументирует риски подмены социокультурной идентичности [Былевский, 2024]. Социологический анализ проблемы идентичности при формировании личности «в интернет-пространстве „цифрового другого“» И.М. Чубарова и соавторов описывает феномен построения и тиражирования образа личности («цифровой личности») в интернет-пространстве, отмечая риски избытка идентичностей, включая и те, которые созданы с помощью нейронных сетей [Чубаров, Попова, Сенцова, 2024, с. 2]. Философско-психологический анализ этичности GenAI Я.А. Сединина, раскрывающийся во взаимодействии с ним субъекта, излагает парадоксальную ситуацию получения удовольствия от ошибок GenAI, а также затрагивает проблему потребления сконструированных в медиасреде смыслов и становления GenAI «опасным прецедентом неприятия

моральной ответственности за высказывания, которые он воспроизводит» [Сединин, 2023, с. 78].

Зарубежные исследователи также отмечают, что любая технология, подразумевающая работу с социальными сетями и алгоритмами, представляет собой не нейтральный инструмент, а активного участника формирования и развития социальных субъектов, характеризуя ее как «цифровое подводное течение... т.е. сферу косвенных, часто незаметных системных последствий» [Orlikowski, Scott, 2023, p. 5]. Например, исследователями отмечается возможное влияние GenAI на трансформацию социокультурных процессов: восприятия социальных образцов (четкое соответствие определенному шаблону может быть «идентифицировано и интерпретировано, тогда как несоответствующее может упускаться из виду, игнорироваться и, как следствие, обесцениваться» [Hsu, Bechky 2024, p. 4]); изменения и переоценки некоторых навыков и результатов деятельности; изменения в общественных структурах и идентичностях [Hsu, Bechky, 2024]; трансформации в этических принципах, в том числе в части повышения ответственности, сохранения независимости, непричинения вреда и т.д. [Laine, Minkkinen, Mäntymäki, 2025].

Как уже упоминалось, лейтмотивом многих исследований проходит тезис о субъектности AI как равноправного (даже ведущего) участника творческого созидания и социального взаимодействия. Вместе с тем этот вопрос далек от своего полноценного раскрытия или исследовательского консенсуса, хотя в научной литературе уже представляются примечательные результаты.

Некоторые зарубежные ученые называют AI-инструмент маргинализированным игроком на поле социальных изменений, подчеркивая тем самым, что он не подчиняется существующим социальным структурам и формам, способствуя таким образом созданию и поддержанию изменений в социальной среде, сохраняющей традиционность структур [Darawshesh, 2021]. Однако AI в этом случае рассматривается исследователями как инструмент или симбиоз пользователя-человека, проявляющий тем самым свою субъектность только в некоторой степени. Другие исследователи предпринимают попытки концептуализировать совокупность проявлений ИИ как социальную сеть, связывающую не человеческие субъекты, а технологические решения [Heimann, Hübener, 2023]. Они интерпретируют широкое понятие ИИ как «те применения машинного обучения и глубокого обучения, которые сегодня используются для создания новых социальных связей» [Heimann, Hübener, 2023, p. 49]. Такая интерпретация могла

бы быть близка и нашему контексту, за исключением того нюанса, что, согласно позиции исследователей, AI «действует непосредственно на взаимосвязь социальных субъектов, не появляясь как сам социальный субъект» [Heimann, Hübener, 2023, p. 50]. Размышления над идеей цифрового актора или цифрового субъекта неизбежно связываются с неоднозначностью или двойственностью самой этой категории: «цифровые субъекты не являются личностями, но производятся в отношении индивидов», хотя вместе с тем «не существует субъекта вне посредничества и вне технологии» [Goriunova, 2019, p. 4–7]. Кроме того, им свойственна определенная гибридность, размывающая границы между «реальным, виртуальным, природным, искусственным» [Тишкова, 2023, с. 214]. Таким образом, цифровой социальный актор может быть рассмотрен как субъект ИИ, существование которого обусловливается реализацией машинных вычислительных процедур [Goriunova, 2019].

В целом и отечественные, и зарубежные исследователи так или иначе склонны разграничивать три группы социокультурных последствий, выбирая те или иные в качестве предмета анализа и давая общую характеристику предполагаемым последствиям. Их составляют краткосрочные (ближайшие выгоды и риски, часто инструментально-технологического или экономического характера), среднесрочные (прямые изменения, затрагивающие человеческий капитал и его переоценку) и долгосрочные последствия (косвенные изменения, вносящие вклад в преобразование крупных социальных структур). При этом, ожидаемо, аспект субъектности GenAI выражен только в последних двух случаях.

Признавая высокую значимость такого подхода к анализу в части прогнозно-превентивных разработок и формирования векторов научной рефлексии, представляем, что при этом может быть упущено из внимания такое важное звено, как процессы перехода из одного состояния (текущего) в другое (прогнозное). Таким образом, недостаток концептуализации процессов социокультурной трансформации, инициируемых при участии генеративного ИИ, выступает актуальной проблемой, представляющей научный и практический интерес как в среднесрочной (отраслевой), так и в долгосрочной (социокультурной) перспективе. В своем анализе мы пытаемся не столько дать общую характеристику некоторому социокультурному риску развития GenAI, сколько раскрыть специфическое содержание процесса, способного привести к ряду выделяемых исследователями последствий. Это и является целью данной статьи.

Руководствуясь вышеизложенными методологическими принципами, а также поставленными задачами, мы строим свой анализ как последовательную рефлекссию над двумя вопросами: кто является акторами сети взаимодействия с GenAI; какова специфика их содержательной взаимосвязи и реализации функций смыслообразования и воспроизводства при их взаимодействии.

АКТОРЫ СЕТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С GENAI / ACTORS OF THE GENAI INTERACTION NETWORK

Анализ предметных областей, связанных с ИИ, через призму акторно-сетевой теории, с применением ее терминологического аппарата или методологических принципов постепенно привлекает все больший интерес исследователей, так как позволяет рассматривать системы взаимодействия с AI в динамическом ракурсе. Однако значительный массив подобной аналитики еще не наработан, так как многообразие задействованных акторов, специфика их взаимосвязи позволяет разрабатывать множество вариантов рассмотрения структуры таковых систем. Вместе с тем можно выделить ряд работ, вносящих примечательный вклад в формирование исследовательского поля по данному вопросу.

Так, одни исследователи склонны выделять два очевидных актора – человека и ИИ [Алексеева, 2020]. Вместе с тем ИИ – весьма широкое понятие, которое включает самые разнообразные объекты и технологии, причем некоторые могут быть рассмотрены, скорее, как элементы связи: «потoki кликов и файлов cookie, образцов, шаблонов, профилей, журналов MAC-адресов телефонов и других вещей» [Goriunova, 2019, p. 1].

Другие авторы выделяют в акторно-сетевой структуре GenAI до 9 акторов, взаимодействие между которыми «в совокупности формирует сеть действий»: человеческие – обычные пользователи, генеративные пользователи, разработчики моделей и поставщики технических средств; нечеловеческие – медиа-платформы, компании по сбору данных, набор обучающих данных сами генеративные модели [Li, Zhu 2024, p. 4]. Однако такой подход не лишен сомнений. Например, можно ли считать генеративных пользователей человеческим актором? Являются ли обучающие данные самостоятельным актором или представляют собой элемент связи?

Иные исследователи, опираясь на акторно-сетевую методологию, но признавая определенные ее ограничения, интерпретируют GenAI как «устройство воображения», содействующее

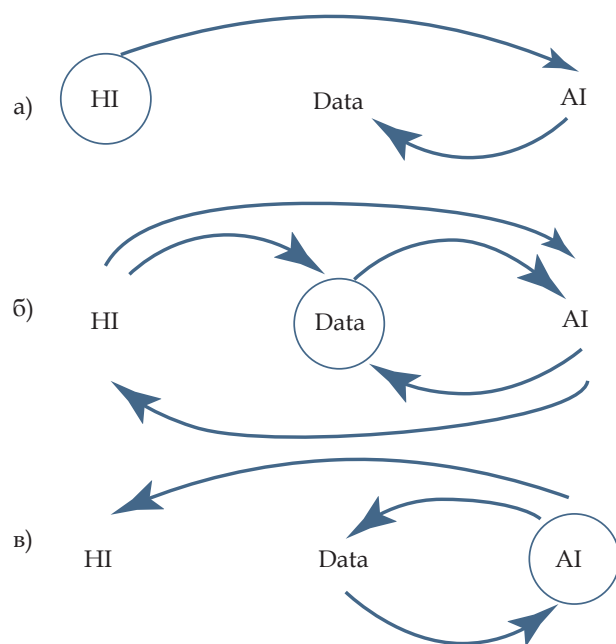
распределению смыслов с учетом того, что «культура дает жизнь алгоритмам» [Сазонов, 2024, с. 87]. Смыслообразующая (культуротворческая) функция здесь остается за человеческим актором, хотя признается и возможность определенных изменений в процессе практического и теоретического переосмысления либо в результате «инкорпорации в систему ценностей цифровой культуры» [Морозова, Плотицкина, Попова, 2019, с. 7]. Появляется некоторое противоречие, которое актуализирует рассмотрение альтернативного процесса, перефразируемого нами здесь как формирование культуры в результате деятельности алгоритмов.

Обобщая выделенные дискуссионные моменты, отметим, что представляется несколько недооцененной специфика положения массивов данных в структуре сети. Например, обладание определенной акторностью (так как, отражая представления, идеи или действия реальных людей, репрезентированных в цифровом пространстве, они могут рассматриваться как сравнительно независимые носители социокультурных смыслов) при достаточно выраженной связующей роли (так как они служат лишь основой для генеративного процесса, их интерпретация и релевантность одинаково зависимы как от человека, так и от GenAI, не существуют отдельно). Именно с учетом вышеуказанной двойственности мы далее будем анализировать специфику взаимосвязи генеративного и социального акторов.

Данные являются одной из двух составляющих частей информации как категории в целом, другой составной частью выступают смыслы, конструируемые на их основе [Батенова, 2015]. Соответственно, массив данных выполняет ряд значимых функций при взаимодействии с GenAI (в контексте социокультурного ракурса рассмотрения). Ими являются воспроизводящая, синтезирующая и смыслообразующая. Совокупность этих функций не зависит от того, рассматриваем ли мы данные с позиции актора или связи, что затруднительно сказать о качественных отличиях в их реализации.

Проиллюстрируем эту специфику графически на рис. 1, где кругом обведен ведущий со смыслообразующей точки зрения актор. Воспроизводящая функция (рис. 1, а) основана на использовании или точном представлении данных в сгенерированном результате (что преимущественно справедливо для событийных или текстовых данных). Однако в работе GenAI это редкий случай, так как главным его достоинством считается именно способность создавать, а не повторять. Отсюда синтезирующая функция (рис. 1, б)

основывается на компиляции, регулируемой определенным алгоритмом работы модели (используемой чаще всего для текстовых или графических данных). Однако в последние несколько лет поступают сообщения о случаях так называемых галлюцинаций ИИ¹ и иных случаях проявления результатов, содержательно нерелевантных пользовательскому запросу, имеющемуся социокультурному опыту и фактам², вплоть до полностью фальсифицированных³. При некритическом тиражировании подобных результатов человеческим актором, инициировавшим взаимодействие, GenAI можно рассматривать с точки зрения смыслообразующей функции (рис. 1, в).

Примечание: HI – human intelligence (англ. человеческий интеллект), человеческий актор; AI – нечеловеческий актор; data – массив данных

Составлено автором по материалам исследования /
Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Специфика реализации воспроизводящей, синтезирующей и смыслообразующей функций в социально-генеративном взаимодействии при посредничестве массива данных

Fig. 1. Specifics of implementation of reproductive, synthesising, and meaning-forming functions during social-generative interaction mediated by the data

¹ Башкиров С. Когда галлюцинации искусственного интеллекта могут быть полезными. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/663b52b59a7947103d000997?from=copy> (дата обращения: 15.05.2025).

² Актуальные комментарии. Галлюцинации ИИ усиливаются. Режим доступа: <https://actualcomment.ru/gallyutsinatsii-ii-usilivayutsya-2505070949.html> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Мартышко Н. ChatGPT обманул американских юристов. Из-за ИИ они сослались на несуществующие судебные дела. Режим доступа: <https://informburo.kz/novosti/chatgpt-obmanul-amerikanskix-yuristov-iz-za-ii-oni-soslalis-na-nesushhestvuyushhie-sudebnye-dela> (дата обращения: 15.05.2025).

ВЗАИМОСВЯЗИ АКТОРОВ / INTERACTION OF THE ACTORS

Взаимосвязь акторов социальной и генеративной природы может осуществляться как прямо (в процессе их коммуникативного взаимодействия), так и косвенно (опосредована массивом данных, лежащих в основу генерации). Первый аспект подразумевает анализ особенностей извлечения необходимой информации при взаимодействии с GenAI. Второй же аспект подразумевает анализ специфики формирования информации, подлежащей извлечению. При заявленной нами ориентации на смыслообразующую функцию второй аспект представляется более релевантным контексту исследования.

Рассмотрим особенности взаимосвязи генеративного и социального акторов посредством использующихся в их взаимодействии массивов данных.

В общем виде принципы работы GenAI могут быть изложены в виде последовательных этапов: выделение закономерностей (устойчивых повторяемых конструкций) в используемом массиве данных, анализ контекста, присвоение весовых значений и последующий анализ вероятностей появления элементов в конкретном контексте [Кузьмин, Туровец, 2024]. Как пишет Д. Фостер, «генеративное моделирование ... фокусируется на моделировании распределения исходных данных» [Фостер, 2024, с. 42]. При этом массив данных для анализа и обучения формируется различным образом: при сканировании открытых сетевых ресурсов, при обучении на публичных наборах данных или частных клиентских базах, в результате генерации синтетических данных, на основе пользовательского контента⁴.

Они служат сведениями как об объективных фактах социальной реальности, отраженных в цифровом пространстве (совершенные действия, гео- и ID-данные (англ. identifier – опознаватель) и пр.), так и о сравнительно более субъективных фактах, связанных с социальными представлениями и смыслами (художественный, текстовый, пользовательский контент и пр.). Эти данные либо непосредственно характеризуют социальные действия актора-человека, либо являются продуктом его деятельности.

В первом случае они обладают высокой степенью объективности: представляют собой автоматизированную фиксацию определенных

событий. Во втором случае данные также могут обладать определенной объективностью – социальной (пользовательский контент, отражающий личностные или социально-групповые особенности опубликовавших его лиц) и социокультурной (сетевой контент, репрезентирующий весь спектр социокультурного наследия общества: фактологические сведения, устойчивые образы, стереотипы и пр.). Однако при этом возрастает риск субъективации и, соответственно, социальной и социокультурной природы (которую мы рассмотрим далее отдельно).

Социальная субъективация опосредованного массивом данных взаимодействия AI с HI связана с публикацией пользовательского контента, маскирующего реальную личность с присущими ей поведенческими особенностями и представлениями (например, кэтфиш-аккаунты, создающие ложную информацию о реальном пользователе или ложного пользователя целиком⁵). Другим проявлением социальной субъективации является материал, произведенный AI-аккаунтами, то есть аккаунтами, имитирующими активность реального пользователя, включая производство биографического, визуального и текстового контента, ответы на комментарии и т.д. (например, опыт создания аккаунтов в зарубежных социальных сетях под управлением AI наравне с обычными, так называемые computer-generated imagery, или CGI⁶, или же опыт цюрихских исследователей относительно использования созданных GenAI комментариев для изучения динамики социальных представлений⁷).

Два вышеуказанных типа данных, опосредующих взаимодействие генеративного и социального акторов, так или иначе произведены человеком. Однако на современном этапе развития методов обучения генеративных моделей набирает популярность метод использования не пользовательских, а так называемых синтетических данных (то есть материалов, сгенерированных одной моделью GenAI для обучения другой). По оценкам специалистов, доля синтетических данных, не произведенных самими пользователями, участвующих

⁵ Карасева О. Кэтфишинг: зачем люди крадут цифровую личность, и как от этого защититься. Режим доступа: <https://kanobu.ru/articles/ketfishing-zachem-lyudi-kradut-tsifrovuyu-lichnost-ikak-otetogo-zaschititsya-375794/> (дата обращения: 16.05.2025).

⁶ Наянзин А. Будущее социальных медиа: как искусственный интеллект меняет правила игры. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/488423-budusee-social-nyh-media-kak-iskusstvennyj-intellekt-menaet-pravila-igry> (дата обращения: 16.05.2025).

⁷ Reddit. Unauthorized experiment on CMV involving AI-generated comments. Режим доступа: https://www.reddit.com/r/changemyview/comments/1k8b2hj/meta_unauthorized_experiment_on_cmv_involving/?rdt=45616 (дата обращения: 16.05.2025).

⁴ Sampat S. Where do generative AI models source their data & information? Режим доступа: https://smith-ai.translate.google/blog/where-do-generative-ai-models-source-their-data-information?_tr_sl=en&_tr_tl=ru&_tr_hl=ru&_tr_pto=rq#:~:text=Web%20scraping%20and%20crawling,find%20the%20information%20they%20need. (дата обращения: 16.05.2025).

в обучении моделей, может составить 60 % к 2028 г.⁸

Это вводит в рассматриваемую систему новый тип данных, меняющий характер социально-генеративного взаимодействия. Во-первых, это изменяет субъектность GenAI как актора, наделяя его большими смыслообразующими функциями, помимо воспроизводящей и синтезирующей. Во-вторых, это изменяет субъектность человеческого актора в части определяющей роли в построении взаимодействия. С одной стороны, пользовательские данные могут рассматриваться отдельно от тех, на которых осуществляется обучение модели, что позволяет исключить данные фейковых или AI-пользователей, повысив релевантность результатов взаимодействия. С другой стороны, человеческий актор в этом случае приобретает черты потребителя контента, разработанного для него, а не участника процесса производства. Это снижает его ведущую роль во взаимодействии. Здесь ключевое смыслообразующее взаимодействие связывает два GenAI. Человеческий актор в большей степени несет функцию извлечения результата этого процесса, снижая значимость обучающей функции (предоставление массива данных о реальном объекте, являющемся носителем особенностей своих социальных групп и социокультурных шаблонов своего общества, среды и времени) и смыслообразующей (наделяние артефактно-символических элементов результатов генерации смыслами, соответствующими его социальным и социокультурным особенностям и отражающими их).

ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ СО СМЫСЛАМИ / PROCESSES HAPPENING TO THE MEANINGS

Ранее мы отметили, что распространение генеративного контента, появление синтетических данных, а также наличие фиктивных данных о цифровых акторах, не являющихся людьми, обостряет риски социальной и социокультурной субъективации. Мы также кратко охарактеризовали процесс социальной субъективации как переход от социально-генеративного взаимодействия, сохраняющего и отражающего социальные и культурные особенности общества, отдельных его групп и индивидов, к генеративно-генеративному и генеративно-социальному взаимодействию, способному видоизменить смыслообразующий аспект подобных интеракций или,

иными словами, осуществить социокультурную субъективацию.

Последняя связана с обеспечением или, наоборот, с нарушением смысловой взаимосвязи с тем, что представляет собой культурный код общества или отдельных его групп: с элементами материального и духовного культурного наследия, общественным опытом, устойчивыми образами, стереотипами, идеями, ассоциациями и т.д.

Рассматривая информационно-цифровое пространство как высоко технологичную среду, отражающую, но не искажающую реальную действительность, можно было бы судить об описанном процессе как о цикле, состоящем из развития людьми своих социокультурных систем, репрезентации и результата этого развития в цифровой среде, из сохранения и накопления указанных результатов, их воспроизводства через некоторое время в материальном пространстве социальных взаимодействий.

Однако описанный выше процесс двустороннего перехода затруднительно рассматривать как замкнутый цикл в ситуации активного развития генеративных моделей, обладающих если не творческими, то креативными функциями. В этом случае, на наш взгляд, его целесообразно определить как своего рода рекурсивную структуру – структуру, способную к бесконечному самовоспроизведению и самоусложнению за счет повтора присутствующих в ней закономерностей, допускающую определенное количество изменений [Личутин, 2006]. Она представляет собой процессы воспроизведения аналогий, «отношение двух отношений... одно и то же отношение, развернутое между уровнями сущего – подобие двух подобий» [Личутин, 2006, с. 18].

Феномен, который мы обозначаем здесь как социокультурную рекурсию, представляет собой процесс постоянного диалектического перехода.

1. Переход информационно-объективного результата с взаимодействия к его социально субъективной репрезентации. Актор-человек, обладающий комплексом социокультурных характеристик, накопленным человеческим опытом и свойственными его социальным группам стереотипами, наполняет цифровое пространство данными, отражающими этот культурный багаж. Взаимодействие социального и генеративного акторов, основывающееся на этих данных и трансформирующее их, приводит к определенному искажению исходных данных и связанной с ними информации социокультурного характера. Итог взаимодействия – продукт генеративного синтеза, отвечающий определенным запросам актора-человека, имеющего целью создать

⁸ Стрелец Ю. Синтетические данные станут основным материалом для обучения ИИ к 2028 г. Режим доступа: <https://clck.ru/3N2xgy> (дата обращения: 16.05.2025).

новый, интересный, нетривиальный, привлекающий внимание контент, без учета его культурно-смыслового наполнения. Так, например, в генеративном результате происходит смешение знаков и символов, визуальных образов, присутствующих в различных ценностных системах или содержательных контекстах. Подобная социально субъективная интерпретация и репрезентация исходных данных закрепляются в цифровом пространстве отчасти как элемент исходной социокультурной системы, отчасти – как элемент некоей новой социокультурной системы, формирующейся в результате генеративного синтеза.

2. Переход генеративно-субъективного результата генеративно-генеративного и генеративно-социального взаимодействия к его социально объективному восприятию и репрезентации. Описанный выше итог социально субъективной репрезентации исходных данных и их генеративной обработки ложится в основу дальнейших социально-генеративных взаимодействий, а также в основу производства синтетических данных.

На этом материале, который, в свою очередь, начинает опосредовать взаимодействие цифрового актора и человека, производится новый результат, в котором расхождение между символическим артефактом и его ценностно-смысловым содержанием усиливается. Однако, наполняя цифровую среду наравне с информационно-объективными данными, этот контент рискует восприниматься в качестве объективного, несмотря на то, что, по существу, он, скорее, является симуляком, либо искажающим действительность, либо полностью отделенным от нее. Таким образом, генеративно-социальное взаимодействие, основанное на обработке генеративно субъективных данных ранее проведенного синтеза, становится социально объективным результатом и контентом, возвращающимся из цифрового пространства в реальный мир, но не воспроизводящим его исходные предпосылки.

Коротко данный процесс можно отразить в виде следующей схемы (рис. 2).

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 2. Визуализация процесса социокультурной рекурсии во взаимодействии с GenAI

Fig 2. Visualisation of the process of sociocultural recursion in interaction with GenAI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Проведенный анализ фокусировался на решении трех ключевых задач: определение состава акторов взаимодействия с GenAI, характеристика специфики их взаимосвязи и раскрытие на основе этой структуры особенностей реализации функций смыслообразования и воспроизводства в части проявления социокультурной рекурсии.

Акторно-сетевая структура взаимодействия с GenAI раскрыта тремя ключевыми элементами: социальным актором (репрезентированным в цифровом пространстве человеком, являющимся носителем особенностей своих социальных групп и культурных стереотипов), генеративным актором (машинной технологией, способной к сбору данных и манипуляции ими в соответствии с заданной ей задачей) и опосредующим их взаимодействие массивом данных (текстовых, графических, фактологических и пр.). Последний выполняет ряд функций связи, которые можно ранжировать по степени участия в производстве и распространении смыслов: воспроизводящую (укрепление и распространение уже существующих смыслов без искажения их содержания и формы представления), синтезирующую (сочетание элементов нескольких форм при изложении одного содержания или иной вид компиляции, в которой известный смысловой базис интерпретируется с определенными абберациями), смыслообразующую (вкладывание новых значений в какую-либо существующую форму либо представление существующих значений в новой форме, существенно изменяющей первоначальные смыслы).

Результирующий характер социально-генеративного взаимодействия определяется социальной детерминированностью массивов данных, лежащих в его основе: социально или информационно объективные (взаимодействие основывается на анализе данных, произведенных реальными людьми в результате репрезентации своего социального опыта или культурных шаблонов, либо на анализе данных, отражающих фактические события в пользовательском поведении); социально субъективные (взаимодействие основывается на анализе данных, произведенных имитирующими человека цифровыми сущностями либо реальными людьми, намеренно искажающими или маскирующими свой социальный и культурный портрет иными данными); генеративно объективные (взаимодействие основывается на анализе социально объективных и социально субъективных данных, интерпретируемых GenAI в качестве релевантных запросов); генеративно субъектив-

ные (взаимодействие основывается на производстве и анализе данных, специально создаваемых для определенных целей обучения GenAI, либо на анализе данных, являющихся результатом вторичной обработки генеративного контента). Социально объективные и генеративно объективные можно рассматривать как информационно объективное взаимодействие.

Отсюда, соответственно, нами выделено четыре типа взаимосвязи акторов социально-генеративного взаимодействия: социально-генеративная (взаимодействие реального человека, фактов о реальном человеке или релевантного его социокультурному портрету контента с GenAI), имитационная социально-генеративная (взаимодействие контента, нерелевантного социокультурному портрету реального человека, социальной группы или общества, с GenAI), генеративно-генеративная (взаимодействие синтетических либо генеративных данных с GenAI) и генеративно-социальная (взаимодействие GenAI, обученного или использующего в качестве массива данных результаты предыдущих генеративно-генеративных взаимодействий, с реальным человеком).

Цифровой социальный актор, генеративно преобразующий представленные в цифровой среде данные, которые опосредуют его взаимодействие с социальным актором, может служить инициатором процесса социокультурной рекурсии. Социокультурная рекурсия связана с производством и инкультурацией определенных генеративных симулякров – образов, значительно искажающих реальный объект или же вовсе не имеющих соответствия в реальности, в отличие от циклического переноса социокультурного опыта человечества в цифровую форму и последующего его воспроизведения обратно в среде материальных взаимодействий.

Детерминантом этого процесса служат массивы данных, на основе которых происходит синтез нового контента. Искажаясь при пересборке в различных комбинациях, они могут быть отчуждены от своих первоначальных смыслов и связаны с иными. Распространяясь в цифровом и материальном пространстве, эти искажения начинают восприниматься в качестве объективных, становясь, как и изначально синтезированные данные, базой для дальнейших генераций, усугубляющих различия в интерпретации исходного массива.

Таким образом, мы получаем рекурсивный процесс. Исходной точкой рекурсии служит перевод объективной информации, отражающей существующую социокультурную действительность, в ее цифровую репрезентацию актором-человеком. Тогда как непосредственно рекурсивные

циклы начинаются при трансформации исходных данных генеративным актором, продолжаются при их распространении в цифровой среде и за ее пределами и служат исходной точкой для следующего витка рекурсии, будучи закрепленными в социокультурных системах различных уровней.

Проведенная концептуализация, на наш взгляд, позволяет сформировать более детальную структуру протекания трансформационных социокультурных процессов, связанных с работой GenAI. Как следствие, это может служить материалом для

дальнейшей разработки практических административно-управленческих решений по регулированию взаимодействия с GenAI. Вместе с тем представленный материал может также послужить основой для дальнейшей междисциплинарной научной дискуссии, затрагивающей как особенности онтологического статуса цифровых акторов, так и их роль в направлении социальных процессов, формировании малых и больших групп, в трансформации социокультурного ландшафта будущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.А. Возможен ли искусственный преподаватель? *Технологос*. 2020;4:40–55. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.4.04>
- Батенова Ю.В. Информационное пространство: междисциплинарный ракурс. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2015;4(40):7–19.
- Былевский П.Г. Социально-культурные риски мультимодальных больших генеративных моделей «искусственного интеллекта» (GenAI). *Культура и искусство*. 2024;6:213–224. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2024.6.70926>
- Денисова Г.С., Полонская И.Н., Сусименко Е.В. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии. *Вестник Института социологии*. 2022;2(13):137–158. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.797>
- Каллон М. Акторно-сетевая теория. Пер. с англ. А.Г. Кузнецова. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2001. <https://doi.org/10.1016/b0-08-043076-7/03168-5>
- Ким А.В. Методологический подход к изучению отношений в сети: качественный сетевой анализ. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023;3(15):11–30. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.1>
- Кузьмин А.Н., Туровец А.М. Проблема минимизации общих ошибок языковых генеративных моделей нейронных сетей в логистических системах. В кн.: *Бизнес. Инновации. Экономика*. Выпуск 10. Минск: Институт бизнеса Белорусского государственного университета; 2024. С. 155–160.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М.: Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»; 2014. 382 с.
- Личутин А.В. Онтология рекурсивных структур. Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Архангельск: Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 2006. 20 с.
- Морозова Е.В., Плотицкина Н.В., Попова К.И. Государство как агент цифровой социализации. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019;2(13):5–16. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-2-5-16>
- Пирлиев К., Тедженова Дж., Чарыев М. Значение сетевого анализа в изучении социальных связей у подростков-правонарушителей. *Вестник науки*. 2024;3(72(1)):401–407.
- Сазонов А.А. Интеграция акторно-сетевой теории и концепции социотехнических воображаемых в контексте социальных исследований искусственного интеллекта. *Социология науки и технологий*. 2024;4(15):83–99. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-4-83-99>
- Сединин Я.А. Перверсия цифрового мира: этика ChatGPT в контексте психоанализа и социальной философии. *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2023;4(51):73–86. <https://doi.org/10.18799/26584956/2023/4/1664>
- Тишкова А.С. Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс. *Человеческий капитал*. 2023;12–1(180):212–218. <https://doi.org/10.25629/НС.2023.12.19>
- Фостер Д. Генеративное глубокое обучение. Как не мы рисуем картины, пишем романы и музыку. Пер. с англ. СПб.: Питер; 2024. 448 с.
- Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен. В кн.: *Современная зарубежная социальная психология*. Пер. с англ. М.: Московский ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного знамени государственный университет имени М.В. Ломоносова; 1984. С. 82–91.
- Чубаров И.М., Попова Т.А., Сенцова К.А. Цифровой друг: проблемы идентичности в парадигме искусственного интеллекта. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024;3(141):95–100. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.54>

- Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island parish. *Human Relations*. 1954;1(7):39–58. <https://doi.org/10.1177/001872675400700102>
- Darawsheh S.M.H. The digital social actor: the marginalized player in the sociology of social change. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*. 2021;9(12):6322–6338.
- Goriunova O. Digital subjects: an introduction. *Subjectivity*. 2019;1(12). <https://doi.org/10.1057/s41286-018-00065-2>
- Heimann M., Hübener A.-F. AI as social actor: a Lacanian investigation into social technology. *Journal of Digital Social Research*. 2023;1(5):48–69. <http://dx.doi.org/10.33621/jdsr.v5i1.159>
- Hsu G., Bechky B.A. Exploring the digital undertow: how generative AI impacts social categorizations in creative work. *Organization Theory*. 2024;3(5). <https://doi.org/10.1177/26317877241275118>
- Laine J., Minkinen M., Mäntymäki M. Understanding the ethics of generative AI: established and new ethical principles. *Communications of the Association for Information Systems*. 2025;1(56). <https://doi.org/10.17705/1CAIS.05601>
- Li Yu., Zhu J. An ethical study of generative AI from the actor-network theory perspective. *International Journal on Cybernetics & Informatics*. 2024;13(1):67–78. <https://doi.org/10.5121/ijci.2024.130106>
- Orlikowski W.J., Scott S.V. The digital undertow and institutional displacement: a sociomaterial approach. *Organization Theory*. 2023;2(4). <https://doi.org/10.1177/26317877231180898>

REFERENCES

- Alekseeva E.A. Is an artificial teacher possible? *Technologos*. 2020;4:40–55. (In Russian). <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2020.4.04>
- Barnes J.A. Class and committees in a Norwegian Island parish. *Human Relations*. 1954;1(7):39–58. <https://doi.org/10.1177/001872675400700102>
- Batenova Yu.V. Information space: an interdisciplinary perspective. *Innovation in psychological and pedagogical studies*. 2015;4(40):7–19. (In Russian).
- Bylevsky P.G. Socio-cultural risks of large multimodal generative models of “artificial intelligence” (GenAI). *Culture and Art*. 2024;6:213–224. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2024.6.70926>
- Callon M. Actor network theory. Trans. from Eng. A.G. Kuznetsov. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2001. (In Russian). <https://doi.org/10.1016/b0-08-043076-7/03168-5>
- Chubarov I.M., Popova T.A., Sentsova K.A. The digital other: problems of identity in the artificial intelligence paradigm. *International Research Journal*. 2024;3(141):95–100. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.141.54>
- Darawsheh S.M.H. The digital social actor: the marginalized player in the sociology of social change. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*. 2021;9(12):6322–6338.
- Denisova G.S., Polonskaya I.N., Susimenko E.V. Actor-network theory: innovative aspects of sociological methodology. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;2(13):137–158. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.797>
- Foster D. Generative deep learning. Creative applications of neural networks. Trans. from Eng. St. Petersburg: Piter; 2024. 448 p. (In Russian).
- Goriunova O. Digital subjects: an introduction. *Subjectivity*. 2019;1(12). <https://doi.org/10.1057/s41286-018-00065-2>
- Heimann M., Hübener A.-F. AI as social actor: a Lacanian investigation into social technology. *Journal of Digital Social Research*. 2023;1(5):48–69. <http://dx.doi.org/10.33621/jdsr.v5i1.159>
- Homans J. Social behavior as exchange. In: *Modern foreign social psychology*. Trans. from Eng. Moscow: Moscow Order Lenin, October Revolution Order and the Order of Labor Red Banner State University named after M.V. Lomonosov; 1984. Pp. 82–91. (In Russian).
- Hsu G., Bechky B.A. Exploring the digital undertow: how generative AI impacts social categorizations in creative work. *Organization Theory*. 2024;3(5). <https://doi.org/10.1177/26317877241275118>
- Kim A.V. Methodological approach to study relationships in network: qualitative social network analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2023;3(15):11–30. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.1>
- Kuzmin A.N., Turovets A.M. The problem of minimizing the total errors of linguistic generative models of neural networks in logistic systems. In: *Business. Innovations. Economics*. Issue 10. Minsk: Institute of Business of the Belarusian State University; 2024. Pp. 155–160. (In Russian).
- Laine J., Minkinen M., Mäntymäki M. Understanding the ethics of generative AI: established and new ethical principles. *Communications of the Association for Information Systems*. 2025;1(56). <https://doi.org/10.17705/1CAIS.05601>
- Latour B. Reassembling the social. An introduction to actor network theory. Trans. from Eng. I. Polonskaya. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”; 2014. 382 p. (In Russian).
- Li Yu., Zhu J. An ethical study of generative AI from the actor-network theory perspective. *International Journal on Cybernetics & Informatics*. 2024;13(1):67–78. <https://doi.org/10.5121/ijci.2024.130106>

Lichutin A.V. Ontology of recursive structures. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Philos.): 09.00.01. Arkhangelsk: Pomor State University named after M.V. Lomonosov; 2006. 20 p. (In Russian).

Orlikowski W.J., Scott S.V. The digital undertow and institutional displacement: a sociomaterial approach. *Organization Theory*. 2023;2(4). <https://doi.org/10.1177/26317877231180898>

Morozova E.V., Plotichkina N.V., Popova K.I. The state as an agent of digital socialization. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019;2(13):5–16. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-2-5-16>

Pirliiev K., Tejenova J., Charyev M. Importance of network analysis in study of social connections among juvenile offenders. *Bulletin of Science*. 2024;3(72(1):401–407. (In Russian).

Sazonov A.A. Integration of actor-network theory and the concept of sociotechnical imaginaries in the context of social studies of artificial intelligence. *Sociology of Science & Technology*. 2024;4(15):83–99. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-4-83-99>

Sedinin Ya.A. Perversion of the digital world: ethics of ChatGPT in the context of psychoanalysis and social philosophy. *Journal of wellbeing technologies*. 2023;4(51):73–86. (In Russian). <https://do.org/10.18799/26584956/2023/4/1664>

Tishkova A.S. features of digital socialization of modern youth: theoretical excursion. *Human capital*. 2023:12–1(180):212–218. (In Russian). <https://doi.org/10.25629/HC.2023.12.19>

Цифровая элита и традиционные политики

УДК 316.4.06

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-17-26

Получено 22.05.2025

Доработано после рецензирования 27.06.2025

Принято 30.06.2025

Перепелкин Владислав Андреевич

Аналитик Центра цифровой социологии «Ядов-центр»

ORCID: 0009-0001-5947-0352

E-mail: perepel_vlad@mail.ru

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия

Крыштановская Ольга Викторовна

Д-р социол. наук, директор Центра цифровой социологии
«Ядов-центр»

ORCID: 0000-0001-5278-0940

E-mail: olgakrysh@ya.ru

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Рассматривается трансформация легитимации политической власти в условиях цифровизации и конкуренции между традиционной политической элитой и представителями цифровой элиты. Этот процесс связан с ростом сетевизации современного общества и увеличивающейся ролью социальных медиаплатформ в повседневной жизни людей. На основе эмпирического анализа аккаунтов политиков и инфлюенсеров в социальных сетях выявляются различия в эффективности сетевого взаимодействия, стратегиях коммуникации и характере публикуемого контента. Анализируются сетевая активность обеих групп, вовлеченность их аудитории в коммуникацию. Исследование показывает, что представители цифровой элиты значительно превосходят политиков по объему и лояльности аудитории. Для анализа полученных показателей используются методы качественного контент-анализа, создана типология публикаций цифровой и политической элит. Недостаточная эффективность сетевого

взаимодействия политиков с обществом связана с тем, что представители официальной власти обращаются к формальным, односторонним по своей структуре взаимодействиям с обществом практикам коммуникации. В своей публичной деятельности они преимущественно ориентируются на укрепление системной легитимности, что снижает их эффективность в социальных сетях. Агенты сетевой элиты, напротив, прибегают к более персонифицированной, эмоциональной и интерактивной подаче информации, и это вызывает интерес у зрителей и способствует росту их популярности. Таким образом, ключевое отличие двух элит состоит в том, что публичная политика аватаров официальной власти в первую очередь направлена на формирование доверия к последней, а не на приобретение персональной популярности ее акторов. Работа подчеркивает необходимость адаптации государственной коммуникации к новым условиям цифровой конкуренции за внимание и доверие граждан.

Ключевые слова

Цифровая элита, политическая коммуникация, политическая элита, легитимность, социальные сети, инфлюенсеры, публичная политика, цифровая репрезентация, информационное взаимодействие, доверие к власти

Для цитирования

Перепелкин В.А., Крыштановская О.В. Цифровая элита и традиционные политики // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 17–26.

© Перепелкин В.А., Крыштановская О.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Digital elite and traditional politicians

Received 22.05.2025

Revised 27.06.2025

Accepted 30.06.2025

Vladislav A. Perepelkin

Analyst of the Centre of Digital Sociology "Yadov-Centre"

ORCID: 0009-0001-5947-0352

E-mail: perepel_vlad@mail.ru

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Olga V. Kryshstanovskaya

Dr. Sci. (Sociol.), Director of the Centre of Digital Sociology
"Yadov-Centre"

ORCID: 0000-0001-5278-0940

E-mail: olgakrysht@ya.ru

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the transformation of legitimization of political power amid digitalisation and competition between traditional political elite and digital elite representatives. This process is linked to the growing networked nature of contemporary society and increasing role of social media platforms in daily life. Based on empirical analysis of social media accounts of politicians and influencers, the study identifies differences in online engagement effectiveness, communication strategies, and nature of published content. Online activity of both groups and engagement of audience into communication are analysed. The findings show that the digital elite representatives significantly outperform the politicians in audience size and loyalty. To consider the obtained indicators, qualitative content analysis methods are applied, and a typology of posts by digital and political elites is developed.

The limited effectiveness of the politicians' online engagement is attributed to their reliance on formal, structurally one-sided communication practices. In their public activity, they mainly focus on strengthening systemic legitimacy, which reduces their effectiveness on social networks. By contrast, the digital elite agents employ more personalised, emotional, and interactive ways of presenting information, generating audience interest and boosting popularity. Thus, the key difference between the two elites is that public communications of the official avatars are primarily aimed at building trust in government, rather than gaining personal popularity for its actors. The article stresses the need to adapt state communication to the new realities of digital competition for citizens' attention and trust.

Keywords

Digital elite, political communication, political elite, legitimacy, social media, influencers, public policy, digital representation, information interaction, trust in government

For citation

Perepelkin V.A., Kryshstanovskaya O.V. (2025) Digital elite and traditional politicians. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 17–26. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-17-26

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Отношения власти неразрывно связаны с понятием легитимности, устанавливаемой посредством информационного взаимодействия между правящими и подчиненными группами. На протяжении истории оно осуществлялось через иерархические модели коммуникации, и господствующие классы не имели конкуренции в этой области. Однако растущая цифровизация общества привела к появлению социальных сетей, построенных на принципах горизонтальной передачи данных между их участниками. Возникший слой автономного от государства информационного пространства приводит к появлению в нем лидеров, обладающих влиянием на сознание людей, – цифровой элиты общества. Положение, при котором значительные ресурсы для легитимации и делегитимации оказываются в руках социальной группы, неподконтрольной для истеблишмента, ставит под угрозу стабильность политической вертикали. Власть вынуждена адаптироваться к новым условиям, чтобы вернуть под свой контроль публичное поле, это требует интеграции в цифровые сети.

В этой статье мы попытаемся исследовать сетевые практики государства и его представителей, насколько они адаптированы к новым условиям тотальной цифровизации, выдерживают ли конкуренцию с влиятельными силами сети, насколько эффективна политическая элита в сетевом взаимодействии с обществом.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ / DEGREE OF SCIENTIFIC DEVELOPMENT

К настоящему времени написано много работ об изменениях, привнесенных в социальное пространство цифровыми сетями. Родоначальником фундаментальных исследований в этой области считается испанский социолог М. Кастельс [Кастельс, 2006]. Он был в числе первых ученых, предвосхитивших разрушение баланса сил в области контроля и управления с увеличением объема горизонтальных коммуникационных связей. Значимый концептуальный вклад внесли труды шведских теоретиков А. Барда и Я. Зодерквиста [Бард, Зодерквист, 2004]. Принципы, лежащие в основе цифрового влияния, описаны в книге Дж. Хейманса и Г. Тиммса «Новая власть» [Хейманс, Тимс, 2019].

Одним из первых отечественных исследователей сетевой коммуникации стал В.И. Кравченко [Кравченко, 2003]. Он определил интернет как офшорную зону свободы в области

политического информационного взаимодействия. Некоторым образом ему противоречат работы А.И. Соловьева, полагающего, что инициатива в процессе создания и распространения смыслов до сих пор принадлежит правящим группам, но будет размываться с течением времени [Соловьев, 2002]. Этой же точки зрения придерживается и И.М. Дзялошинский, делая в своих работах акцент на интерпретацию смыслов, которая исторически также являлась привилегией власти имущих и навязывалась посредством средств массовой информации [Дзялошинский, 2009; Дзялошинский, 2013]. Однако с трансформацией медиапространства коммуникационные стратегии изменяются, возникает самоорганизующаяся система, требующая контроля и мониторинга. Эти идеи развивает Ю.А. Нисневич, он видит в нем возможность для контроля за действиями государства, механизм, с помощью которого народ может организовать систему, в которой административные институты станут более прозрачными и подотчетными [Нисневич, 2006].

Изучение цифрового общества находится в авангарде современной науки, что отмечала в своей работе Н.Н. Мещерякова [Мещерякова, 2020]. В частности, отдельный ряд исследований посвящен анализу взаимодействия государственного аппарата с цифровым пространством. Среди них существуют работы, описывающие административное проникновение формальной власти в сети. Ими занимались такие ученые, как И.А. Лавров [Лавров, 2021], Е.А. Тигранян [Тигранян, 2018] и В.Д. Акишина [Акишина, 2018]. Существуют также отдельные статьи, в которых фиксируется рост цифровой репрезентации элиты на примере конкретных медиаплатформ, к их автором относятся Н.А. Юшкина [Юшкина, 2022], А.А. Комарова [Комарова, 2021], А.В. Киселев и П.Н. Киричëк [Киселев, Киричëк, 2019] и др. Однако на сегодняшний день не существует исследования, анализирующего эффективность взаимодействия российской политической элиты с обществом в цифровом пространстве через призму особенностей коммуникации [Крыштановская, Филиппова, 2018; Крыштановская, 2019].

В настоящей работе мы рассматриваем проблемное поле обмена смыслами под углом легитимности политической власти. Она непосредственным образом связана с производством общественного мнения, оригинальный взгляд в этой области знания был предложен П. Бурдьё в его работе о социологии политики [Бурдьё, 1993]. Французский социолог утверждает, что производство мнения – привилегия небольшой группы людей, глубоко погруженных в политику.

Впоследствии эти идеи нашли развитие в книге Л. Деллмут и Й. Таллберга [Dellmuth, Tallberg, 2023]. Исследователи акцентируют наше внимание на значимой роли социальных сетей в конструировании политических оценок. Среди прочих иностранных работ по изучаемой теме можно выделить труды Б. Гилли [Gilley, 2006], Л. Деллмут [Dellmuth, 2018], Й. Таллберга, К. Бекстранд, Й.А. Шолте и др. [Tallberg, Bäckstrand, Scholte, 2018].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ / RESEARCH RESULTS

Основу эмпирической базы нашего исследования составили результаты анализа аккаунтов представителей политической и цифровой элит. К последним мы относим лидеров влияния в интернете, обладающих совокупной аудиторией в социальных сетях от 1 млн чел. Первая группа репрезентирована политиками, занимающими высшие посты в федеральных органах власти. Для релевантности сравнения мы рассматривали инфлюенсеров, публикующих контент на социально-политическую тематику, а также отбирали профили чиновников с аудиторией свыше 50 тыс. чел. В результате среди респондентов оказались представители традиционной политической элиты (главы субъектов Российской Федерации (далее – РФ) и депутаты Государственной думы РФ) и представители цифровой элиты (влиятельные и популярные журналисты, военные корреспонденты, политические блогеры-миллионники и другие публичные персоны).

Ключевым понятием для нашего анализа стала «эффективность», определяемая как достижение желаемых результатов в сетевой деятельности. Несомненно, в своей публичной деятельности они преследуют различные цели: истеблишмент укрепляет легитимность своего статуса, в то время как цифровая элита стремится конвертировать сетевой капитал в прочие ресурсы. Однако достижение поставленных ими целей сводится к приобретению большой и лояльной аудитории, это условие является ключевым для приобретения влияния в сети.

АНАЛИЗ ДАННЫХ / DATA ANALYSIS

При анализе эффективности мы опирались на метрики, отраженные в сетевых аккаунтах, в частности на просмотры постов, реакции и комментарии к ним. На основе собранных данных было построено несколько индексов: индексы лояльности и объема аудитории. Для объяснения полученных результатов мы обратились

к качественному анализу текстов публикаций. Сбор данных был произведен методом парсинга публикаций в период с 1 по 28 февраля 2025 г. с помощью программного обеспечения Popsters.

Для анализа эффективности сетевого взаимодействия двух элит с обществом мы построили индексы объема и лояльности аудитории и рассчитали их для каждого из респондентов. Значения объема аудитории мы получали по формуле:

$$V = \frac{V_t + V_y + V_v}{3 \cdot 1\,000}, \quad (1)$$

где V – показатель объема аудитории респондента; V_t – численность аудитории в «Телеграм»; V_y – численность аудитории в YouTube; V_v – численность аудитории в «ВКонтакте».

Неформальные лидеры многократно превосходят официальных представителей власти по этому показателю. Среднее количество подписчиков первых составляет 3 873 087 чел. против 431 717 чел. у вторых. Максимальное значение среди политиков составило 2 990 300 чел. Среди инфлюенсеров 70 % респондентов обладают аудиторией более 2 млн чел. Среднее значение индекса объема аудитории для инфлюенсеров равно 1 291 п., для политиков – около 144 п.

Индекс лояльности. Лояльность подписчиков мы фиксировали через индекс, интегрирующий положительные реакции к публикациям и комментарии, в которых положительно оценивалась деятельность актора или отмечалась симпатия по отношению к нему лично. Для этого была создана следующая формула:

$$L = \left(\frac{l}{o} + \frac{K_p}{K} \right) / 2, \quad (2)$$

где L – показатель лояльности аудитории респондента; l – общее количество лайков; o – общее количество просмотров; K – общее количество комментариев; K_p – количество положительных комментариев.

В полученной нами форме показатель лояльности лежит в малом числовом диапазоне [0; 1], что затрудняет восприятие и интерпретацию данных. Мы масштабировали его путем пропорционального умножения на 1 000. Это действие не повлияло на статистическую значимость, но упростило сравнительный анализ чисел. В результате мы выяснили, что политики практически вдвое уступают своим соперникам по приведенным показателям: 1,9 против 3,5. В первую очередь они отстают в пропорции положительных реакций к просмотрам. Столь значимый разрыв

также во многом обусловлен соотношением положительных комментариев к их общему числу.

Значимая доля обсуждений под постами политической элиты приходится на проблемы, не связанные с темами, затронутыми в них. Люди используют возможность высказаться, чтобы получить помощь или поделиться эмоциями. Бесстрастная, скупая на личностные и эмоциональные проявления риторика, демонстративно-формальный образ обезличивают их в восприятии граждан, которые в своих обращениях апеллируют не к конкретному человеку, а к самой структуре. Среди одобрительных комментариев мы нередко встречаем удовлетворение работой системы в целом, а не действиями конкретной фигуры. Все это не свойственно поклонникам инфлюенсеров, оставляющим свои суждения на страницах цифровой элиты. В результате показатели эффективности взаимодействия с аудиторией истеблишмента нередко ниже в десятки раз.

АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ / ANALYSIS OF DIGITAL PRACTICES OF THE POLITICAL ELITE

К анализу полученных результатов можно подойти с двух позиций. В основании первой лежат сетевые практики, реализуемые акторами в интернете. Например, разрыв в эффективности между представителями двух групп может быть вызван низкими показателями сетевого присутствия или недостаточной вовлеченностью аудитории. Алгоритмы социальных сетей пессимизируют такие аккаунты, что мешает росту цифровых поклонников. Мы проверили обе гипотезы, ни одна из них не нашла подтверждения. Сетевая активность политиков ниже, однако коэффициент корреляции Пирсона указал на отсутствие зависимости между частотой публикаций и популярностью: $-0,045$ для политиков и $-0,24$ для инфлюенсеров, p -значение равно $0,85$ и $0,32$ соответственно. Истеблишмент не уступает по показателям вовлеченности аудитории, определяемой через индекс, включающий отношение количества просмотров к количеству подписчиков, а также количества лайков и комментариев к количеству просмотров.

Второй подход к объяснению этого феномена состоял в анализе особенностей публикуемого контента, для проверки этого допущения мы воспользовались методами качественного контент-анализа постов.

В ходе исследования мы создали типологию публикаций, отражающую наполнение страниц политической и цифровой элит.

Первое, на что следует обратить внимание, – разительный контраст в соотношении выделенных постов практически по всем категориям у респондентов из двух групп. Доминирующим типом контента официальных представителей власти являются репортажные записи – отчеты о встречах, проведенных совещаниях, выполненных задачах. С нашей точки зрения, в значительной степени подобные очерки обращены к зрителям из числа фактических руководителей, формально оценивающим публичную деятельность официальных лидеров. Они призваны подчеркнуть усердное трудолюбие и ежедневную монотонность рабочего процесса. Время от времени возникают отчеты другого характера – при столкновении формального с чрезвычайным. Политики помогают гражданам в преодолении последствий стихийных или рукотворных бедствий, отдают распоряжения, берут на себя контроль за их выполнением, лично общаются с россиянами, что выдает в них эмпатию и небезразличие и оценивается людьми много выше, чем рутинная демонстрация бюрократической исполнительности. С небольшим отставанием за репортажами следуют информационные публикации. Они также отличаются сухостью и безличностью, но часто набирают больше комментариев, поскольку имеют непосредственное отношение к жизни многих людей, особенно в прифронтовых регионах.

Посты из последней категории встречаются у инфлюенсеров даже чаще, чем у официальных представителей, зато мы практически не обнаруживаем репортажей на их страницах. Это связано со спецификой деятельности в медиа, практически полностью сконцентрированной в сети, то есть не требующей дополнительных отчетов и подтверждений. Доминирующим типом контента агентов сети являются, безусловно, развлекательные посты, нередко они несут в себе и образовательно-идеологизирующую функцию. Лидеры общественного мнения в интернете убеждены, что процесс эффективного донесения своих ценностей и мнений требует интересной подачи и эмоционально воздействует на публику. Завладеть вниманием, заинтересовать и вызвать отклик в их деятельности – задачи не менее важные, чем высказать свою точку зрения, в противном случае она останется неслышанной. Политики, напротив, избегают юмора и сильных чувств, боятся привести аудиторию в сильное возбуждение, воздерживаются от открытого самовыражения. Это находит свое отражение в незначительной доле личных постов. На их страницах в целом редко встречаются тексты, написанные от первого лица. Односоставные предложения и более

распространенное «мы» позволяют скрыть личность за образом институции, наделяя заявление пафосом официального языка и разделяя ответственность со всей структурой.

Здесь нельзя не отметить особенность коммуникации, характерную практически для всех агентов официальной власти. Она строится на принципах одностороннего взаимодействия и не содержит в себе пространства для обратной связи. Для того чтобы отчетливо зафиксировать этот феномен, мы ввели особую категорию публикаций – реактивные записи. К ним относятся посты, в которых автор подчеркивает значимость аудитории, например прямо утверждает, что выход материала на конкретную тему инициирован желанием подписчиков, приглашает людей поделиться мнением, освещает проблемы, поднимаемые в комментариях. На сегодняшний день политики в 5 раз уступают инфлюенсерам по этому показателю, многие из них вовсе закрывают свои комментарии или вводят жесткую модерацию. Существующие 5 % постов в основном приходятся на несколько официальных представителей власти, регулярно обращающихся к этому типу контента, что находит большой отклик у читателей блогов, позволяет им чувствовать свою значимость, демонстрирует открытость власти, действующей в интересах народа.

Сервильные и патриотические посты в своей формальной и прямой подаче во многом напоминают репортажи и нередко перекликаются с ними. Желание проявить гражданскую сознательность, солидаризироваться с государственной политикой свойственно и многим инфлюенсерам, однако те проявляют его мягче, вкладывая в более личные, пластичные формы. Цифровая элита раскрывает любовь к родине через собственное мироощущение: через образы родного дома, ностальгические воспоминания об общем светлом прошлом, любовь к культуре и природе. Такая осторожность не может быть не связана с тем, что прямая апология правящего класса и институтов власти вызывает подозрения в финансовой ангажированности автора. Так же, как и для политиков, ее утрата может стать концом карьеры для цифровых лидеров, поскольку именно поддержка и лояльность людей служат для них основной формой капитала. Публика требует от выступающих соответствия между словами и действиями, целостности взглядов, прозрачности в общении, последовательности и искренности в поведении. Конфликт, вызванный разрывом между декларируемыми и транслируемыми в образе ценностями, неизбежно вызывает упреки в фальши и манипуляции.

Такое обстоятельство объясняет, почему агенты сетевого влияния не раскрывают прямой аффилиации с государством, их патриотизм эмоционален, во многом интимен и опосредован личной верой в значение своих слов. Если государственная власть и превозносится ими, то по стилю изложения сообщения, скорее, напоминают теодицею, а не торжественную оду. Существующий государственный аппарат в их риторике является инструментом на пути к более справедливому обществу, а не продуктом его воплощения. Например, когда речь заходит о высокопоставленных начальниках, подчеркивается, что недостатки являются продолжением столь необходимых для страны достоинств в период турбулентности и нестабильности во внешней политике. Подчеркивается то, как преобразуется страна, как улучшается качество жизни и растет удовлетворение граждан. Предметом гордости нередко служат и сожаление уехавших о том, что они не смогли найти себя на новом месте, неудовлетворенность иностранцев внутри собственных государств.

На этом фоне не критического отношения к руководству выделяются публикации, воспроизводящие ценности этатизма и коллективизма. Столь открыто декларируемая лояльность отчасти призвана продемонстрировать безусловную верность выбранному курсу, отчасти – вызвать те же чувства среди собственной аудитории. Сервильные посты затрагивают практически все сферы социально-политической жизни, стремятся охватить как историческое прошлое, так и весьма оптимистически предопределенное будущее. Чаще всего в них упоминаются президент, правоохранительные органы, силовые ведомства, реже их внимание уделено так называемым технократам, служащим глубинного государства. К сервильному типу можно отнести значительную долю постов о специальной военной операции (далее – СВО). Официальные представители власти подчеркивают значимость происходящего для каждого гражданина, одобряют ее ход и достижение промежуточных целей, стараются мобилизовать сограждан против общего врага. Однако в комментариях нередко появляются вопросы о глобальных целях, темпах наступления, принятых военно-политических решениях. Аватары официальной власти часто уходят от прямого ответа, избегают давать их и провластные блогеры. И те, и другие высказываются в поддержку СВО в достаточно абстрактном смысле, предпочитая яркие лозунги строгим аргументам. Широко используются понятные сознанию сетевого обывателя традиционные символы победы.

Семантическая сеть, взятая на вооружение авторами, состоит из множества нарративов, в которых переплетаются образы экзистенциальных угроз, многополярного мира, перспектив будущих поколений, мужества российского народа, квазигосударства, добра, глобализма и пр.

Среди 3 959 проанализированных публикаций мы видели попытки использовать язык, выражающий любовь к родине, гордость за свою страну. Политики высоко превозносят подвиги героев, не вдаваясь в подробности и обходя сложные для объяснения ситуации. На этом фоне можно отменить больший отклик, который получают у аудитории записи, повествующие о судьбах простых людей, выходящие за рамки манифеста и обращающиеся к конкретным проблемам.

Следует также обратить внимание на небольшое количество критических постов на страницах политиков. Мы относили к ним записи, авторы которых осознанно идут на конфликт или выступают в роли агентов справедливости. Такие публикации встречаются лишь у самых уверенных блогеров, но приносят хорошие медийные дивиденды, собирая больше положительных комментариев. Объектами критики политической элиты время от времени становятся не только частные персоны, поправшие моральную или юридическую норму, но и общественные организации и даже социальные группы, которые проявляют непатриотичность. Цифровая элита отличается меньшей избирательностью, выступая против чиновников, граждан, чьи взгляды им чужды, и соратников. Такие форматы получают большой охват, волнуя чувства ресентимента и справедливости, находя поддержку людей из идеологически близкого им сегмента общества.

ОСОБЕННОСТИ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИКОВ / FEATURES OF NETWORK COMMUNICATION OF POLITICIANS

Анализируя особенности коммуникативных практик аватаров политической элиты, мы обнаружили, что они, скорее, препятствуют достижению эффективности их взаимодействия с обществом. Большое количество репортажей и сервильных постов, закрытость для дискуссии и отсутствие выраженного личного мнения, сухость, официальность и безличность текстов – все это еще раз подчеркивает зависимость и ориентацию на руководство, дистанцирование от аудитории. Такая аскетичность указывает на то, что ключевые задачи политической элиты

в интернете – укрепление доверия к системе в целом, легитимация положения правящего класса в иерархической структуре, а не приобретение персональной популярности.

Пока цифровая элита трудится над накоплением сетевого капитала, представители истеблишмента предпринимают усилия для поддержания гражданской лояльности к системе в целом. Популярность в цифровом пространстве для каждого из них обладает потенциалом для дальнейшего развития. Активность в интернете для акторов официального дискурса несет в себе бремя и дополнительные репутационные риски. В своей свободе публичной деятельности они ограничены узким коридором допустимых действий. Может показаться, что эти слова имеют отношение лишь к мнениям, противоречащим текущей политике государства. Нет сомнений, что значительная часть официальных представителей власти искренне ее разделяет, однако высказывание мнений таит в себе угрозу ложной интерпретации. Аудитория требует от автора последовательности в выступлениях. Убежденные сторонники СВО и военные корреспонденты не могут говорить с людьми только о победах, о светлых страницах кампании. Изменчивость ситуации, высокая турбулентность политического процесса сегодня могут привести к тому, что политик, пытающийся угадать направление, вдруг оказывается вне мейнстрима. Такое положение таит в себе опасность, поскольку публичные персоны из числа политической элиты высказываются не от имени частного лица. Они наделяют свои слова символическим смыслом, и сетевая аудитория воспринимает это не как выражение личной позиции чиновника, а как артикуляцию принятого курса. Эти обстоятельства приводят к тому, что политики, желающие сохранить свой статус, не рискуют быть многословными и открытыми, их самовыражение как бы блокируется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Современное информационное поле в условиях широкой цифровизации перенасыщено смыслами и нарративами, которые во многом сконцентрированы в социальных сетях. На этой почве традиционные иерархические формы коммуникационного взаимодействия между правящими и подчиненными социальными группами теряют свою универсальность, что усугубляется появлением автономных агентов символического влияния с собственными интересами. Такое положение несет угрозу для легитимности политической

элиты, следовательно, и для стабильности всего государства. Эти процессы нельзя недооценивать: делегитимация может разрушать устойчивость системы. Мы видим, как власть проникает в цифровые сети, но, в силу особенностей реализуемых ею практик во взаимодействии с обществом, не может действовать в них столь же эффективно. Политики в основном закрыты для аудиторией, это находит свое проявление в соотношении публикаций из разных категорий, в стилистике изложения, недостаточной обратной связи, личной и эмоциональной закрытости. Эти принципы детерминированы сущностью политической системы, частью которой они являются. Публичная политика аватаров официальной власти в первую очередь направлена на формирование

доверия к последней, а не на приобретение персональной популярности ее акторов. Поддержание имиджа требует избегания репутационных рисков, четкого донесения курса государственной политики, не терпит популизма и соперничества друг с другом. Инфлюенсеры, предоставленные сами себе и зависимые лишь от доверия аудитории фолловеров, не ограничены этими рамками. Это позволяет им лично и неформально проявляться, не избегать острых тем, делиться мнением, что способствует быстрому росту числа сторонников, большей эффективности в сетевом пространстве. Поэтому нужно констатировать, что государству еще предстоит большая работа по адаптации к новым условиям и оптимизации деятельности своих представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишина В.Д. Проблема управляемости на примере блокировки Telegram. *Аллея науки*. 2018;8(24(4)):570–575.
- Бард А., Зодерквист Я. *Netopatia*. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Пер. с англ. В. Мишучкова. СПб.: Стокгольмская школа экономики; 2004. 256 с.
- Бурдье П. *Социология политики*. Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos; 1993. 336 с.
- Дзялошинский И.М. *Гражданские коммуникации и гражданское общество*. М.: МедиаМир; 2009. 294 с.
- Дзялошинский И.М. *Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов*. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования; 2013. 480 с.
- Кастельс М. *Власть коммуникации*. Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Юрайт; 2006. 459 с.
- Киняшева Ю.Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2018;3:112–120.
- Киселев А.В., Киричк П.Н. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019;2(19):322–336. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-2-322-336>
- Комарова А.А. Политические лидеры и молодежь: взаимодействие в социальных сетях. *Цифровая социология*. 2021;1(4):42–49. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49>
- Кравченко В.И. *Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; 2003. 272 с.
- Крыштановская О.В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху. *Цифровая социология*. 2019;2(2):4–11. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-4-11>
- Крыштановская О.В., Филиппова А.М. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети. *Вестник университета*. 2018;6:171–176. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-6-171-176>
- Лавров И.А. Партии в цифровых джунглях. *Вестник университета*. 2021;12:168–178. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-12-168-178>
- Лавров И.А., Сокол А.В. Российская власть и Интернет: безопасность против свободы слова. *Цифровая социология*. 2019;2(2):12–24. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-12-24>
- Мещерякова Н.Н. Методология познания цифрового общества. *Цифровая социология*. 2020;2(3):17–26. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-17-26>
- Нисевич Ю.А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2006;1(6):68–80.
- Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. *Полис. Политические исследования*. 2002;3:5–18. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>
- Тигранян Е.А. «Антитеррористический пакет» Яровой: реакция российских и зарубежных изданий. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018;1(37):103–112. <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112>

Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть. Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2019. 336 с.

Юшкина Н.А. Электоральный потенциал публичных политиков в социальных сетях. Вестник университета. 2022;1:188–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-188-196>

Dellmuth L. Individual sources of legitimacy beliefs: theory and data. In: Legitimacy in global governance. Sources, processes, and consequences. Oxford: Oxford University Press; 2018. Pp. 37–55.

Dellmuth L., Tallberg J. Legitimacy politics. In: Legitimacy politics. Elite communication and public opinion in global governance. Cambridge: Cambridge University Press; 2023. Pp. i–ii.

Gilley B. The meaning and measure of state legitimacy: results for 72 countries. European Journal of Political Research. 2006;3(45):499–525. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00307.x>

Tallberg J., Bäckstrand K., Scholte J.A. (eds.) Legitimacy in global governance. Sources, processes, and consequences. Oxford: Oxford University Press; 2018. 272 p.

REFERENCES

Akinshina V.D. Problem of controllability on the example of Telegram blocking. Alley of Science. 2018;8(24(4)):570–575. (In Russian).

Bard A., Söderqvist J. Netocracy. The new power elite and life after capitalism. Trans. from Eng. V. Mishuchkov. St. Petersburg: Stockholm School of Economics; 2004. 256 p. (In Russian).

Bourdieu P. Political sociology. Trans. from Fr. N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. (In Russian).

Castells M. Communication power. Trans. from Eng. N.M. Tylevich. Moscow: Urait; 2006. 459 p. (In Russian).

Dellmuth L., Tallberg J. Legitimacy politics. In: Legitimacy politics. Elite communication and public opinion in global governance. Cambridge: Cambridge University Press; 2023. Pp. i–ii.

Dellmuth L. Individual sources of legitimacy beliefs: theory and data. In: Legitimacy in global governance. Sources, processes, and consequences. Oxford: Oxford University Press; 2018. Pp. 37–55.

Dzyaloshinsky I.M. Civil communication and civil society. Moscow: MediaMir; 2009. 294 p. (In Russian).

Dzyaloshinsky I.M. The media space of Russia: communication strategies of social institutions. Moscow: Academy of Advanced Training and Professional Retraining of Educational Specialists; 2013. 480 p. (In Russian).

Gilley B. The meaning and measure of state legitimacy: results for 72 countries. European Journal of Political Research. 2006;3(45):499–525. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00307.x>

Heimans J., Timms H. New power. How power works in our hyperconnected world – and how to make it work for you. Trans. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2019. 336 p. (In Russian).

Kinyasheva Y.B. Social networks as a tool of political mobilization of citizens in modern Russia. Izvestia Tula State University. Humanitarian sciences. 2018;3:112–120. (In Russian).

Kiselev A.G., Kirichek P.N. The trends of political communication under social modernization. RUDN Journal of Sociology. 2019;2(19):322–336. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-2-322-336>

Komarova A.A. Political leaders and young people: interaction in social networks. Digital Sociology. 2021;1(4):42–49. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49>

Kravchenko V.I. Power and communication: problems of interaction in the information society. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance; 2003. 272 p. (In Russian).

Kryshtanovskaya O.V. Elite in social networks: new forms of feedback in the digital age. Digital Sociology. 2019;2(2):4–11. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-4-11>

Kryshtanovskaya O.V., Filippova A.M. Research of political communications: the state and social media. Vestnik universiteta. 2018;6:171–176. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-6-171-176>

Lavrov I.A. Parties in the digital jungle. Vestnik universiteta. 2021;12:168–178. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-12-168-178>

Lavrov I.A., Sokol A.V. Russian authority and the internet: safety vs freedom of speech. Digital Sociology. 2019;2(2):12–24. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2019-2-12-24>

Meshcheryakova N.N. Methodology for cognition of digital society. Digital Sociology. 2020;2(3):17–26. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-17-26>

Nisnevich Yu.A. The information and communication stabilization of political system. RUDN Journal of Political Science. 2006;1(6):68–80. (In Russian).

Solovyov A.I. Political communication: to the problem of theoretical identification. Polis. Political Studies. 2002;3:5–18. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

Tallberg J., Bäckstrand K., Scholte J.A. (eds.) Legitimacy in global governance. Sources, processes, and consequences. Oxford: Oxford University Press; 2018. 272 p.

Tigranyan E.A. “Yarovaya Package”: of anti-terrorist amendments: the reaction of Russian and foreign editions. Belgorod State University Scientific Bulletin Series: Humanities. 2018;1(37):103–112. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112>

Yushkina N.A. Public politicians’ electoral potential in social media. Vestnik universiteta. 2022;1:188–196. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-188-196>

ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство

УДК 32.019.5, 004

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44

Получено 07.06.2025

Доработано после рецензирования 30.06.2025

Принято 02.07.2025

Арамисов Тимур Русланович

Директор Центра социально-политических исследований, ст. преп. каф. теории и технологии социальной работы

ORCID: 0009-0002-7842-8931

E-mail: timur_aramisov@mail.ru

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются трансформации социальной политики в условиях цифровизации на уровне субъектов Российской Федерации. Целью исследования является выявление влияния цифровых решений на реализацию принципов социального государства и снижение социального неравенства в различных региональных контекстах. В качестве эмпирических кейсов проанализированы Санкт-Петербург, Тюменская область, Кабардино-Балкарская Республика и Забайкальский край – регионы, демонстрирующие контрастные уровни цифровой зрелости, бюджетной обеспеченности и институциональной развитости. Методология включает качественный контент-анализ стратегических документов и публичных речей, сопоставление цифровых индикаторов (уровень охвата интернетом, использование платформы «Госуслуги», цифровая грамотность), а также вторичный анализ статистических и нормативных

источников за 2021–2024 гг. Полученные результаты позволили выделить четыре региональные модели цифровой социальной политики, различающиеся по степени интеграции цифровых технологий и социальной инклюзивности. Установлена устойчивая связь между институциональными возможностями регионов и глубиной цифровой трансформации. Подчеркнута необходимость культурной адаптации цифровых сервисов и развития инфраструктуры на отдаленных и этнически неоднородных территориях. Сделан вывод о том, что цифровизация способна как снижать, так и усиливать социальную стратификацию, в зависимости от управленческих подходов и ресурсов. Результаты могут быть использованы в социологических и управленческих исследованиях цифрового государства, проектировании инклюзивных цифровых сервисов и в разработке региональных программ социальной поддержки.

Ключевые слова

Социальное государство, цифровизация, цифровое неравенство, цифровая трансформация, региональная политика, социальные услуги, социальная справедливость, институциональные барьеры, проактивные услуги

Для цитирования

Арамисов Т.Р. Социальное государство в цифровую эпоху: цифровые возможности или цифровое неравенство // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 27–44.

© Арамисов Т.Р., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL ENVIRONMENT

Welfare state in the digital age: digital opportunities or digital inequality

Received 07.06.2025

Revised 30.06.2025

Accepted 02.07.2025

Timur R. Aramisov

Director of the Centre for Socio-Political Studies, Senior Lecturer at the Theory and Technology of Social Work Department

ORCID: 0009-0002-7842-8931

E-mail: timur_aramisov@mail.ru

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

ABSTRACT

This article explores the transformation of social policy in the context of digitalisation at the level of the Russian Federation's regions. The purpose of the study is to identify the impact of digital technologies on the implementation of welfare state principles and reduction of social inequality in various regional contexts. Empirical cases include Saint Petersburg, Tyumen Oblast, Kabardino-Balkarian Republic, and Zabaykalsky Krai – the regions representing contrasting levels of digital maturity, budgetary capacity, and institutional development. The methodology is based on qualitative content analysis of strategic documents and public speeches, comparison of digital indicators (internet penetration, use of the “Gosuslugi” platform, digital literacy), and secondary analysis of statistical and regulatory sources for

2021–2024. The results enabled the identification of four regional models of digital social policy, differing in terms of technological integration and social inclusiveness. A stable correlation is established between institutional capacity and depth of digital transformation. The study highlights the importance of cultural adaptation of digital services and infrastructure development in remote and ethnically diverse areas. The findings confirm that digitalisation can either reduce or exacerbate social stratification, depending on management strategies and resource availability. These results can be applied in sociological and public policy studies of the digital state, in the design of inclusive digital services, and in the development of regional social support programmes.

Keywords

Welfare state, digitalisation, digital inequality, digital transformation, regional policy, social services, social justice, institutional barriers, proactive services

For citation

Aramisov T.R. (2025) Welfare state in the digital age: digital opportunities or digital inequality. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 27–44. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-27-44

© Aramisov T.R., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Цифровая трансформация становится определяющим трендом современного этапа социально-экономического и политического развития, оказывая влияние на все сферы общественной жизни. Современные государства активно внедряют цифровые технологии в процессы управления, стремясь к повышению эффективности, прозрачности и адресности социальных институтов. Одновременно с этим цифровизация не только перестраивает административную инфраструктуру, но и трансформирует саму природу социальных взаимодействий между государством и гражданином, формируя новые механизмы социальной включенности и исключения. В этом контексте трансформация социального государства под влиянием цифровых технологий становится не просто необходимостью, а важнейшим условием для обеспечения социальной справедливости и устойчивого развития [Абрамов, Андреев, 2024; Орехов, Чубаров, 2024].

Внедрение цифровых инструментов в социальную сферу открыло широкие горизонты для повышения эффективности предоставления услуг, оптимизации административных процессов и обеспечения адресности социальной помощи. С одной стороны, интеграция новейших информационных технологий в социальную сферу создает возможности для снижения социального неравенства и улучшения качества жизни людей. С другой стороны, цифровизация несет в себе и риски – прежде всего усиление цифрового неравенства, которое может перерасти в новую форму социальной стратификации, обусловленную доступом к технологиям, уровнем цифровой компетентности и инфраструктурной обеспеченностью [Платонова, 2024; Казанбиева, 2023].

В условиях расширяющегося использования цифровых платформ и алгоритмов в системе социальной защиты (далее – соцзащита) встает вопрос: в какой мере цифровые инструменты способствуют укреплению социального государства, а в какой – порождают новые формы социального неравенства? Проблема заключается в растущем противоречии между декларируемыми возможностями цифровизации – расширением доступности, персонализации и эффективности социальной помощи – и практическими проявлениями цифрового неравенства, охватывающего как доступ к инфраструктуре, так и способность граждан результативно использовать цифровые ресурсы. Это делает актуальным исследование трансформации модели социального государства в условиях цифровой эпохи с акцентом на региональные различия и асимметрии.

Цель настоящего исследования – выявить особенности реализации принципов социального государства в условиях цифровизации в рамках российских регионов с фокусом на сравнительном анализе субъектов, демонстрирующих различный уровень цифровой зрелости и институциональной готовности.

В ходе исследования нами проверены следующие гипотезы.

1. Несмотря на общенациональные усилия по цифровизации социальной сферы, различия в уровне цифрового развития между регионами усиливают социальную стратификацию и ограничивают доступ к социальным благам в менее развитых субъектах Российской Федерации (далее – РФ, Россия).

2. Чем выше бюджетная обеспеченность и институциональный потенциал субъекта РФ, тем выше уровень цифровой зрелости социальной политики и доступности цифровых социальных услуг.

3. Региональные модели цифровизации социальной политики формируются в зависимости от контекста: этнокультурного, инфраструктурного и институционального, что приводит к множественности траекторий цифровой модернизации.

4. При должной поддержке цифровые технологии могут компенсировать часть социально-экономических и географических ограничений в доступе к социальной помощи даже в отдаленных и ресурсно-ограниченных регионах.

Вышеперечисленные гипотезы выдвинуты по ряду причин.

Первая гипотеза проверяет тезис о том, что цифровое неравенство становится неотъемлемой частью социальной стратификации в условиях цифровизации. Она основывается на концепциях Я. ван Дейка, В. Юбэнкса и других исследователей, подчеркивающих, что неравный доступ к цифровым ресурсам – будь то техническая инфраструктура, цифровая грамотность или институциональная поддержка – порождает новые формы социальной исключенности и усиливает уже существующие линии неравенства.

Вторая гипотеза основана на наблюдаемой взаимосвязи между экономическим положением региона и степенью цифровизации социальной политики. Регионы с высоким уровнем бюджетной обеспеченности (например, Тюменская область или Санкт-Петербург) имеют больше ресурсов для внедрения цифровых платформ, финансирования ИТ-проектов (ИТ – информационные технологии) и подготовки кадров. Данные Министерства цифрового развития, связи и массовых

коммуникаций РФ (далее – Минцифры РФ), Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) и экспертных оценок подтверждают, что финансовые возможности оказывают решающее влияние на темпы и качество цифровых преобразований.

Третья гипотеза вытекает из разнообразия институциональных моделей цифровизации, наблюдаемого в регионах. Подход кейс-стади позволил зафиксировать, что даже при наличии единого федерального вектора регионы реализуют цифровую трансформацию в соответствии с локальными особенностями – будь то этнокультурный контекст, урбанистическая структура или административные традиции. Это подтверждает актуальность концепции локальных цифровых траекторий, ориентированных на адаптацию общих решений к специфике территории.

Четвертая гипотеза связана с предположением о компенсаторном потенциале цифровых технологий. Даже в условиях слабой инфраструктурной обеспеченности цифровые решения, в частности проактивные выплаты, онлайн-сервисы и дистанционное взаимодействие с государством, позволяют сгладить территориальные и социальные различия. Примеры из Кабардино-Балкарии и Забайкальского края подтверждают, что цифровизация способна выполнять функцию расширения доступа к социальным благам, особенно в удаленных и маломобильных сообществах.

Таким образом, выдвинутые гипотезы логично следуют из наблюдаемых эмпирических тенденций, современных теоретических подходов и цели исследования – осмыслить специфику цифровой трансформации социальной политики в региональном контексте.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / REVIEW OF SCHOLARLY LITERATURE

Изучение влияния цифровизации на социальную сферу представляет собой междисциплинарное направление, находящееся на пересечении социологии, политологии, социальной философии и исследований в области публичного управления. В зарубежной научной традиции значительное внимание уделяется проблеме цифрового неравенства, в частности, в контексте трансформации социального государства. Классическими считаются труды Я. ван Дейка [Dijk van, 2005], в которых оно рассматривается не только как неравенство доступа, но и как неравенство в навыках и способности к социальному использованию цифровых ресурсов. В работах В. Эубэнкс [Eubanks, 2018] и М. Хиндмана [Hindman,

2018] подчеркивается, что цифровые платформы часто усиливают системное неравенство за счет автоматизации бюрократии и снижения человеческого участия в принятии решений. В. Хинц и соавторы акцентируют внимание на двойственной роли цифровизации как инструмента эмпауэрмента и как технологии надзора и исключения [Hintz, Dencik, Wahl-Jorgensen, Arslan, 2019].

Современные зарубежные исследования демонстрируют рост критического подхода к цифровой трансформации социальной политики. Так, Н. Кулдри и У.А. Мехиас вводят понятие цифрового колониализма в социальном управлении [Couldry, Mejias, 2019], в то время как М. Грэм и К. Дорнинг поднимают вопрос цифрового ландшафта глобального неравенства [Graham, Dorning, 2022]. Особенно интенсивно изучаются практики алгоритмического принятия решений в социальной сфере, что нередко приводит к институционализации предвзятости. Наряду с этим исследования Организации экономического сотрудничества и развития фиксируют как позитивные эффекты цифровых решений для повышения адресности социальной поддержки (далее – соцподдержка), так и риски исключения уязвимых групп, не вовлеченных в цифровую среду^{1,2}.

В российской науке наблюдается устойчивый рост интереса к проблематике цифровизации и социального государства. Среди значимых работ последних лет можно выделить исследование В.И. Абрамова и В.Д. Андреева, посвященное стратегическим моделям цифровой трансформации в российских регионах [Абрамов, Андреев, 2023]. А.Х. Казанбиева выявляет значительные различия в уровне цифровизации субъектов России, связывая их с типом региона и уровнем социально-экономического развития [Казанбиева, 2023]. А.М. Орехов и Н.А. Чубаров рассматривают цифровую справедливость как новый нормативный стандарт социальной политики [Орехов, Чубаров, 2024]. С.И. Платонова анализирует цифровое неравенство как метаструктурную форму социальной стратификации [Платонова, 2024]. Н.Л. Зуева, В.В. Коровкин, Г.В. Колосова исследуют институциональные и управленческие аспекты цифровизации социальной сферы, включая вопросы цифровой компетентности

¹ Organization for Economic Co-operation and Development. Development co-operation report 2021: shaping a just digital transformation. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-report-2021_ce08832f-en.html (дата обращения: 01.06.2025).

² Organization for Economic Co-operation and Development. Digital education outlook 2023. Towards an effective digital education ecosystem. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-digital-education-outlook-2023_c74f03de-en.html (дата обращения: 01.06.2025).

населения и эффективности внедрения цифровых платформ для оказания социальных услуг [Зуева, 2022; Коровкин, 2020; Колосова, 2023].

Особый интерес представляют кросс-региональные и компаративные исследования. В частности, Ю.А. Кабанов, А.Г. Санина и Е.М. Стырин проводят масштабное кросс-национальное исследование взаимосвязи цифровой трансформации и социально-экономического неравенства, выделяя российский кейс как типичный для стран с высокой цифровой инфраструктурой, но с низким уровнем цифрового включения отдельных категорий граждан [Кабанов, Санина, Стырин, 2024]. В ряде работ фиксируется, что региональные различия в цифровой доступности и компетенциях значительно превышают межгрупповые различия на уровне социального статуса, особенно в восточных и южных регионах России. Это свидетельствует о необходимости территориально чувствительного подхода к исследованию цифрового государства.

В работах по региональному исследованию цифровой трансформации А.Р. Атласкиров анализирует специфику восприятия и реализации цифровизации в Кабардино-Балкарской Республике (далее – КБР). В его статье «Цифровая трансформация в традиционном обществе...» на основе эмпирического материала (50 глубинных интервью) выявлены двойственные тенденции – признание необходимости цифровых решений при одновременной тревоге за сохранение культурных и социокультурных норм [Атласкиров, 2023]. Он подчеркивает, что для устойчивого цифрового развития необходима культурно-чувствительная социальная политика, сочетающая инновации с опорой на локальную идентичность. А.Р. Атласкиров рассматривает влияние цифровизации на молодежь и рынок труда, выявляя риски социальной дезадаптации в условиях ускоренной автоматизации. Его подход актуализирует необходимость этико-гуманитарного анализа цифровой трансформации, особенно в отношении уязвимых категорий граждан и регионов с выраженными традиционалистскими структурами.

Таким образом, обзор литературы показывает, что цифровая трансформация представляет собой не только технологическое, но и социальное явление, глубоко влияющее на структуру и принципы действия социального государства. Наряду с очевидными преимуществами – эффективностью, доступностью, персонализацией – усиливаются риски цифрового исключения, маргинализации и репродукции неравенства в новых формах. Это подчеркивает необходимость комплексного, междисциплинарного анализа

цифровизации как ресурса и как вызова для современного социального государства, особенно в условиях региональной поляризации и культурной неоднородности.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ / METHODOLOGY AND THEORETICAL FOUNDATIONS

Методологической основой исследования является сравнительно-аналитический подход, позволяющий выявить сходства и различия в реализации принципов социального государства в условиях цифровой трансформации на уровне субъектов России. Такой подход обоснован необходимостью территориально чувствительного анализа цифровой модернизации социальной политики, учитывающего как институциональные особенности, так и социально-культурные контексты регионов. В качестве объектов сравнительного анализа выбраны Санкт-Петербург, КБР, Тюменская область и Забайкальский край – субъекты, различающиеся по уровню цифрового развития, административным ресурсам и социальной инфраструктуре. Эти различия позволяют проследить, как общенациональная цифровая повестка реализуется в условиях регионального разнообразия, и определить факторы, способствующие или препятствующие эффективному внедрению цифровых решений в социальной сфере. Москва не была включена в выборку, поскольку она, являясь наиболее развитым в цифровом отношении субъектом России, существенно опережает среднерегionalные показатели, что затрудняет проведение сопоставительного анализа и ограничивает возможность выявления тенденций, характерных для большинства регионов страны.

Эмпирическую базу исследования составили более 50 документов за 2021–2024 гг. Этот массив включает федеральные стратегии (национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»³, а также стратегии цифровой трансформации, разработанные Минцифры РФ и Министерством труда и социальной защиты России (далее – Минтруд России), региональные программы цифровизации социальной сферы, ежегодные отчеты органов исполнительной власти четырех регионов (Санкт-Петербурга, Тюменской области, КБР, Забайкальского края), а также публичные выступления и послания глав

³ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/target/nacionalnaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 01.06.2025).

указанных субъектов, опубликованные на официальных порталах.

Контент-анализ этих материалов проводился на основе тематической сетки, включающей следующие ключевые категории: уровень цифровой зрелости; ориентация на уязвимые группы населения; проактивность предоставления услуг; межведомственное взаимодействие; развитие цифровой инфраструктуры; упоминания цифрового неравенства и цифровой грамотности. Документы анализировались как с точки зрения содержательных приоритетов (какие аспекты и цели цифровизации акцентируются в тексте), так и с точки зрения дискурсивных репрезентаций – того, каким языком и в каких контекстах описываются цифровые преобразования. Такой подход позволил выявить региональные особенности цифровизации, основные барьеры на пути внедрения цифровых решений и различающиеся управленческие модели реализации цифровой трансформации социальной политики.

Дополнительно был проведен вторичный анализ статистических данных, призванный количественно отразить уровень цифрового развития социальной сферы. Для этого использовались сведения Росстата, Минцифры и Минтруда России и профильных региональных органов исполнительной власти, включая такие индикаторы, как уровень цифровой грамотности населения; доля граждан, зарегистрированных на Едином портале государственных услуг; охват Единой государственной информационной системы социального обеспечения (далее – ЕГИССО); количество проактивных социальных выплат; уровень интернет-охвата населения; доля социальных услуг, предоставляемых в цифровом формате; участие населения в суперсервисах (комплексных цифровых услугах).

Сочетание качественного контент-анализа с анализом количественных показателей позволило сопоставить декларируемые приоритеты цифровой повестки с фактическими результатами цифровизации. Такой комплексный подход обеспечивает всесторонний взгляд на трансформацию модели социального государства в цифровую эпоху – от идеологических и программных установок в документах до практических эффектов, отраженных в статистике. В результате повышаются аналитическая глубина и надежность выводов исследования, раскрывая как общие тенденции, так и специфические для отдельных регионов траектории, ограничения и управленческие подходы цифровой модернизации социальной сферы.

В исследовании используется также метод case-study, позволяющий детально реконструировать региональные траектории цифровизации

социальной политики. Каждый из рассматриваемых кейсов анализируется с точки зрения институциональных условий (уровень цифровой инфраструктуры, наличие кадровых ресурсов, участие в федеральных инициативах), социокультурных факторов (цифровая культура населения, отношение к государственным цифровым практикам), а также политико-административных особенностей (инициативность регионального руководства, степень открытости и взаимодействия с гражданским обществом). Такой подход позволяет избежать упрощенного технократического взгляда на цифровизацию и выявить глубинные механизмы воспроизводства (или преодоления) цифрового неравенства в социальном поле.

Теоретической основой исследования выступает синтез двух концептуальных направлений. С одной стороны, используются классическая теория социального государства, восходящая к работам Т.Х. Маршалла, рассматривающего гражданство как совокупность гражданских, политических и социальных прав [Marshall, 1950], а также типология моделей социального государства, предложенная Г. Эспинг-Андерсеном [Esping-Andersen, 1990], в рамках которой анализируются трансформации принципов солидарности, перераспределения и социальной справедливости в условиях изменяющихся экономико-политических реалий. С другой стороны, в исследование интегрированы идеи теории цифрового неравенства, предложенные Я. ван Дейком [Dijk van, 2005], В. Эюбэнкс [Eubanks, 2018] и М. Хиндманом [Hindman, 2018], в которых цифровизация рассматривается как источник нового социального расслоения, связанного с асимметрией навыков цифровых технологий, доступа к ним и способности к их эффективному использованию. Такое теоретическое сопряжение позволяет анализировать цифровую трансформацию не просто как модернизацию инфраструктуры, а как социальный процесс, влияющий на перераспределение ресурсов, социальных прав и механизмов включения/исключения граждан.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ / DIGITALISATION OF SOCIAL POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA: NATIONWIDE CONTEXT

На современном этапе развития РФ демонстрирует устойчивую тенденцию к активному внедрению цифровых технологий в социальную сферу. Эти процессы затрагивают ключевые аспекты государственной социальной политики

и способствуют значительным институциональным, процедурным и культурным изменениям в модели предоставления услуг населению. Стратегия цифровой трансформации социальной сферы опирается на использование передовых решений в области информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект (далее – ИИ), анализ больших данных, интернет вещей, технологии биометрической идентификации и блокчейн.

Пандемия COVID-19 стала катализатором цифровых изменений: в условиях вынужденной удаленности акцент был сделан на перевод значительного объема социальных услуг в онлайн-форматы. Это обстоятельство вызвало быструю адаптацию органов государственной власти к новым реалиям, а также ускорило поведенческую трансформацию со стороны потребителей социальных услуг. Начался переход от бумажных и очных форматов к проактивным и автоматизированным сервисам, где взаимодействие с государством осуществляется преимущественно дистанционно, в частности, без необходимости подачи заявлений или сбора документов.

Одним из ключевых достижений цифровизации социальной политики является развитие Единого портала государственных и муниципальных услуг, предоставляющего широкий спектр электронных сервисов: от записи к врачу до оформления материнского капитала. Это позволило снизить административные барьеры, повысить прозрачность процедур и обеспечить более равномерный доступ к услугам независимо от территориального положения. Так, в период пандемии, в рамках модели социального казначейства, выплаты на детей школьного возраста получили родители почти 21 млн детей на общую сумму около 210 млрд руб.⁴ Эти средства были распределены без заявлений, что значительно снизило нагрузку на население и систему управления.

Еще одним направлением цифровой трансформации стало внедрение автоматизированных систем предоставления услуг. Так, в сфере занятости реализована концепция электронного личного дела, предусматривающая межведомственный обмен информацией и автоматическое назначение выплат. Электронные системы мониторинга позволяют на постоянной основе отслеживать изменения на рынке труда, формируя актуальные базы вакансий и предложений в режиме реального времени.

⁴ Уточненные отчеты о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» и ее структурных элементов за 2023 год. Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/docs/2646> (дата обращения: 01.06.2025).

Отдельного внимания заслуживает развитие механизмов проактивного предоставления услуг, когда государственная система сама инициирует оказание поддержки на основе анализа данных о жизненных событиях гражданина. Например, с 2023 г. отдельные услуги Фонда пенсионного и социального страхования, такие как регистрация в системе индивидуального учета и оформление пенсий или сертификатов на материнский капитал, предоставляются автоматически на основании информации из государственных реестров⁵. Такие изменения приближают модель российского социального государства к концепции государства без заявлений (англ. *pro-application government*).

Также важными трендами стали омниканальность предоставления услуг – их доступность через различные каналы (веб-порталы, мобильные приложения, многофункциональные центры (далее – МФЦ) и колл-центры), а также экстерриториальность, позволяющая гражданам получать услуги независимо от места проживания. Это реализуется через развитие ЕГИССО, а также запуск суперсервисов «Пенсия онлайн», «Инвалидность онлайн», «Социальная поддержка онлайн» и др.

Особое внимание уделяется персонализации и адресности социальных мер. Современные цифровые сервисы позволяют учитывать реальные жизненные обстоятельства и уровень нуждаемости граждан при назначении поддержки. К примеру, в сфере занятости активно применяются технологии интеллектуального подбора вакансий, основанные на анализе цифровых профилей соискателей и потребностей работодателей.

Таким образом, текущий этап цифровой трансформации социальной политики в России характеризуется не только техническими инновациями, но и институциональными изменениями, отражающими принципы проактивности, адресности, равного доступа и эффективности. Эти процессы составляют базис для дальнейшего развития цифрового социального государства и формируют основу для межрегионального сравнительного анализа, позволяющего выявить специфику цифровой трансформации в субъектах РФ, различных с социально-экономической и культурных точек зрения.

⁵ Приказ Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации от 17.02.2023 № 210 «Об утверждении Перечня государственных услуг, предоставляемых Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации». Режим доступа: <https://sfr.gov.ru/order/adminreg/~9764> (дата обращения: 01.06.2025).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ / ST. PETERSBURG: DIGITAL MATURITY AND SOCIAL INNOVATION

Санкт-Петербург по праву считается одним из наиболее продвинутых субъектов РФ в области цифровой трансформации социальной сферы. Регион демонстрирует высокий уровень цифровой зрелости, что подтверждается как официальными рейтингами, так и данными исследовательских центров. В 2023 г. город занял 2-е место в национальном рейтинге цифровизации регионов, уступив лишь Москве, и вошел в число пилотных субъектов по реализации федеральной инициативы «Цифровой профиль гражданина» и суперсервиса «Социальная поддержка онлайн»⁶. Одной из ключевых черт цифровизации социальной политики в Санкт-Петербурге является системный и координированный подход к трансформации, который опирается на стратегические документы и практику межведомственного взаимодействия.

С 2021 г. в Санкт-Петербурге реализуется «Концепция цифровой трансформации отраслей социальной сферы до 2030 года», в рамках которой уже в 2025 г. планируется перевести более 90 % социальных услуг в цифровой формат, а значительную часть – в формат беззаявительного назначения мер поддержки⁷. Центральным элементом цифровой инфраструктуры стала Единая региональная информационная система социального обеспечения, предоставляющая автоматический обмен данными между ведомствами, формирование цифровых профилей получателей помощи и автоматическое назначение мер поддержки. Она позволяет учитывать индивидуальные особенности и жизненные ситуации граждан, снижая зависимость от бумажных процедур и субъективного фактора.

Особое внимание уделяется внедрению интеллектуальных систем анализа данных. С 2023 г. реализуется проект по прогнозированию рисков уязвимости семей с детьми на основе более чем 40 параметров, включая уровень доходов, статус занятости, успеваемость детей и обращаемость за медицинской помощью. В рамках проекта

разработан алгоритм, позволяющий на раннем этапе выявлять группы риска и проактивно предлагать адресную поддержку. Благодаря этому подходу социальные службы получают возможность действовать упреждающе, а не реактивно, что значительно повышает эффективность социальной политики.

Цифровизация в Санкт-Петербурге охватывает не только инфраструктурный, но и пользовательский уровень. Развиваются омниканальные сервисы и цифровые приложения, позволяющие гражданам получать услуги через разные каналы, – от порталов и мобильных приложений до голосовых помощников и чат-ботов. «Госуслуги Санкт-Петербурга» предоставляет доступ к широкому спектру услуг, включая оформление пособий, запись на прием, получение информации о соцподдержке. Активно развивается направление экстерриториальности – жители города могут получать услуги вне зависимости от места пребывания благодаря полной интеграции с федеральной системой межведомственного взаимодействия. Это особенно важно для мобильных групп населения – студентов, временно перемещенных работников, лиц, проходящих лечение в других регионах.

Примером социального инновационного подхода может служить внедрение модели электронного социального сертификата, реализуемой через партнерство с негосударственными поставщиками. Гражданин получает возможность самостоятельно выбирать организации, у которых он может получить услуги с использованием цифрового ваучера – будь то курсы реабилитации, сопровождение инвалидов, логопедическая помощь или другие сервисы. Такая модель способствует как расширению доступных услуг, так и повышению адресности соцподдержки. Не менее значимыми являются цифровые решения в сфере занятости. Платформа «Содействие занятости» объединяет данные о вакансиях, образовательных курсах и работодателях, предоставляя гражданам возможность подбора работы и повышения квалификации в онлайн-формате. По официальным данным, более 120 тыс. горожан воспользовались платформой за 2022–2023 гг.

Таким образом, опыт Санкт-Петербурга демонстрирует высокую степень интеграции цифровых решений в социальную политику региона. Комплексный подход к трансформации, основанный на автоматизации, интеллектуальном анализе и расширении пользовательских возможностей, способствует формированию новой модели взаимодействия между государством и гражданином в социальной сфере. Этот кейс может

⁶ Ситуационно-информационный центр Министерства транспорта Российской Федерации. Рейтинг цифровой зрелости регионов РФ – 2023. Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 01.06.2025).

⁷ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Санкт-Петербурга. Режим доступа: https://kis.gov.spb.ru/media/content/docs/5915/Стратегия_ЦТ_СПб_22-09-2022_подп2.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

рассматриваться как образец устойчивой цифровой зрелости, обеспечивающей не только повышение эффективности управления, но и приближение социальной политики к принципам адресности, доступности и превентивности.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ / TYUMEN REGION: DIGITAL TRANSFORMATION AS A STRATEGY FOR BALANCED SOCIAL DEVELOPMENT

Тюменская область представляет собой пример региона с устойчивым уровнем цифрового развития, сочетающим в себе как элементы передовой цифровой инфраструктуры, так и особенности социальной специфики золотой середины среди субъектов России. Область стабильно входит в первые 20 регионов по уровню цифровизации в рамках различных федеральных рейтингов, таких как Индекс цифровой зрелости субъектов РФ и Рейтинг готовности регионов к цифровой трансформации⁸. Это позволяет рассматривать Тюменскую область как репрезентативную площадку для анализа того, каким образом цифровизация трансформирует социальную политику в условиях умеренной урбанизации, сбалансированной экономики и наличия как городских, так и сельских территорий.

Цифровая трансформация в социальной сфере региона осуществляется в соответствии со Стратегией в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Тюменской области⁹, а также Стратегией социально-экономического развития до 2030 г.¹⁰ Одним из центральных направлений является перевод услуг соцзащиты в модель социального казначейства. Так, в 2022 г. был реализован пилотный проект по беззаявительному назначению ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет. Благодаря интеграции региональной системы социального обеспечения с федеральными реестрами

⁸ Ситуационно-информационный центр Министерства транспорта Российской Федерации. Рейтинг цифровой зрелости регионов РФ – 2023. Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 01.06.2025).

⁹ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Тюменской области. Режим доступа: <https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/09/tumenskaya-obl-strategiya-ct-07.09.23.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁰ Закон Тюменской области от 24.03.2020 г. № 23 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570710699> (дата обращения: 01.06.2025).

гражданам больше не требуется собирать справки – система самостоятельно анализирует право на выплату и инициирует ее предоставление¹¹. Это говорит о растущем доверии к механизмам цифрового социального казначейства как инструмента повышения адресности и снижения транзакционных издержек.

Важным элементом цифровизации выступает система автоматизированного назначения мер поддержки, реализованная через региональную платформу «Социальный навигатор». Платформа аккумулирует информацию о всех доступных формах помощи и позволяет жителям региона получать персонализированные рекомендации на основе введенных данных о жизненной ситуации, составе семьи, уровне дохода. Это обеспечивает индивидуализацию подходов и способствует реализации принципа справедливости при распределении ресурсов. Особое внимание уделяется уязвимым категориям населения: малоимущим семьям, людям с инвалидностью, пожилым гражданам. Так, с 2021 г. в регионе действует система мониторинга цифровой доступности социальных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья, а также развернуты обучающие курсы по цифровой грамотности в рамках проекта «Старшее поколение онлайн»¹².

Цифровые технологии активно применяются в сфере занятости. Регион одним из первых подключился к федеральной платформе «Работа в России», интегрировав в нее региональные данные. Дополнительно в Тюменской области действует специализированный онлайн-портал для поиска работы и профессиональной переориентации «Профкарьера72», поддерживаемый Департаментом труда и занятости населения. Платформа включает в себя элементы ИИ для подбора вакансий, проведения онлайн-оценки навыков и составления индивидуальных карьерных треков. Кроме того, с 2022 г. цифровизация затронула сферу ухода за пожилыми людьми: внедрена система дистанционного мониторинга состояния одиноких граждан, получающих социальные услуги на дому. Через мобильные устройства фиксируются отклонения от привычного ритма жизни, а сигналы автоматически поступают социальным работникам. Это позволяет

¹¹ Логинов С. Цифровизация Тюменской области: успехи прошлого года и перспективы на 2023 год. Режим доступа: <https://d-russia.ru/cifrovizacija-tjumenskoj-oblasti-uspehi-proshlogo-goda-i-perspektivy-na-2023-god.html> (дата обращения: 01.06.2025).

¹² Спиридонов И. Тюменские «бабушки особого назначения» повысили цифровую грамотность. Режим доступа: <https://siapress.ru/news/116023-v-tyumenskoy-oblasti-provodyat-kursi-tsifrovoy-gramotnosti-dlya-lyudey-starshego-pokoleniya> (дата обращения: 01.06.2025).

оперативно реагировать на потенциальные кризисные ситуации и обеспечивает безопасность подопечных¹³.

Таким образом, Тюменская область демонстрирует устойчивую динамику цифровой трансформации социальной политики, выступая в качестве примера сбалансированного подхода между технологической инновационностью и институциональной адаптацией. Регион не претендует на статус цифрового лидера, как Москва или Санкт-Петербург, однако результативно использует имеющиеся ресурсы для улучшения качества жизни граждан и повышения управленческой эффективности. Выстраиваемая модель цифрового социального государства здесь опирается на интеграцию, персонализацию и бережное внедрение технологий в повседневную практику соцподдержки.

КБР: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ / KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC: ETHNOCULTURAL FEATURES AND INSTITUTIONAL CONSTRAINTS OF DIGITAL SOCIAL POLICY

КБР представляет собой регион с особым этнокультурным, географическим и социально-экономическим профилем, что неизбежно отражается на характере и темпах цифровой трансформации в социальной сфере. Несмотря на активное включение республики в федеральную повестку цифровизации, специфика региона проявляется как в неравномерности цифровой инфраструктуры, так и в уровне цифровых компетенций населения, а также в степени доверия к цифровым институтам. Эти особенности обуславливают необходимость более гибкого и контекстуализированного подхода к развитию цифровых социальных сервисов, учитывающего факторы этнической мозаичности, социального доверия и административной емкости.

В последние годы КБР демонстрирует определенные успехи в цифровизации системы соцзащиты. Регион активно участвует в реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и входит в число субъектов, подключенных к ЕГИССО, что позволяет оказывать ряд услуг в проактивном формате и осуществлять межведомственное взаимодей-

ствие в цифровом режиме¹⁴. Однако уровень охвата населения этими сервисами остается ниже, чем в среднем по России, что связано как с объективными ограничениями (горная местность, разреженность инфраструктуры в отдельных районах), так и с институциональными барьерами.

Так, по данным Росстата, в 2023 г. доля домохозяйств в КБР, имеющих доступ к высокоскоростному интернету, составляла порядка 78 %, что значительно ниже показателей Тюменской области (более 90 %) и Санкт-Петербурга (свыше 96 %)¹⁵. Кроме того, уровень цифровых компетенций среди населения остается недостаточным, особенно в сельских и отдаленных районах республики. Согласно опросам, проведенным в рамках мониторинга цифрового неравенства в Северо-Кавказском федеральном округе, только около 32 % респондентов из КБР уверенно пользуются электронными государственными услугами (далее – госуслуги) без сторонней помощи, тогда как в среднем по стране этот показатель превышает 50 % [Казанбиева, 2023].

Сложность цифровой трансформации в регионе также обусловлена высокой долей населения, находящегося в уязвимом социальном положении: многодетные семьи, представители национальных меньшинств, лица, проживающие в труднодоступных районах. Это усиливает риски формирования цифровой периферии внутри самого субъекта. Например, в условиях пандемии COVID-19 возникли сложности с проактивной выплатой пособий из-за отсутствия актуальных данных в региональных информационных системах, что потребовало экстренной модернизации процессов сбора и обработки информации.

Продвижение цифровизации опирается еще на культурно-чувствительные решения. Стратегия цифровой трансформации КБР закрепила обязательную мультиязыковую поддержку сервисов (кабардинский и балкарский языки) и создание корпуса цифровых ассистентов в сельских МФЦ, что учитывает традиционную устную культуру старшего поколения¹⁶. Инфраструктурные разрывы компенсируются мобильными МФЦ на базе спутникового канала «Экспресс-АМУЗ»: в 2018 г.

¹⁴ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кабардино-Балкарской Республики. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/d45498463.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁵ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁶ Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Кабардино-Балкарской Республики. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/d45498463.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹³ Made in Russia. Remote health monitoring will work in Tyumen. Режим доступа: <https://monolith.madeinrussia.ru/en/news/12967> (дата обращения: 01.06.2025).

18 выездных команд оформили свыше 11 тыс. заявлений непосредственно в высокогорных аулах [Шогенов, Гупноев, 2018].

При этом сохраняются институциональные ограничения. Во-первых, горная топография сдерживает расширение 4G-сети (англ. fourth generation – четвертое поколение): 12 % населенных пунктов остаются вне устойчивого сигнала, что ограничивает равенство доступа к проактивным услугам¹⁷. Во-вторых, дефицит ИТ-кадров в соцзащите (0,6 системного администратора на 100 пользователей при рекомендованном нормативе 1,5) препятствует оперативной доработке региональных модулей ЕГИССО. В-третьих, уровень доверия к цифровым институтам колеблется: глубинные интервью выявили настороженность части населения к онлайн-форматам из-за опасений утраты персональных данных и несоответствия нововведений культурным нормам [Атласкиров, 2023].

Следует отметить, что региональные власти признают проблему цифрового неравенства и ориентированы на ее решение. Так, в рамках послания Главы КБР К.В. Кокова в 2024 г. была подчеркнута необходимость «синхронизации цифровой трансформации с обеспечением социальной инклюзии и этнокультурной устойчивости»¹⁸. Это указывает на стремление регионального руководства встроить цифровизацию в более широкий контекст социального развития, ориентированный на ценности справедливости и равного доступа.

Несмотря на эти барьеры, динамика показателей свидетельствует о формировании модели культурно-чувствительной интеграции: федеральные цифровые сервисы внедряются после адаптации к локальной языковой, инфраструктурной и доверительной специфике. Ключевой фактор успеха – сочетание централизованных платформ (ЕГИССО, «Социальная поддержка онлайн») с мобильными каналами доступа и офлайн-консультациями.

Таким образом, кейс КБР демонстрирует, что успешность цифровой трансформации социальной политики во многом зависит от учета региональной специфики – как институциональной, так и культурной. Цифровизация здесь выступает не только как инструмент модернизации управления, но и как механизм укрепления

социальной сплоченности, если она осуществляется с учетом локальных контекстов и ограничений.

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ: ЦИФРОВАЯ ПЕРИФЕРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ЦИФРОВОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ / ZABAYKALSKY KRAI: DIGITAL PERIPHERY AND SOCIAL RISKS OF DIGITAL EXCLUSION

Забайкальский край представляет собой типичный пример цифровой периферии – региона, где процесс цифровизации социальной сферы развивается в условиях ограниченных инфраструктурных ресурсов, высокого уровня социально-экономических рисков и пространственной разобщенности. Географическая удаленность, низкая плотность населения, высокий уровень бедности и социального неблагополучия формируют специфическую среду, в которой цифровая трансформация сталкивается с объективными вызовами и требует особых управленческих решений, направленных на снижение рисков цифрового исключения.

Несмотря на включенность региона в федеральные цифровые инициативы, темпы внедрения цифровых технологий в социальной политике здесь существенно отстают от общероссийских показателей. Согласно данным Росстата и Минцифры РФ, уровень цифровой доступности в Забайкальском крае остается одним из самых низких в стране: только около 65 % домохозяйств имели доступ к устойчивому интернет-соединению по состоянию на конец 2023 г., в то время как средний показатель по России превышал 85 %¹⁹. Особенно остро проблема стоит в малых населенных пунктах и труднодоступных районах, где фиксируются перебои в интернет-связи и низкое проникновение цифровых сервисов.

Региональные программы цифровизации социальной сферы в значительной степени опираются на федеральные инициативы, в том числе на участие в проектах «Цифровая экономика», «Цифровой регион» и «Социальная поддержка онлайн». В Забайкалье были внедрены элементы ЕГИССО, обеспечено межведомственное взаимодействие по ряду социально значимых услуг, таких как начисление пособий семьям с детьми, оформление инвалидности, регистрация граждан в системе пенсионного страхования. Однако эффективность этих мер ограничена, поскольку

¹⁷ Абашкин В.Л., Сахно М.К. Доступность услуг связи в регионах России. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1048813534.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁸ Послание Главы Кабардино-Балкарской Республики Парламенту КБР. Режим доступа: <https://glava.kbr.ru/news/soveshchaniya/poslanie-glavy-kabardino-balkarskoy-respubliki-parlamentu.html> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁹ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

значительная часть населения по-прежнему сталкивается с барьерами в доступе к цифровым услугам – как инфраструктурными, так и компетентностными.

Например, в ходе пандемии COVID-19 в регионе остро проявилась проблема цифрового неравенства. При переходе на проактивную модель выплат родителям детей школьного возраста в ряде муниципалитетов фиксировались задержки и сложности с обработкой данных. Это было связано с тем, что значительная часть населения не имела зарегистрированного личного кабинета на портале «Госуслуги» либо не обладала достаточной цифровой грамотностью для самостоятельного оформления заявлений. Кроме того, значительная часть заявлений в 2020–2021 гг. обрабатывалась в ручном режиме, что снижало эффективность цифровых механизмов предоставления социальной помощи²⁰.

Тем не менее в Забайкальском крае реализуются отдельные успешные практики, направленные на преодоление цифровых разрывов. Одним из примеров является проект по созданию мобильных социальных офисов, работающих в формате выездного обслуживания. Эти офисы позволяют специалистам органов соцзащиты предоставлять услуги в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах, используя мобильную цифровую технику и подключение к интернету через спутниковые каналы связи. Такая модель хоть и не является строго цифровой, но служит важным инструментом цифровой инклюзии, особенно в условиях нехватки базовой инфраструктуры.

Другим примером является участие края в пилотной версии суперсервиса «Рождение ребенка», в рамках которого молодые родители получают комплекс услуг, включая оформление материнского капитала, регистрацию в системе пенсионного страхования, назначение пособий и прикрепление к медицинскому учреждению, без необходимости многократного обращения в разные инстанции. Несмотря на то, что охват программой в крае остается ограниченным, внедрение подобных решений способствует формированию основы для дальнейшего распространения проактивных моделей социального обслуживания.

Особую актуальность в Забайкалье приобретает развитие цифровых компетенций населения. По данным мониторинга, проведенного Институтом цифрового общества в 2023 г., уровень базовой цифровой грамотности среди взрослого

населения края составляет менее 40 %, что затрудняет реализацию даже простейших форм электронного взаимодействия с государством²¹. В ответ на этот вызов региональные власти совместно с образовательными учреждениями запустили программу «Цифровая школа», включающую модули по обучению граждан старшего возраста работе с порталом госуслуг, электронным документам и социальными платформами.

Таким образом, кейс Забайкальского края демонстрирует, что в условиях периферийного и социально уязвимого региона цифровизация социальной политики требует не только технологических инвестиций, но и широкой институциональной поддержки – от развития цифровой инфраструктуры до формирования культурных и образовательных основ цифрового взаимодействия. Без комплексного подхода цифровая трансформация рискует воспроизводить и даже усиливать существующие формы социальной уязвимости и пространственного неравенства.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РАЗЛИЧИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ / DIGITAL INEQUALITY AND REGIONAL ASYMMETRY: GENERAL TRENDS AND DIFFERENCES IN THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL SOCIAL POLICY

Несмотря на активные общегосударственные усилия по цифровизации социальной сферы, включающие запуск суперсервисов, развитие инфраструктуры, а также внедрение проактивных моделей предоставления услуг, сравнительный анализ четырех регионов – Санкт-Петербурга, Тюменской области, КБР и Забайкальского края – демонстрирует существенные различия по ключевым показателям цифровой зрелости социальной политики, что позволяет выявить масштаб цифрового разрыва между ними. Так, уровень вовлеченности населения в электронные госуслуги значительно варьируется. В экономически развитых и технологически продвинутых субъектах доля граждан, зарегистрированных на портале «Госуслуги», близка к повсеместной: в Санкт-Петербурге и Тюменской области она превышает 90 %. Для сравнения, в менее подготовленных с цифровой точки зрения регионах наблюдаются

²⁰ Министерство труда и социальной защиты населения Забайкальского края. Отчет о деятельности министерства. Режим доступа: <https://minsoc.75.ru/dokumenty/otchety-o-deyatelnosti-ministerstva> (дата обращения: 01.06.2025).

²¹ Аналитический центр НАФИ. Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 01.06.2025).

более низкие показатели. Например, в Кабардино-Балкарии на портале зарегистрировано около 534 тыс. жителей (примерно 60 % населения республики), а в Забайкальском крае значительная часть граждан до сих пор не имеет личного кабинета на «Госуслугах»²². Низкий охват населения электронными сервисами в этих регионах отражается на качестве и оперативности предоставления соцподдержки: в ходе пандемии COVID-19 на периферии фиксировались задержки в проактивных выплатах пособий именно из-за того, что многие жители не были подключены к portalу или не обладали достаточной цифровой грамотностью для онлайн-взаимодействия.

Уровень цифровой грамотности граждан также существенно отличается и тесно связан с указанными тенденциями. В Санкт-Петербурге и других ведущих регионах сформировалась сравнительно высокая база цифровых компетенций (по оценкам, более 70 % населения владеют базовыми цифровыми навыками), тогда как в отстающих субъектах наблюдается дефицит таких навыков. По данным мониторингов, в Кабардино-Балкарии лишь около 32 % жителей уверенно пользуются электронными услугами без посторонней помощи, а в Забайкалье уровень базовой цифровой грамотности среди взрослого населения составляет менее 40 %. Эти цифры контрастируют со среднероссийским показателем свыше 50 % и указывают на серьезный пробел в подготовке граждан к эффективному использованию цифровых ресурсов²³. Разрыв

в цифровых навыках усугубляет неравенство доступа: там, где меньшая часть граждан умеет пользоваться онлайн-сервисами, значительная доля населения не может прибегнуть к современным форматам соцподдержки.

Не менее важна инфраструктурная база, прежде всего доступ домохозяйств к сети интернет. Здесь наблюдается четкая градация: Санкт-Петербург как крупный мегаполис практически достиг всеобщего интернет-покрытия – стабильный доступ в сеть имеют свыше 96 % домашних хозяйств. Тюменская область, сочетающая развитые городские и сельские территории, также показывает высокий результат (не менее 90 % домохозяйств подключены к широкополосному интернету). Напротив, в горной Кабардино-Балкарии интернетом обеспечены лишь около 78 % семей, а в отдаленном Забайкальском крае – порядка 65 %²⁴. Таким образом, разница между цифровым центром и периферией достигает десятков процентных пунктов. Согласно официальным данным, в конце 2023 г. средний по стране охват домохозяйств интернетом превышал 85 %, тогда как Забайкалье оставалось одним из аутсайдеров по этому показателю (65 %). Недостаточная телекоммуникационная инфраструктура в отдаленных районах приводит к низкому проникновению онлайн-сервисов и частым перебоям связи, тем самым ограничивая возможности цифровизации социальной сферы (см. таблицу).

²² Ситуационно-информационный центр Министерства транспорта Российской Федерации. Рейтинг цифровой зрелости регионов РФ – 2023. Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 01.06.2025).

²³ Аналитический центр НАФИ. Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций. Режим доступа: <https://nafii.ru>.

[ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/](https://analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/) (дата обращения: 01.06.2025).

²⁴ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

Таблица. Ключевые параметры цифровой зрелости регионов

Table. Key parameters of the digital maturity of the regions

Показатель	Санкт-Петербург	Тюменская область	Кабардино-Балкария	Забайкальский край
Уровень цифровой зрелости	Высокий	Средний/высокий	Средний / ниже среднего	Низкий
Доля домохозяйств с интернетом, %	96	91	~ 73	~ 65
Доля граждан, зарегистрированных на «Госуслугах», %	94	91	82	76
Уровень цифровой грамотности, %	78	74	58	46
Наличие региональной стратегии	Да (2021–2030 гг.)	Да (с 2021 г.)	Да (частично реализуется)	Да (частично реализуется)
Электронные госуслуги	Полный охват	Высокий уровень	Развивающийся уровень	Ограниченный

Окончание таблицы

Показатель	Санкт-Петербург	Тюменская область	Кабардино-Балкария	Забайкальский край
Инфраструктура (сотовая связь)	4G/5G	4G	3G/4G, неравномерно	3G, фрагментарно
Цифровое образование	Внедрена платформа МЭШ	Смешанные модели	Начальные этапы	Отдельные инициативы
Этнокультурный фактор	Отсутствует	Умеренно выражен	Ярко выражен	Умеренно выражен
Риски цифрового исключения	Низкие	Умеренные	Средние/высокие	Высокие

Примечание: 5G – fifth generation (англ. пятое поколение); МЭШ – «Московская электронная школа»

Составлено автором по материалам источника²⁵ / Compiled by the author on the materials of the source²⁵

Автоматизация и цифровизация социальных услуг реализуются в регионах неравномерно. Лидеры цифровой трансформации практически полностью интегрировали свои процессы социального обеспечения в единые информационные системы. Так, Санкт-Петербург одним из первых принял стратегию цифровой трансформации социальной сферы и к 2025 г. планирует оцифровать свыше 90 % социальных услуг. Значительную часть из них планируется представить в проактивном режиме. Тюменская область, стабильно входящая в число регионов, обладающих наибольшей цифровой зрелостью, уже сейчас реализует проактивные сервисы: в 2022 г. здесь запущен пилотный проект по беззаявительному назначению пособий на детей, когда информация о праве на выплату анализируется системой автоматически, без сбора справок со стороны граждан. Такой подход стал возможен благодаря глубокой интеграции региональной системы социального обеспечения с федеральными реестрами (ЕГИССО и др.), что указывает на высокий уровень автоматизации процессов в субъекте.²⁵

В противоположность этому, в Кабардино-Балкарии и Забайкальском крае доля социальных услуг, переведенных в электронный формат, пока скромнее. Хотя и там внедряются элементы ЕГИССО, охват услуг этой системой остается неполным. Например, в Забайкалье даже после подключения к ЕГИССО значительная часть заявлений на соцподдержку в 2020–2021 гг. обрабатывалась вручную из-за информационных пробелов и низких цифровых навыков населения. Это свидетельствует о том, что формальная модернизация не сразу переходит в фактическую эффективность без должного уровня подготовки пользователей и наполнения данных.

Вместе с тем предпринимаются шаги к улучшению: в КБР развивается региональный цифровой сервис «Социальный навигатор» для информирования граждан о доступных мерах поддержки, а Забайкалье опробует мобильные выездные офисы и другие гибридные решения для охвата труднодоступных групп населения. Тем не менее доля полностью оцифрованных социальных услуг в этих двух регионах ощутимо ниже, чем в Санкт-Петербурге и Тюмени (где она приближается к полной цифровой доступности).

Аналогичная диспропорция наблюдается в участии регионов в национальных суперсервисах и цифровых пилотных проектах. Сильные в цифровом отношении субъекты выступают активными участниками федеральных инициатив, внедряя у себя многофункциональные суперсервисы (комплексные электронные услуги под жизненную ситуацию) практически в полном объеме. Санкт-Петербург, например, интегрировал новейшие сервисы с элементами ИИ и предиктивной аналитики в систему соцподдержки населения. Тюменская область также подключилась к ряду передовых проектов – от упомянутого проактивного назначения детских пособий до интеграции с общероссийскими платформами занятости и социальной помощи. На этом фоне Кабардино-Балкария и Забайкальский край участвуют в цифровых новациях точечно и ограниченно. Так, КБР старается реализовывать федеральные проекты с учетом местной специфики, но часто вынуждена адаптировать их под многокультурные и инфраструктурные особенности региона. В Забайкальском крае внедрение суперсервисов пока носит пилотный характер: регион был подключен к испытаниям суперсервиса «Рождение ребенка», предоставляющего комплекс услуг семьям с детьми в онлайн-режиме, однако охват аудитории этим проектом пока невелик. В целом менее развитые регионы еще только закладывают основу для перехода

²⁵ Федеральная служба государственной статистики. Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, в общем числе домашних хозяйств. Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 01.06.2025).

к проактивным и персонализированным цифровым услугам, тогда как флагманы уже масштабируют такие решения.

Наконец, существенное влияние на различия оказывает финансово-организационный потенциал регионов. Богатые субъекты федерации обладают большими ресурсами для инвестиций в цифровую инфраструктуру, кадровое обеспечение и разработку собственных ИТ-инициатив. Официальные данные подтверждают прямую связь между бюджетной обеспеченностью и успехами цифровизации. Санкт-Петербург, обладая статусом города федерального значения и высоким уровнем бюджетной автономии, направил значительные средства на информатизацию социальной сферы и достиг ведущих позиций по внедрению цифровых сервисов. Тюменская область, благодаря устойчивой экономике, реализует сбалансированную стратегию цифровой трансформации, сочетая планирование с поэтапным финансированием инноваций. В результате эти регионы смогли выстроить комплексную «умную» инфраструктуру соцзащиты – от многофункциональных платформ до омниканальных сервисов взаимодействия с гражданами. В противоположность им, Кабардино-Балкария и Забайкалье сталкиваются с ограниченностью ресурсов: слабая материально-техническая база и дефицит квалифицированных ИТ-специалистов замедляют цифровую модернизацию и усиливают зависимость от федеральной поддержки. Как следствие, универсальные модели цифровой социальной политики здесь реализуются лишь частично, а уровень цифровой зрелости заметно отстает.

В совокупности приведенные данные указывают на выраженное цифровое неравенство между регионами. Цифровой разрыв проявляется во всех рассмотренных аспектах – от доступа к интернету и навыков населения до степени автоматизации услуг и финансовых возможностей по их развитию. Санкт-Петербург и Тюменская область выступают примерами регионов, сумевших максимально воспользоваться возможностями цифровой эпохи для усиления социального государства. В них электронные услуги стали по-настоящему массовыми, а цифровые решения выступили неотъемлемой частью системы соцподдержки. С другой стороны, кейсы Кабардино-Балкарии и Забайкальского края демонстрируют, что недостаток инфраструктуры и компетенций трансформируется в новые барьеры для социальной политики. Разрыв по таким показателям, как охват интернетом, цифровая грамотность и доля

оцифрованных услуг, подтверждает риск формирования цифровой периферии – территорий, где население фактически ограничено в доступе к благам электронного государства. Таким образом, цифровизация социальной сферы в России носит асимметричный характер: единый курс на внедрение технологий приводит к различным результатам на местах. Это подчеркивает необходимость дифференцированного, адресного подхода к развитию цифрового социального государства с учетом региональных особенностей, чтобы цифровые инновации не углубляли, а сокращали существующие социально-территориальные неравенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть трансформацию социальной политики в условиях цифровизации на примере четырех регионов РФ, демонстрирующих различные уровни цифровой зрелости, институционального развития и социально-экономической обеспеченности. Аналитические выводы опираются на контент-анализ более 50 программных и стратегических документов, речей глав субъектов, а также на вторичный анализ статистических данных за 2021–2024 гг. Сравнительный анализ кейсов Санкт-Петербурга, Тюменской области, КБР и Забайкальского края позволил конкретизировать и эмпирически обосновать ряд теоретических положений, сформулированных в гипотезах статьи.

Во-первых, полученные данные подтверждают тенденцию, согласно которой цифровое неравенство становится новой формой социальной стратификации, дополняющей и усложняющей традиционные формы социального неравенства. Неодинаковый доступ к цифровым ресурсам – от инфраструктуры до компетенций и практик – воспроизводит асимметрию в возможностях получения соцподдержки, особенно в регионах с низким уровнем цифровой готовности (например, Забайкальский край). Тем самым цифровизация выступает не только как инструмент модернизации, но и как фактор риска, способный усиливать социальную фрагментацию [Dijk van, 2005; Eubanks, 2018].

Во-вторых, зафиксирована устойчивая корреляция между уровнем бюджетной обеспеченности региона и характером цифровой трансформации социальной сферы. Регионы с устойчивыми финансовыми позициями (Санкт-Петербург, Тюменская область) демонстрируют более комплексный и проактивный подход к цифровизации –

с акцентом на «умную» инфраструктуру, цифровые платформы и омниканальные сервисы. Такие условия позволяют реализовывать технологически насыщенные и социально ориентированные форматы соцподдержки, снижая барьеры доступа и повышая качество обслуживания.

В-третьих, подтверждается значимость институционального и культурного контекста в определении траектории цифровой трансформации. В Кабардино-Балкарии, несмотря на умеренный уровень цифрового развития, формируется модель культурно-чувствительной интеграции федеральных цифровых инициатив – с учетом языковых, демографических и инфраструктурных условий. Это подчеркивает необходимость многомодельного подхода к цифровизации социальной политики в федеративном государстве.

Наконец, частично подтвержден компенсаторный потенциал цифровых технологий. Даже в условиях ограниченных ресурсов (например, в Забайкальском крае) цифровизация может способствовать точечному расширению доступа к социальным услугам через автоматизацию, онлайн-каналы и мобильные офисы. Однако без устойчивой инфраструктуры и квалифицированного сопровождения эти инициативы остаются ограниченными по охвату и эффекту.

Таким образом, исследование зафиксировало как общие векторы цифровой трансформации, так и регионально обусловленные различия.

Эти различия подчеркивают важность гибкой и адаптивной социальной политики, способной учитывать не только технологические, но и социально-культурные особенности регионов. С точки зрения социологической теории результаты подтверждают актуальность концепта цифровой справедливости как условия эффективного функционирования социального государства в цифровую эпоху.

В то же время работа обладает рядом ограничений. Анализ охватывает лишь четыре региона, отобранных по типологическому принципу, и не претендует на полную репрезентацию территориального многообразия РФ. Кроме того, значительная часть эмпирической базы основана на официальных документах и статистике, что сопряжено с рисками декларативности («витринности») и быстро меняющейся цифровой повестки. Будущие исследования могут быть направлены на расширение выборки, проведение социологических опросов в целевых группах и анализ микроуровневых практик цифровой инклюзии. Предложенная типология региональных моделей цифровой социальной политики и акцент на культурно-чувствительной интеграции представляют собой вклад в развитие социологии цифрового государства и могут быть использованы как основа для прикладных стратегий сокращения цифрового неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов В.И., Андреев В.Д. Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей. Вопросы государственного и муниципального управления. 2023;1:89–119. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>
- Абрамов В.И., Андреев В.Д. Первый год реализации программ цифровой трансформации в регионах России: проблемы и результаты. Вопросы государственного и муниципального управления. 2024;2:110–128. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-110-128>
- Атласкиров А.Р. Цифровая трансформация в традиционном обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики). Социологическая наука и социальная практика. 2023;1(11):138–156. <http://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.8>
- Зуева Н.Л. Цифровизация социальной сферы. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022;2(49):277–287. <http://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/2/277-287>
- Кабанов Ю.А., Санина А.Г., Стырин Е.М. Цифровая трансформация государства и социально-экономическое неравенство в кросс-национальной перспективе. Журнал исследований социальной политики. 2024;2(22):195–208. <http://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-2-195-208>
- Казанбиева А.Х. Оценка уровня цифровизации российских регионов. Инновации и инвестиции. 2023;4:369–375.
- Колосова Г.В. Инновационный менеджмент социальной сферы в условиях цифровизации. Социология и право. 2023;1(15):79–87. <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-79-87>
- Коровкин В.В. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? М.: Институт исследований развивающихся рынков «Сколково»; 2020. 62 с.
- Орехов А.М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024;1(28):260–272. <http://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>

Платонова С.И. Цифровое неравенство как новая форма социального неравенства. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024;6:139–149. <http://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>

Шогенов М.З., Гунноев Т.Б. Независимая оценка качества социальных услуг в условиях цифровизации государственного управления. В кн.: Прорывное развитие экономики России: условия, инструменты, эффекты: сборник статей международной научно-практической конференции, часть 1, Нальчик, 11–13 октября 2018 г. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова; 2018. С. 280–288.

Couldry N., Mejias U.A. The costs of connection. How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford: Stanford University Press; 2019. 352 p.

Dijk J.A.G.M. The deepening divide. Inequality in the information society. Thousand Oaks: SAGE Publishing; 2005. 240 p.

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. New York: Princeton University Press; 1990. 248 p.

Eubanks V. Automating inequality. How high-tech tools profile, police, and punish the poor. New York: St. Martin's Press; 2018. 272 p.

Graham M., Dittus M. Geographies of digital exclusion. Data and inequality. London: Pluto Press; 2022. 210 p.

Hindman M. The internet trap. How the digital economy builds monopolies and undermines democracy. Princeton: Princeton University Press; 2018. 256 p.

Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K., Arslan S.C. Digital citizenship in a datafied society. Publizistik. 2019;64:391–393. <https://doi.org/10.1007/s11616-019-00508-z>

Marshall Th.H. Citizenship and social class, and other essays. Cambridge: Cambridge University Press; 1950.

REFERENCES

Abramov V.I., Andreev V.D. Analysis of strategies for digital transformation of Russian regions in the context of achieving national goals. Public Administration Issues. 2023;1:89–119. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119>

Abramov V.I., Andreev V.D. First year of implementation of digital transformation programs in the regions of Russia: problems and results. Public Administration Issues. 2024;2:110–128. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-110-128>

Atlaskirov A.R. Digital transformation in traditional society (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic). 2023;1(11):138–156. (In Russian). <http://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.8>

Couldry N., Mejias U.A. The costs of connection. How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford: Stanford University Press; 2019. 352 p.

Dijk J.A.G.M. The deepening divide. Inequality in the information society. Thousand Oaks: SAGE Publishing; 2005. 240 p.

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. New York: Princeton University Press; 1990. 248 p.

Eubanks V. Automating inequality. How high-tech tools profile, police, and punish the poor. New York: St. Martin's Press; 2018. 272 p.

Graham M., Dittus M. Geographies of digital exclusion. Data and inequality. London: Pluto Press; 2022. 210 p.

Hindman M. The internet trap. How the digital economy builds monopolies and undermines democracy. Princeton: Princeton University Press; 2018. 256 p.

Hintz A., Dencik L., Wahl-Jorgensen K., Arslan S.C. Digital citizenship in a datafied society. Publizistik. 2019;64:391–393. <https://doi.org/10.1007/s11616-019-00508-z>

Kabanov Yu.A., Sanina A.G., Styryn E.M. Digital transformation of government and socio-economic inequality in a cross-national perspective. Journal of Social Policy Studies. 2024;2(22):195–208. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-2-195-208>

Kazanbieva A.Kh. Assessment of the level of digitalization of Russian region. Innovation & Investment. 2023;4:369–375.

Kolosova G.V. Innovative management of the social sphere in the context of digitalization. Sociology and Law. 2023;1(15):79–87. (In Russian). <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-1-79-87>

Korovkin V.V. The digital life of Russian regions 2020. What defines the digital divide? Moscow: Institute for Emerging Markets Research of “Skolkovo”; 2020. 62 p. (In Russian).

Marshall Th.H. Citizenship and social class, and other essays. Cambridge: Cambridge University Press; 1950.

Orekhov A.M., Chubarov N.A. Digital inequality and digital justice: social-philosophical aspects of the problem. RUDN Journal of Philosophy. 2024;1(28):260–272. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>

Platonova S.I. Digital inequality as a new form of social inequality. Intellect. Innovations. Investments. 2024;6:139–149. (In Russian). <http://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-6-139>

Shogenov M.Z., Guppoev T.B. Independent assessment of quality of the state social services in conditions of digitalization of public administration. In: Breakthrough development of Russia's economy: conditions, tools, effects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, part 1, Nalchik, October 11–13, 2018. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov; 2018. Pp. 280–288. (In Russian).

Zueva N.L. Digitalization of the social sphere. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022;2(49):277–287. (In Russian). <http://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/2/277-287>

Построение личного бренда стилиста в digital-пространстве

УДК 659.4

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-45-54

Получено 05.04.2025

Доработано после рецензирования 16.06.2025

Принято 20.06.2025

Абрамова Анна Алексеевна

Студент

ORCID: 0009-0002-8086-3959

E-mail: nyura.abramova.anna.abramova@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Ахмаева Людмила Геннадьевна

Канд. экон. наук, доц. каф. рекламы и связей с общественностью

ORCID: 0000-0002-7867-2590

E-mail: Lg_ahmaeva@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В работе раскрыты понятия стиля и личного бренда стилиста. Обоснована важность роли и функционала персонального стилиста для современного потребителя. Также транслируется важность построения личного бренда в сфере услуг персональных стилистов в цифровой среде для повышения коммуникационной и экономической эффективности персонального стилиста. В ходе написания работы также был проведен анализ целевой аудитории по методу 5W, разработанному М. Шеррингтоном и являющемуся важным инструментом для ее определения. Был рассмотрен выбор оптимальных каналов коммуникации персонального стилиста в цифровом пространстве со своей потенциальной целевой аудиторией на примере Анны Абрамовой. В рамках

проведенного исследования был выбран Telegram-канал «с nyurk-ой про fashion» стилиста Анны Абрамовой (более 10 тыс. подписчиков) в качестве примера успешного личного бренда в индустрии моды. Анализ канала позволил выявить ключевые аспекты эффективной коммуникации. Был сделан вывод, что развитие личного бренда для стилиста необходимо, так как повышение уровня популярности обеспечивает новых клиентов и увеличение уровня лояльности, что приводит к повышению экономической эффективности работы профессионала. Также немаловажен тот факт, что сегодня услуги стилиста пользуются очень большим спросом, что прослеживается через сервисы по поиску работы, по запросам и статистическим данным.

Ключевые слова

Стилист, личный бренд, digital-пространство, цифровая среда, продвижение, продвижение в цифровой среде, каналы коммуникации, персональный стилист

Для цитирования

Абрамова А.А., Ахмаева Л.Г. Построение личного бренда стилиста в digital-пространстве // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 45–54.

© Абрамова А.А., Ахмаева Л.Г., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Building a stylist's personal brand in the digital space

Received 05.04.2025

Revised 16.06.2025

Accepted 20.06.2025

Anna A. Abramova

Student

ORCID: 0009-0002-8086-3959

E-mail: nyura.abramova.anna.abramova@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Liudmila G. Akhmaeva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Advertising and Public Relations Department

ORCID: 0000-0002-7867-2590

E-mail: Lg_ahmaeva@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article reveals the concepts of style and stylist's personal brand. The importance of the role and functionality of a personal stylist for the modern consumer is substantiated. The article also highlights the importance of building personal brand in the field of personal stylist services in digital environment to increase communication and cost-effectiveness of the personal stylist. During the writing of the article, the target audience has also been analysed using the 5W method developed by M. Sherrin ton which is an important tool for determining it. The choice of optimal communication channels for the personal stylist in the digital space with their potential target audience is also considered using the example of Anna Abramova. As part of the research

conducted to write the article, the Telegram channel "s nyurk-oj pro fashion" by stylist Anna Abramova (more than 10,000 subscribers) has been selected as an example of successful personal brand in the fashion industry. The channel analysis reveals the key aspects of effective communication. It is concluded that the development of personal brand for a stylist is necessary, since an increase in popularity provides new customers and loyalty, which enhances economic efficiency of the professional. Also, it is important that today the services of the stylist are in great demand, which is monitored through job search services, queries, and statistical data.

Keywords

Stylist, personal brand, digital space, digital environment, promotion, promotion in digital environment, communication channels, personal stylist

For citation

Abramova A.A., Akhmaeva L.G. (2025) Building a stylist's personal brand in the digital space. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 45–54. doi: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-45-54

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Целью работы явилось исследование эффективности продвижения услуг фрилансеров в мессенджере Telegram на примере канала персонального стилиста.

В текущих реалиях традиционные средства массовой информации и методы рекламы, такие как печатные издания, радио, телевидение и наружная реклама, уступают место личным блогам в борьбе за внимание аудитории. Лидеры мнений все чаще выбирают цифровые каналы, особенно личные блоги в социальных сетях, как основной и наиболее эффективный способ продвижения своего бренда как с точки зрения охвата, так и с точки зрения затрат [Кушков, 2019].

В современном обществе одежда человека перестала выполнять строго утилитарную функцию защиты от дождя, холода и зноя, она является важным элементом социальной коммуникации, позволяющим судить о вкусах, образе жизни и даже социальном статусе человека. Поэтому неудивительно, что многие обращаются к стилистам не только для создания функционального и транслирующего уверенность в себе образа, но и для передачи определенного сообщения окружающим. Одежда перестала быть просто функциональной необходимостью, превратившись в мощный инструмент самовыражения и невербальной коммуникации. Стремясь произвести желаемое впечатление, люди обращаются к стилистам, чтобы создать имидж, соответствующий их целям и амбициям. Стилисты играют ключевую роль не только в формировании индивидуального стиля, но и в индустрии моды и развлечений, участвуя в создании показов, съемок и других визуальных проектов для брендов и медиа [Ахмаева, 2020]. Подготовка специалистов ведется не только в коммерческом секторе, но и в академической среде. В частности, Школа дизайна «Высшей школы экономики» предлагает программу бакалавриата «Мода», включающую обучение персональному стайлингу¹, а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова – курс «Теория и индустрия моды»².

Помимо прочего, важной частью деятельности любого фрилансера, в данном случае персонального стилиста, является продвижение своих услуг

¹ HSE Art And Design School. Передовая программа подготовки дизайнеров одежды и аксессуаров, фотографов, универсальных художников модной индустрии. НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://design.hse.ru/ba/program/fashion?ysclid=m46rmgoogm115018019> (дата обращения: 01.04.2025).

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Паспорт программы «Теория и индустрия моды». Режим доступа: <https://msu.ru/dopobr/programs/program/316257/> (дата обращения: 01.04.2025).

через социальные сети. В современных реалиях вопрос о выборе площадки для развития стоит крайне остро, поскольку множество из доступных ранее социальных сетей для продвижения заблокированы на территории Российской Федерации (далее – РФ) [Аржанова, Еремеева, 2024]. На фоне этого главным каналом для продвижения становится мессенджер Telegram. Именно в Telegram активно переходят блогеры, рекламодатели и потенциальные потребители услуг; мессенджер развивается, добавляются новые функции и возможности для развития; количество новых пользователей растет с каждым днем: в декабре 2024 г. оно составило 950 млн чел., а Telegram занял 8-е место среди социальных сетей мира. Так, количество пользователей Telegram с 2014 г. выросло с 35 млн до 950 млн чел.³

Около 95 % российских компаний уже покупают рекламу в Telegram, а также мессенджер достиг важного рубежа: впервые за три года с начала монетизации платформа стала прибыльной. Эти факты подчеркивают, что Telegram не просто удерживает позиции, но активно набирает вес в мире социальных медиа⁴.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / REVIEW OF SCIENTIFIC LITERATURE

В научной литературе представлено значительное количество работ, посвященных построению личного бренда. Однако исследований, фокусирующихся на специфике и эффективных стратегиях построения личного бренда в сфере услуг персональных стилистов, явно недостаточно.

Теоретические основы личного брендинга хорошо разработаны, но практическое применение этих знаний для персональных стилистов, в частности эффективные стратегии построения личного бренда, изучено слабо [Баканова, 2017].

В статье «Модель формирования стратегических альтернатив для личных брендов в индустрии красоты» (М.В. Сулаберидзе и А.Г. Будрин) представлен краткий обзор концепции личного брендинга. Авторы классифицируют личные бренды по уровню узнаваемости, выделяя три категории: top-of-mind (наиболее узнаваемый), узнаваемый с подсказкой и неизвестный. Статья также содержит краткий обзор темы личного брендинга [Сулаберидзе, Будрин, 2020].

³ Инклиент. Сколько пользователей в Telegram? Режим доступа: <https://incli.ru/telegram-stats/?ysclid=m5z5eovbct452615640> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Виталий (бизнес в Telegram). Telegram в 2025 году: тренды, прогнозы и возможности для медиа. Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/1756722-telegram-v-2025-godu-trendy-prognozy-i-vozmozhnosti-dlya-media> (дата обращения: 01.04.2025).

В статье К.А. Бабкиной «Как и зачем развивать персональный бренд» рассматриваются вопросы необходимости развития личного бренда для различных групп людей. Автор анализирует цели, пожелания и потребности целевой аудитории, а также определяет наиболее популярные сферы деятельности для специалистов, занимающихся развитием своего персонального бренда. Среди них творческие профессии (дизайнеры, фотографы и др.), специалисты в сфере красоты (стилисты, визажисты), представители бизнеса (юристы, маркетологи, предприниматели), политики, педагоги, а также деятели шоу-бизнеса, спорта и медицины [Бабкина, 2023]. Стоит также отметить влияние имиджа на восприятие бренда, интерес к изучению которого в последнее время усилился [Аржанова, 2015].

НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА ДЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОГО СТИЛИСТА / NEED FOR DEVELOPING PERSONAL BRAND FOR A PERSONAL STYLIST

Личный бренд – это образ, включающий в себя все ассоциации, эмоции, представления, возникающие в сознании людей при взаимодействии с человеком, имеющим социально значимые свойства, отношения и действия, сложившиеся в процессе его развития [Бабкина, 2023].

По данным hh.ru, всего за прошлый год в РФ было открыто около 6,3 тыс. вакансий стилистов, в I квартале 2024 г. – 1,6 тыс., что на 12 % превышает показатель аналогичного периода прошлого года. Спрос на стилистов в течение 2023 г. прирастал в среднем на 7 % ежеквартально⁵.

Так, по данным IBISWorld, индустрия персонального стайлинга в Соединенных Штатах Америки выросла на 6,2 % с 2016 г. по 2021 г., а выручка достигла 1,6 млрд долл. США только в 2021 г. В отчете также прогнозируется, что в ближайшие годы индустрия продолжит активно расти, создавая еще больше вариаций для эффективной реализации персональных стилистов⁶. Перспективы развития персонального бренда для последних весьма благоприятны. Рынок демонстрирует активный рост, подкрепленный стабильно увеличивающимся спросом на услуги стилистов. Построение личного бренда обеспечивает узнаваемость и медийность, а значит, вызывает больше

доверия у потребителя, что, как следствие, ведет к привлечению новых клиентов в целом и к востребованности в отрасли.

Следует отметить, что услуги стилиста, как правило, стоят дорого, однако с недавнего времени и представители среднего класса могут позволить себе услугу персонального стайлинга, которая раньше ассоциировалась исключительно с премиум-сегментом [Корнилов, Зайцев, 2022].

ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОГО КАНАЛА КОММУНИКАЦИИ И ФОРМАТОВ КОНТЕНТА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА ПЕРСОНАЛЬНОГО СТИЛИСТА / SELECTION OF THE OPTIMAL COMMUNICATION CHANNEL AND CONTENT FORMATS FOR BUILDING PERSONAL BRAND FOR A PERSONAL STYLIST

В современных реалиях развитие личного бренда в сфере услуг персональных стилистов весьма ограничено, поскольку многие социальные сети, которые ранее приносили хорошую конверсию, – приводили клиентов и подписчиков – заблокированы. Именно поэтому встает вопрос о поиске и развитии альтернативных каналов для коммуникации и продвижения. Следовательно, основной проблемой является острая необходимость в поиске дополнительных каналов для развития личного бренда [Дмитриева, 2022].

В качестве оптимального канала коммуникации для построения личного бренда в сфере услуг персональных стилистов был выбран мессенджер Telegram. Число активных пользователей Telegram в мире выросло с 200 млн до 500 млн чел. с марта 2018 г. по январь 2021 г. Наблюдается рост в 2,5 раза за 2,5 года. Согласно данным компании, российская аудитория Telegram в августе 2020 г. достигла 26,7 млн чел., а в сентябре 2021 г. – уже 50 млн чел. [Корнилов, Зайцев, 2022].

Именно исходя из того, насколько активно и качественно развивается данная площадка, можно сделать вывод, что продвижение личного бренда персонального стилиста необходимо производить в Telegram.

Статья основана на исследовании Telegram-канала «с nyurk-ой про fashion», принадлежащего персональному стилисту Анне Абрамовой. Анализ канала, насчитывающего более 10 тыс. подписчиков (данные на декабрь 2024 г.), позволил выявить ряд особенностей коммуникации личного бренда стилиста в Telegram.

В рамках данного раздела были проанализированы ключевые конкуренты Анны Абрамовой

⁵ Курбанова Н. По образу и удобию: актуальна ли сейчас работа персонального стилиста. Режим доступа: <https://iz.ru/1669662/nainakurbanova/po-obrazu-i-udobiuu-aktualna-li-seichas-rabota-personalnogo-stilista> (дата обращения: 02.04.2025).

⁶ Gabriel L. Why it's the perfect time to become a personal stylist. Перевод: <https://www.styleacademyintl.com/post/why-it-s-the-perfect-time-to-become-a-personal-stylist> (дата обращения: 02.04.2025).

в Telegram и методы продвижения. К основным слабым сторонам конкурентов можно отнести низкую вовлеченность подписчиков. Дополнительными пунктами были выделены нетематические публикации, хаотичный постинг и обилие рекламы. Также отмечены и сильные стороны конкурентов: выбранное для площадки Telegram эстетичное ведение канала, интересные и качественно смонтированные ролики от авторов каналов, живой контент, наличие дополнительных каналов продвижения и, как следствие, более быстрый рост аудитории.

Методами и методиками исследования явились опрос целевой аудитории персонального стилиста в мессенджере Telegram, глубинное интервью, конкурентный анализ и сегментация целевой аудитории согласно методу 5W, разработанному М. Шеррингтоном.

Нами была предложена следующая гипотеза – мессенджер Telegram переживает пик своей популярности, следовательно, продвигаться на этой площадке фрилансеру, в данном случае персональному стилисту, эффективно с коммуникационной и экономической точек зрения. В мессенджере находится потенциальная целевая аудитория, которая может заинтересоваться услугами специалиста.

В рамках исследования был проведен опрос подписчиков Telegram-канала Анны Абрамовой с целью выявления основных запросов аудитории персонального стилиста в мессенджере Telegram для поиска оптимальных форматов контента.

На вопрос «Ваш уровень дохода?» большинство респондентов ответило, что их уровень дохода можно охарактеризовать как средний, то есть составляет примерно от 30 тыс. до 100 тыс. руб. в месяц. Далее, 33 % респондентов ответили, что не работают (являются учащимися или домохозяйками), а 24,1 % составляют люди с высоким доходом, достигающим более 100 тыс. руб. в месяц.

Также был задан вопрос «Какой вид шоппинга Вы предпочитаете?». Многие (70,5 %) заявили, что предпочитают онлайн-шопинг, а 63,4 % опрошенных – что все же оффлайн-шопинг приоритетнее.

На вопрос «Почему Вы подписались на канал «с nyurk-ой про fashion»?» большинство респондентов (92,9 %) ответило, что подписались из-за обилия полезной fashion-информации (подборки, капсулы, советов по стилизации, информации про тренды). Также 42 % респондентов отметили интересный life-контент, а 42,9 % – красивое и привлекательное оформление постов.

Большинство опрошенных (87 %) ответило, что на канале больше всего им нравятся подборки и капсулы, 62 % отметили информацию о показах и модных трендах, 39 % – о новостях из мира моды. Более половины (57 %) респондентов указали, что им нравятся видео с находками и распаковки, а 51 % заявили, что любят смотреть видео с образами от автора.

Анализ опроса выявил несколько ключевых характеристик аудитории, заинтересованной в услугах персонального стилиста. Во-первых, эта аудитория активно ищет качественную информацию о моде и стиле, включая практические советы, подборки готовых образов, капсульные гардеробы и актуальные тренды. Во-вторых, визуальная составляющая контента играет для них важную роль. В-третьих, это в основном платежеспособные люди, которые предпочитают совершать покупки в интернете.

Также были проанализированы методы продвижения на площадке Telegram на примере Анны Абрамовой. Следует отметить, что в Telegram отсутствуют органические алгоритмы продвижения, но есть несколько способов. Например, закупка рекламы у каналов со смежной целевой аудиторией (создание рекламного макета с активными ссылками, которые блогер размещает в указанную дату и время у себя на странице). Отследить качество трафика с такой рекламы возможно через статистику подписок в профиле канала и количество реакций, репостов и просмотров рекламного макета.

Ниже приведена первая таблица с расходами на рекламу в Telegram и конверсией в октябре 2024 г.⁷

⁷Telegram. с nyurk-ой про fashion. Режим доступа: https://t.me/anka_nyurka (дата обращения: 02.04.2025).

Таблица 1. Расходы на рекламу и конверсия для Telegram-канала «с nyurk-ой про fashion» в октябре 2024 г.

Table 1. Advertising expenses and conversion for the telegram channel "s nyurk-oj pro fashion" in October 2024

Канал	Расходы, тыс. руб.	Конверсия, %
«Готовьте кошельки»	13	2,5
Olesyapug diary	2	2
«Стильно и точка»	13	0,8
Brunette babe rules	8	2,2
Yulia Mess	Взаимный пиар в формате интервью	0,5

Составлено авторами по материалам источника⁷ / Compiled by the authors on the materials of the source⁷

Таблица. 2. Результаты продвижения для канала «с nyurk-ой pro fashion» через рекламный кабинет Telegram в октябре 2024 г.

Table 2. Results of promotion for the channel "s nyurk-oj pro fashion" through the Telegram advertising cabinet in October 2024

Дата	Просмотры, ед.	Клики, ед.	Подписки, ед.	Конверсия, %
7 октября	3 568	9	0	0
8 октября	12 537	24	4	0,03
9 октября	11 167	25	1	0,009
10 октября	5 443	10	2	0,04
11 октября	4 909	6	0	0
12 октября	2 063	4	0	0

Составлено авторами по материалам источника⁸ / Compiled by the authors on the materials of the source⁸

В качестве второго канала для продвижения можно использовать рекламный кабинет непосредственно от самого Telegram. Для запуска такой рекламы необходимо выбрать конкретные каналы, в которых необходимо показывать рекламное объявление, однако стоит отметить, что рекламное объявление возможно создать крайне ограниченное – до 160 символов, в объявлении также запрещено использовать яркие призывы к действию, слова «лучший», «все советуют» и т.д. Для продвижения канала в период с 7 по 12 октября 2024 г. на счет рекламного кабинета Telegram было переведено 10 тыс. руб. Ниже приведена таблица с результатами продвижения⁸.

Следует отметить, что реклама от Telegram для личной страницы сработала плохо: были клики, некоторые подписки, но глобально эффективность такой рекламы крайне низкая.

Еще одним способом продвижения является взаимный пиар с каналами со смежной целевой аудиторией, количеством подписчиков и активом. Данный метод работает аналогично простой рекламе, только рекламные макеты размещают обе стороны.

Также необходимо сказать, что на данный момент появилось некое подобие рекомендательных алгоритмов в Telegram. Работает оно по следующему принципу: когда пользователь подписывается на новый канал, внизу мессенджер выдает строку с похожими каналами. Такой алгоритм сейчас работает на среднем уровне, однако имеет большой потенциал для дальнейшего развития.

Так, к основным методам продвижения относятся покупка рекламы у целевых каналов, взаимный пиар, алгоритм рекомендаций после подписки. На данный момент продвижение через саму площадку Telegram работает плохо, конверсия и целевые действия практически отсутствуют.

В рамках данного раздела также стоят задачи проанализировать деятельность Анны Абрамовой в онлайн-пространстве, выявить сильные и слабые стороны и выбрать оптимальные форматы контента.

Рассмотрим подробнее форматы и рубрики в Telegram-канале Анны Абрамовой.

«Капсулы» – рубрика в Telegram-канале, где стилист делится готовыми капсулами с образами, состоящими из нескольких вещей, которые могут дать на выходе множество готовых образов. Она ведется редко, около 3–5 раз в месяц, но пользуется популярностью у подписчиков. Набирает в среднем от 100–200 реакций, 3–9 комментариев, от 50–100 репостов.

«Подборки» – рубрика, где Анна Абрамова делится готовыми сочетаниями образов на каждый день, для особенных случаев. Также в рамках данного формата она собирает конкретные элементы гардероба в одну подборку, например «подборка обуви к осени». Данная рубрика ведется регулярно, на ежедневной основе, пользуется большой популярностью на канале: 40–60 реакций, от 4–9 комментариев, а также в среднем от 12–50 репостов, в зависимости от актуальности и запроса аудитории.

«Чек-листы» – рубрика в Telegram-канале, в которой составляются в pdf-формате с кликабельными ссылками чек-листы, посвященные, например, летнему гардеробу. Это чуть более расширенный формат «Подборок», где в одном месте могут быть собраны десятки модных позиций сразу со ссылками. Человеку необходимо просто загрузить файл, выбрать понравившуюся вещь и перейти по ссылке. У Анны Абрамовой есть платные и бесплатные чек-листы, она всего один раз создавала платный формат – «Летний гардероб» за символическую стоимость в 300 руб. По статистике бота, через который продавался этот чек-лист, количество купивших составило 21 чел., а сумма дохода с продажи – 6 300 руб. Бесплатные чек-листы пользуются очень

⁸ TGStat. с nyurk-ой pro fashion. Режим доступа: https://tgstat.ru/channel/@anka_nyurka/stat?ysclid=mcsued0uj3400477835 (дата обращения: 02.04.2025).

большой популярностью у аудитории. Число репостов отдельных позиций – более 400, а среднее количество реакций – 60–150, 7–8 комментариев.

«Магазины» – рубрика, где Анна Абрамова собирает в посте российские магазины обуви, одежды и аксессуаров, а также делает обзоры из оффлайн-магазинов. Рубрика также пользуется популярностью у подписчиков, собирает около 60–150 реакций, 3–5 комментариев и от 20–120 репостов.

«Образы и видео от автора» – в данной рубрике владелица канала снимает видео со своими образами, делится красивыми фото. Она также нравится подписчикам, набирает по 50–70 лайков, от 10 комментариев, однако максимальное количество репостов составляет около 20.

Подводя небольшой итог по анализу деятельности Анны Абрамовой в Telegram-канале, можно сделать вывод, что практически все форматы пользуются популярностью у аудитории. Следует отметить, что автор относительно недавно стал интегрировать свою личность в информационное поле канала, из-за чего посты с образами Анны Абрамовой пользуются немного меньшей популярностью, чем посты с подборками, капсулами, чек-листами и т.д. Однако среднее количество комментариев под ними выше, поскольку подписчики интересуются, где куплена та или иная вещь из видео или фотопоста, следовательно, люди вовлечены и есть потенциал для развития данного формата.

АНАЛИЗ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО СТИЛИСТА / ANALYSIS OF THE TARGET AUDIENCE OF A PERSONAL STYLIST

Необходимо дать краткое описание целевой аудитории стилиста. Следует отметить, что его услуги в среднем стоят дорого, однако с недавнего времени и представители среднего класса могут позволить себе услугу персонального стайлинга, которая раньше ассоциировалась исключительно с люксом. Проанализировав данные факторы, можно сделать первый важный вывод о целевой аудитории персонального стилиста: доход клиентов является средним и выше среднего и начинается минимум от 100 тыс. руб. в месяц.

Метод 5W, разработанный М. Шеррингтоном, является полезным инструментом для определения целевой аудитории (табл. 3).

Анна Абрамова работает с двумя основными группами клиенток.

Первый сегмент – это женщины в возрасте от 35 до 50 лет, обладающие высоким уровнем дохода и занимающие руководящие позиции или являющиеся публичными лицами. Для них услуги стилиста – инвестиция в свой имидж и способ оптимизировать время, необходимое для поддержания безупречного внешнего вида.

Второй сегмент – это более молодые женщины в возрасте от 25 до 35 лет со средним или высоким уровнем дохода, работающие в публичной сфере или занимающиеся домашним хозяйством.

Таблица 3. Метод 5W для описания целевой аудитории стилиста

Table 3. 5W method for describing the stylist's target audience

Вопрос	Ответ на вопрос (сегмент 1)	Ответ на вопрос (сегмент 2)
Что? (англ. What?)	Составление капсульного гардероба, шопинг-сопровождение клиента	Составление готового образа на различные мероприятия по запросу, подготовка к фотосессии, сборы на фотосессию или шопинг-сопровождение клиента
Кто? (англ. Who?)	Женщины и девушки в возрасте от 35 до 50 лет, имеющие высокий уровень дохода, руководители организаций или публичные люди	Женщины и девушки в возрасте от 25 до 35 лет, имеющие средний или высокий уровень дохода, представительницы публичных профессий, домохозяйки
Почему? (англ. Why?)	Желание соответствовать статусу, дресс-коду, не тратить много времени на подбор образов	Желание изменений, потребность красиво выглядеть, желание собрать стильный образ на корпоратив или фотосессию
Когда? (англ. When?)	Круглый год	Разово или круглый год
Где? (англ. Where?)	Онлайн и офлайн	Онлайн и офлайн

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Они обращаются к стилисту, чтобы внести изменения в свой стиль, выглядеть привлекательно и создать запоминающиеся образы для особых случаев, таких как торжественные мероприятия или же различные фотосессии или видеосъемки.

Ниже представлен подробный анализ основных ценностей, мотивов покупки, проблем и болей, идеального решения проблемы целевых сегментов (табл. 4).

Наиболее популярной причиной обращения к персональному стилисту среди целевых групп является желание сэкономить время и деньги, подобрать стильные образы под любой жизненный случай, выглядеть эффектно и соответствовать статусу.

Для более глубокого понимания целевой аудитории автором были проведены глубинные интервью с представителями целевых сегментов (табл. 5, табл. 6).

Таблица 4. Анализ сегментов целевой аудитории

Table 4. Analysis of target audience segments

Пункт анализа	Сегмент 1	Сегмент 2
Основные ценности	Карьера, бизнес, семья, психология	Любовь, досуг, творческие хобби, красота, семья, популярность, фотосессии
Основные мотивы покупки	Эффективное распределение ресурсов – времени и денег, желание продемонстрировать свой статус	Потребность чувствовать себя уверенно, потребность в новых ощущениях, эмоциях
Проблемы и боли	Мало времени на самостоятельный поход за покупками, нет времени следить за трендами, не получается составить цельный гардероб: все вещи разноплановые и не сочетаются друг с другом	Желание быть привлекательной для противоположного пола, отсутствие чувства вкуса, устаревшая одежда или изменение размера, желание привлечь внимание стильным образом на мероприятии или публикацией кадров с фотосессии в социальных сетях
Идеальное решение проблемы	Шопинг-сопровождение, разбор гардероба и составление капсулы: подбор образов на все случаи жизни, начиная от деловых завтраков и заканчивая свиданием. Все образы будут сочетаться между собой и с прошлым гардеробом клиента. Все вещи будут подобраны из мидл- и премиум-сегментов, с ориентацией на классический стиль	Разбор гардероба: выделение устаревших позиций, покупка новых. Составление образа на фотосессию или мероприятие
Изменение жизни после решения проблемы	Выбор одежды станет простым мероприятием, не требующим много времени, будут подходящие образы под каждое событие, повысится уверенность в себе	Женщина полюбит себя, увидит себя с новой стороны, привлечет внимание к своей персоне, станет уверенней и получит одобрение от окружающих

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Таблица 5. Глубинное интервью с Юлией из первого сегмента целевой аудитории (45 лет)

Table 5. In-depth interview with Yulia from the first segment of the target audience (45 years old)

Вопрос	Ответ
В какой момент Вы приняли решение обратиться к стилисту?	«Я решила обратиться к стилисту, когда заняла достаточно высокий пост на работе, а одежда перестала соответствовать статусу»
Какие ожидания были от работы стилиста?	«Я ожидала, что стилист подберет качественные базовые вещи так, чтобы они сочетались между собой и каждый рабочий день я могла надевать разные образы»
Какие действия Вы предпринимали раньше, чтобы решить проблему?	«Пыталась самостоятельно подобрать вещи в онлайн- и оффлайн-магазинах, но не всегда они удачно сочетались между собой»
Какие страхи были относительно работы стилиста?	«Переживала, что стилист подберет образы, не соответствующие моему внутреннему образу и внешнему дополнению»

Окончание табл. 5

Вопрос	Ответ
Соответствуют ли Ваши ожидания работе, которую проделал стилист?	«Да, он подобрал мне хороший базовый гардероб и дал советы на будущее»
Порекомендовали ли бы Вы обратиться к данному стилисту?	«Да, обязательно бы порекомендовала»

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Таблица 6. Глубинное интервью с Любовью из второго сегмента целевой аудитории (35 лет)

Table 6. In-depth interview with Lubov from the second segment of the target audience (35 years old)

Вопрос	Ответ
В какой момент Вы приняли решение обратиться к стилисту?	«Когда стала понимать, что мой гардероб уже неактуален, но при этом я самостоятельно была уже не способна понять, что в тренде, а что нет, что мне идет, а что нет»
Какие ожидания были от работы стилиста?	«Облегчит мои сборы куда-либо, что перестану нервничать и опаздывать из-за сборов. Хотелось хоть немного развить и самостоятельное видение»
Какие действия Вы предпринимали раньше, чтобы решить проблему?	«Раньше всегда просто шла и покупала то, что нравится, не продумывала даже, впишется в гардероб или нет, какого-то организованного подхода не было»
Какие страхи были относительно работы стилиста?	«Переживала, что не понравятся современные тренды, будут разные взгляды, не понравится человек»
Соответствуют ли Ваши ожидания работе, которую проделал стилист?	«Ожидания оправдались на 100 %, работа даже превзошла ожидания, время сборов сократилось в два раза буквально. Такую хорошую насмотренность невозможно развить самостоятельно, стилист с этим очень помог. Мое самоощущение улучшилось, несу себя в мир с улыбкой, чувствую себя красивой. Помощь колоссальная»
Порекомендовали ли бы Вы обратиться к данному стилисту?	«Однозначно да, столько плюсов! Не пожалеете ни на секунду. Я раньше даже не представляла, что такие вещи можно сочетать, а главное, что они мне так идут»

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Подводя итог, важно отметить, что развитие личного бренда для стилиста необходимо, ведь повышение уровня популярности обеспечивает новых клиентов и увеличение уровня лояльности. Также немаловажен тот факт, что сегодня услуги стилиста пользуются очень большим спросом, что можно увидеть через сервисы по поиску работы, запросы и статистические данные. Значит, работа в сфере пресонального стайлинга и продвижение личного бренда в этой сфере являются перспективными.

В качестве площадки для продвижения необходимо выбирать хорошо развивающийся мессенджер, в данном случае Telegram, где с каждым годом растет число активных пользователей. По сути, Telegram стал интернетом в интернете, где каждый пользователь подписывается на каналы по интересам, тем самым формируя личную новостную ленту или свой личный интернет.

Важнейшим фактором для успешного формирования личного бренда также является качественный выбор форматов коммуникации для определения проблем, болей и ценностей потенциальных клиентов. Опираясь на эти пункты, получится создать качественную площадку для развития личного бренда и привлечения клиентов [Ахмаева, Еремеева, 2024].

Результаты исследования подтвердили гипотезу – самозанятый специалист (в частности, стилист) может эффективно продвигаться в Telegram, что нам показали результат проведенного опроса подписчиков канала персонального стилиста, а также анализ глубинных интервью. Был сделан вывод, что в мессенджере Telegram действительно находится целевая аудитория, которая готова приобретать услуги фрилансера, в данном случае персонального стилиста. Следует отметить также и то, что в ходе исследования было подтверждено: мессенджер пользуется популярностью,

количество пользователей достигло на конец 2024 г. 950 млн чел., а сам он занял 8-е место среди социальных сетей мира. Этот факт говорит о том, что продвигать услуги фрилансерам в Telegram обосновано и эффективно.

Важно отметить: продвижение в мессенджере Telegram также эффективно и для фрилансеров

в других профессиях, таких как визажисты, графические дизайнеры, SMM-специалисты (англ. social media marketing – маркетинг в социальных сетях), художники, музыканты, и в целом для любой предлагаемой и приобретаемой в цифровой среде услуги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аржанова К.А. Социально-психологический подход к определению персонального имиджа политического лидера. Вестник университета. 2015;2:276–278.

Аржанова К.А., Еремеева А.И. Продвижение брендов при помощи интернет-рекламы: актуальные инструменты. Цифровая социология. 2024;1(7):32–40. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-1-32-40>

Ахмаева Л.Г. Приемы работы блогеров с мужской целевой аудиторией на примере российского блогера Дмитрия «Гоблина» Пучкова. Вестник университета. 2020;8:155–161. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-155-161>

Ахмаева Л.Г., Еремеева А.И. Продвижение товаров и услуг в цифровой среде: аналитика, решения, кейсы: монография. М.: Русайнс; 2024. 222 с.

Бабкина К.А. Как и зачем развивать персональный бренд. Бизнес и дизайн ревю. 2023;2(30).

Баканова В.В. Личный бренд: онлайн-технологии продвижения личного бренда. В кн.: Медиа-сфера: тенденции и перспективы развития: материалы IV научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2 марта 2017 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 2017. С. 85–87.

Дмитриева Л.И. Формирование и развитие личного бренда. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет; 2022. 92 с.

Корнилов Д.А., Зайцев Д.А. Оценка оборотов рекламы в русскоязычных телеграм-каналах. Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки; 2022;1(65):28–35. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_28

Кушков Е.А. Блог как инструмент продвижения личного бренда для бизнеса. Горизонты экономики. 2019;2(48):35–41.

Сулаберидзе М.В., Будрин А.Г. Модель формирования стратегических альтернатив для личных брендов в индустрии красоты. E-Scio. 2020;10(49).

REFERENCES

Akhmaeva L.G. Techniques for bloggers working with a male target audience on the example of Russian blogger Dmitry “Goblin” Puchkov. Vestnik universiteta. 2020;8:155–161. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-155-161>

Akhmaeva L.G., Ereemeeva A.I. Promotion of goods and services in the digital environment: analytics, solutions, cases: monograph. Moscow: RuScience; 2024. 222 p. (In Russian).

Arzhanova K.A. Socio-psychological approach to the definition of personal image of a political leader. Vestnik universiteta. 2015;2:276–278. (In Russian).

Arzhanova K.A., Ereemeeva A.I. Brand promotion through online advertising: current tools. Digital Sociology. 2024;1(7):32–40. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-1-32-40>

Babkina K.A. How and why to develop your personal brand. Business and Design Review. 2023;2(30). (In Russian).

Bakanova V.V. Personal brand: online technologies for personal brand promotion. In: Media sphere: trends and prospects of development: Proceedings of the IV Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 2, 2017. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Economics; 2017. Pp. 85–87. (In Russian).

Dmitrieva L.I. Formation and development of personal brand. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University; 2022. 92 p. (In Russian).

Kornilov D.A., Zaitsev D.A. Evaluation of advertising turnover in Russian telegram channels. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2022;1(65):28–35. (In Russian). https://doi.org/10.52452/18115942_2022_1_28

Kushkov E.A. Blog as a business tool of promotion of a personal brand. Horizons of economics. 2019;2(48):35–41. (In Russian).

Sulaberidze M.V., Budrin A.G. Model for the formation of strategic alternatives for personal brands in the beauty industry. E-Scio. 2020;10(49). (In Russian).

Формы финансового мошенничества в современном мире

УДК 316.42

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-55-64

Получено 09.04.2025

Доработано после рецензирования 01.07.2025

Принято 02.07.2025

Рахмеева Ирина Игоревна

Д-р экон. наук, зав. каф. экономической теории
и прикладной социологии

ORCID: 0000-0003-1431-7976

E-mail: rahmееva_ii@usue.ru

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия

Попкова Светлана Викторовна

Студент

ORCID: 0009-0009-6994-2243

E-mail: popkova2016@bk.ru

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ

Вследствие высокоразвитых современных информационных систем и технологий участились случаи мошенничества и появляются новые схемы обмана. Целью исследования является описание феномена финансового мошенничества в современном цифровом мире и поведения граждан, подвергающихся попыткам мошеннического обмана, для последующей разработки рекомендаций по борьбе с ним. Основным методом исследования выступал социологический опрос. Базой выступили слушатели экономического университета как социальная группа, отличающаяся более высоким уровнем финансовой и цифровой грамотности. По итогам опроса сделан вывод о том, что телефонные звонки являются наиболее распространенной формой мошенничества. Финансово грамотное население критически относится к звонкам с незнакомых номеров и информации, которую

сообщает оппонент. С другой стороны, уверенность в том, что грамотный человек не станет жертвой мошенников, снижает потребность в знаниях о действиях после хищения средств. Сделаны рекомендации, что гражданам следует внимательнее и критичнее относиться к подозрительной информации и призывам совершить какие-либо действия в интернет пространстве или по телефону; со стороны государства необходимо организовать информирование граждан о формах мошенничества, обеспечить большую выявляемость преступлений и защиту активов россиян и организаций; в свою очередь, фирмам следует повышать безопасность своих информационных порталов, информировать клиентов о возможных действиях мошенников и методах защиты их персональных данных.

Ключевые слова

Финансовое мошенничество, социология мошенничества, формы мошенничества, киберпреступность, цифровое мошенничество, мошенничество в цифровой среде, финансовая грамотность, цифровые компетенции, информационное пространство

Благодарности. Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы «Региональная идентичность финансовой культуры населения, развитие навыков принятия финансово грамотных решений населением муниципальных образований Свердловской области» 2024 г., регистрационный номер 124082100046-0. Отчет в открытом доступе не публикуется.

Для цитирования

Рахмеева И.И., Попкова С.В. Формы финансового мошенничества в современном мире // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 55–64.

© Рахмеева И.И., Попкова С.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная
(<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Forms of financial fraud in the modern world

Received 09.04.2025

Revised 01.07.2025

Accepted 02.07.2025

Irina I. Rakhmееva

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economic Theory and Applied Sociology Department

ORCID: 0000-0003-1431-7976

E-mail: rahmееva_ii@usue.ru

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Svetlana V. Popkova

Student

ORCID: 0009-0009-6994-2243

E-mail: popkova2016@bk.ru

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

ABSTRACT

As a result of highly developed modern information systems and technologies, cases of fraud have become more frequent and new schemes of fraud appear. The purpose of this study is to describe the phenomenon of financial fraud in the modern digital world and behaviour of citizens who are subjected to fraudulent deception attempts for the subsequent development of recommendations to combat it. The main research method is a sociological survey. The base is made of students from the economic university as a social group with a higher level of financial and digital literacy. The survey concluded that phone calls are the most common form of fraud. Financially literate people are critical of calls from unfamiliar numbers and

information that the opponent reports. On the other hand, the confidence that a competent person will not become a victim of fraud reduces the need for knowledge about actions after the theft of funds. Recommendations are made that citizens should be more attentive and critical of suspicious information and calls to perform any actions in the Internet space or by phone; the state should inform citizens about forms of fraud, ensure greater detection of crimes and protection of assets of the Russians and organisations; in turn, firms should intensively protect their information portals, inform customers about possible actions of fraudsters and methods for protecting their personal data.

Keywords

Financial fraud, sociology of fraud, forms of fraud, cybercrime, digital fraud, fraud in digital environment, financial literacy, digital competencies, information space

Acknowledgements. The article has been prepared within the framework of the research “Regional identity of the financial culture of the population, development of financially sound decision-making skills by the population of municipalities of the Sverdlovsk region”, 2024, the registration number is 124082100046-0. The report has not been published in the public domain.

For citation

Rakhmееva I.I., Popkova S.V. (2025) Forms of financial fraud in the modern world. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 55–64. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-55-64

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Современная жизнь сосредоточена вокруг цифровых технологий. Благодаря научно-техническому прогрессу существование человека стало легче за счет новых, постоянно появляющихся цифровых систем, роботов, упрощенной, многообразной и очень удобной платежной системы. Несмотря на все преимущества такого удобства и мобильности, есть и серьезные недостатки. Главной проблемой высокоразвитых технологий в современном мире является постоянное усовершенствование новых схем мошенничества. Последние два-три года тема мошенничества особо актуальна, так как преступники ежедневно разрабатывают новые схемы обмана, на которые попадают не только пожилые люди и люди с невысокой финансовой грамотностью, но и высокообразованное население. Несмотря на большие усилия со стороны государства и банковских структур по мониторингу финансовых операций и предотвращению незаконных действий [Близкий, Будаева, Долгушкина, Гулуа, 2023], особо остро стоит проблема выявления мошенников и возмещения понесенного ущерба. Для разработки эффективных мер по снижению как уровня мошенничества в финансовой сфере, так и последствий действий мошенников важно учитывать не только технические способы осуществления правонарушений, но и поведенческие реакции отдельных категорий населения на разные способы воздействия.

Целью исследования является описание феномена финансового мошенничества в современном цифровом мире и поведения граждан, подвергающихся попыткам мошеннического обмана, для последующей разработки рекомендаций по борьбе с ним на основе полученных результатов социологического опроса. Задачи работы включали выявление современных форм мошенничества, частоты столкновения с ними, поведения респондентов в таких ситуациях.

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ / REVIEW OF CURRENT RESEARCH

Вопросы финансового мошенничества исследуются представителями разных наук. Мошенничество в современном мире – это распространенное и постоянно эволюционирующее явление, адаптирующееся к технологическому прогрессу и меняющимся социальным условиям. Его масштабы огромны, они наносят значительный экономический и социальный ущерб. Если экономистов интересуют вопросы направлений и финансовых

последствий такого мошенничества, а юристов – организации ответственности за них, то социологи уделяют свое внимание социальному поведению злоумышленников и жертв. Наша работа сосредоточена на гражданах, подвергавшихся попыткам финансового мошенничества в свой адрес, поэтому рассмотрим более подробно некоторые результаты социологических исследований этой проблематики последних лет.

В целом научные труды по обозначенной проблеме можно разделить на несколько групп: исследование подверженности населения разным формам мошенничества (А.Ю. Сергеев, О.В. Широкова, Л.А. Бураева), влияние финансовой грамотности или цифровых компетенций (П.Ш. Шихгафизов, Е.В. Конищева, С.А. Котляров, М.В. Клейменов), поколенческих факторов на поведение жертв злоумышленников (Т.А. Аймалетдинов, М.В. Цимбал, В.В. Лысенко). Представленные авторы раскрывают тему в областях корпоративного мошенничества, киберпреступности, телефонного мошенничества, мошенничества на рынках и т.д.

Одной из главных проблем общества в современном мире является финансовая безграмотность. «Финансовая грамотность без понимания сути развития цифрового общества не дает возможности эффективно ставить и решать многие задачи» [Сергеев, Широкова, 2023, с. 61]. Стоит отметить, что знание осуществления финансовых операций и понимание экономических процессов дают человеку представление о реальном устройстве мира финансовой и банковской систем. Поэтому финансово грамотные люди с большей вероятностью могут распознать обман и знают, как предотвратить преступные действия оппонента.

Мошенничеством называется хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [Клейменов, 2023]. В современном мире формы финансового мошенничества становятся все более разнообразными и сложными благодаря развитию технологий и глобализации финансовых рынков. Вопрос его популяризации в современном мире интересует каждого добропорядочного гражданина, столкнувшегося хоть раз с противоправными действиями хищения личной информации или денежных средств. В своих исследованиях А.Ж. Койчиев подробно рассматривает черты, свойственные преступнику, осуществляющему кражу личной информации и денежных средств путем обмана через интернет. Исследования автора наводят на мысль о том, что для осуществления мошеннических действий в интернете злоумышленник должен обладать глубокими специальными знаниями

информационных и программных систем, поэтому чаще всего на такого рода преступления идут мужчины молодого возраста, имеющие высшее образование, семью, постоянное место работы и стабильный доход [Койчиев, 2021]. Также автор отмечает, что, несмотря на образованность, личность преступника отличается от добропорядочного гражданина системой ценностей, привитой ему обществом [Койчиев, 2020].

По данным телекоммуникационного ресурса ТАСС, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2024 г. достигли рекордного максимума от общего числа преступлений с 2020 г., а именно 40 % от общего числа зарегистрированных в Российской Федерации (далее – РФ)¹. За 12 месяцев 2024 г. в стране было зарегистрировано 765,4 тыс. киберпреступлений, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период 2023 г. По данным Министерства внутренних дел (далее – МВД), в 2024 г. четыре преступления из 5 (84,8 %) были совершены с использованием интернета. Всего зарегистрировано 649,1 тыс. таких преступлений. Это на 23 % больше, чем годом ранее. Также в прошлом году выросло число киберпреступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи. Если в 2023 г. их было зарегистрировано почти 303 тыс., то в 2024 г. это число увеличилось на 14,3 % и составило 346 тыс. При этом глава МВД РФ В.А. Колокольцев указывает, что «пострадавшими от незаконных действий в цифровой сфере становятся физические и юридические лица, в том числе государственные структуры. Киберпреступления наносят существенный вред экономике и имущественным правам граждан. МВД рекомендует прекращать разговор по телефону, если собеседник предлагает снять деньги и передать их для внесения на безопасный счет, поскольку так ведут себя только мошенники»². Также сигналом мошенничества служит просьба сообщить код доступа, поступивший в СМС (англ. short message service – служба коротких сообщений), при этом не только для банка, но и для доступа к личному кабинету на Едином портале государственных услуг или других сервисах.

Злоумышленники осуществляют преступные действия не только в отношении физических лиц, также их злодеяниям могут подвергнуться и фирмы. Любые из них приводят к большим финансовым потерям, которые негативно сказываются на бюджете домохозяйств и порождают убытки

в организациях. Иногда случается так, что проворачивать мошеннические действия могут сотрудники компании, в которой они работают. «В среднем 1 из 1 000 сотрудников обманывает свою организацию, в результате чего от мошеннических действий в России пропадает ежегодно более 2 трлн руб» [Пономарчук, 2020, с. 163]. По этой причине многие работодатели очень ответственно относятся к предполагаемым сотрудникам организации при приеме на работу и интересуются их рекомендациями с предыдущих мест работы.

По мнению А.Ж. Койчиева, большинство мошеннических действий происходит через всемирную сеть – интернет. С автором нельзя не согласиться, так как действительно благодаря тому, что фирмы и физические лица обязаны часть персональной информации размещать на интернет-ресурсах, преступники могут легко взломать порталы и похитить личные данные организации и ее клиентов. Наряду с киберпреступностью очень распространено телефонное мошенничество, также мошенников можно встретить при покупке или аренде жилья и на многих других рынках. Поэтому правоохранительные органы рекомендуют критически относиться к объявлениям на рынках купли-продажи, изучать продавцов и покупателей товаров и имущества.

Возникновение различных чрезвычайных ситуаций и нестабильность в обществе способствуют активизации действий киберпреступников [Бураева, 2020]. Они используют сложившуюся ситуацию как новую схему своего обмана и хищения. В большинстве случаев мошенники представляются сотрудниками правоохранительных органов, органов государственной власти, здравоохранения и т.д. с просьбой перейти по отправленной ими ссылке или продиктовать полученный код. Социальное благополучие является одним из ключевых факторов, влияющих на развитие киберпреступности в обществе. Как отмечают П.Ш. Шихгафизов, Е.В. Конищева, С.А. Котляров, «социальное благополучие неразрывно связано с качеством жизни, позволяет оценить успешность усилий по его повышению» [Шихгафизов, Конищева, Котляров, 2023, с. 63]. Чем выше социальное благополучие, тем меньше у населения соблазна заниматься мошенничеством, так как человек, который имеет свободный доступ к медицинской помощи, чувствует себя в безопасности, может беспрепятственно перемещаться по местности, имеет доступ к культурным ценностям и достаточный объем средств на все жизненно необходимые блага, с меньшей вероятностью будет заниматься преступной деятельностью.

¹ Коньков С. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет». Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/22978955> (дата обращения: 07.04.2025).

² Там же.

Обзор научной литературы и публикаций правоохранительных органов позволил систематизировать основные формы мошенничества по сферам и технологиям (рис. 1), объединив их в группы.

Достаточно новыми видами мошенничества являются киберпреступления, основанные на технологических способах, например фишинг (поддельные электронные письма, сайты для доступа к конфиденциальной информации). С появлением новых электронных денег, получивших название «криптовалюта», пришло мошенничество с криптовалютой. Злоумышленники используют схемы Понци, фальшивых ICO (англ. initial coin offering – первичное размещение токенов) и других методов для обмана инвесторов в криптовалюту. Также успешно развиваются схемы мошенничества с внедрением вредоносного программного обеспечения (далее – ПО). Такие программы поражают устройства методом распространения вирусов и программ-вымогателей, которые блокируют доступ к компьютеру или данным и требуют выкуп за их разблокировку. Мошенничество в социальных сетях продолжает набирать свою популярность. Злоумышленники создают фальшивые профили, взламывают аккаунты и распространяют мошеннические предложения через социальные сети.

Традиционно сохраняется мошенничество на рынках недвижимости и финансов, где совершаются наиболее крупные сделки. Активно применяются способы мошенничества с использованием социальной инженерии, смещаясь

от живого контакта к телефонным средствам коммуникации (фишинг – телефонные звонки с целью выудить конфиденциальную информацию, такую как пароли, номера кредитных карт и банковские данные), а также к применению искусственного интеллекта (далее – ИИ). Преступники активно внедряют такие технологии, как SIM-свопинг (англ. subscriber identification module – модуль идентификации абонента) – перенос номера телефона жертвы на SIM-карту мошенника для получения доступа к банковским счетам и другой личной информации, скимминг – использование устройств для считывания данных с кредитных карт в банкоматах или POS-терминалах (англ. point of sale – точка продажи). Таким образом, технологии позволяют мошенникам легко и быстро похищать чужие данные и проводить финансовые махинации максимально незаметно для жертвы.

Анализ научных исследований по вопросам поведения жертв мошенников показывает, что их податливость обусловлена рядом следующих психологических и социальных факторов [Игнатова, 2024; Зотина, 2023; Беркович, Матрешина, Павлова, 2024].

Первый фактор – недостаток знаний в финансовой сфере. Жертвы, не обладающие достаточными знаниями о современных методах мошенничества, о финансовых процессах и технологиях, не способны распознать мошеннические действия.

Второй фактор – доверчивость и наивность отдельных социальных групп, в первую очередь детей и людей пожилого возраста.

Мошенничество с использованием социальной инженерии	Инвестиционное мошенничество	Мошенничество в сфере недвижимости, страхования	Кибермошенничество
Претекстинг (ложные сценарии с целью убедить раскрыть личную информацию или перевести деньги). Вишинг (телефонные звонки с целью выманить конфиденциальную информацию). Уличное мошенничество. Подставные лица. Нетрадиционные услуги (магия и пр.)	Пирамидальные схемы (обещание высоких доходов от инвестиций, но выплаты за счет средств новых участников). Мошенничество с криптовалютами (несуществующие или мошеннические криптовалютные проекты)	Поддельные арендные объявления для получения предоплаты. Мошенничество с кредитами, ипотекой (получение по поддельным документам). Поддельные страховые полисы (несуществующие). Мошенничество со страховыми выплатами (ложные страховые иски)	Вредоносное ПО (вирусы и троянские программы для кражи финансовой информации). Мошенничество с онлайн-покупками (фальшивые интернет-магазины). Фишинг (поддельные электронные письма, сайты для доступа к конфиденциальной информации)

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 1. Систематизация форм финансового мошенничества

Fig. 1. Systematisation of forms of financial fraud

Эти же социальные группы, а также женскую часть населения и людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, отличает подверженность третьему фактору – эмоциональной уязвимости.

Мошенники также стремятся найти социально изолированную жертву, не склонную обсуждать свои финансовые решения с другими или не имеющую возможность это сделать.

Интернет и цифровые технологии предоставляют мошенникам новые возможности для совершения преступлений. Интернет и криптовалюты позволяют злоумышленникам оставаться анонимными. Нередко личности такого рода мошенников установить не удастся из-за возможности маскировки IP-адреса (англ. internet protocol address – уникальный номер устройства) персонального устройства преступника и возможности скрыться в пространстве интернета. По мнению В.В. Лысенко, цифровизация играет большую роль в развитии информационных технологий, что, соответственно, способствует легкой доступности информации для злоумышленников [Лысенко, 2024]. Современные преступники могут действовать из любой точки мира. Также стоит отметить слабую сторону правового регулирования и правоохранительной деятельности касательно цифровой информации. В некоторых случаях правоохранительные органы не способны эффективно бороться с мошенниками. Такие условия позволяют мошенникам успешно осуществлять преступные действия и оказываться не причастными к совершению преступления. Борьба с мошенничеством – сложная задача, требующая комплексного подхода, включающего в себя как технологические, так и правовые и образовательные меры. Постоянная бдительность и осведомленность являются ключевыми элементами защиты от преступников.

МЕТОДЫ И БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ / METHODS AND RESEARCH BASE

Коллективом социологической лаборатории Уральского государственного экономического университета в июне 2024 г. был проведен социологический опрос жителей Свердловской области по теме финансового мошенничества в рамках научно-исследовательского проекта по изучению финансовой культуры и навыков принятия финансово грамотных решений (регистрационный номер научно-исследовательского и опытно-конструкторского проекта 124082100046-0).

Целевой аудиторией стали обучающиеся экономического университета (слушатели программ бакалавриата и магистратуры) как социальная

группа, отличающаяся более высоким уровнем (относительно среднего уровня) финансовой и цифровой грамотностью.

В опросе приняли участие 184 чел. – мужчины и женщины в возрасте от 18 до 45 лет. Большинство опрошенных были с неполным высшим образованием – 42 %, с полным высшим образованием – 24 %, со средним специальным – 18 %. 51 % опрошенных были бездетными, почти 17 % имели двух детей, 16 % – трех и более, у 15 % один ребенок в семье. Треть респондентов в данное время нигде не работает, 14 % заняты в сфере торговли, 12 % – в сфере образования, более 6 % – в промышленности, 6 % – в финансовом секторе. Учитывая специфику изучаемой социальной группы, отметим, что она характеризуется невысоким уровнем доходов: так, 25 % опрошенных получали месячный доход до 20 тыс. руб., 38 % – в диапазоне 31–65 тыс. руб., чуть более 20 % респондентов зарабатывали более 66 тыс. руб. в месяц. При этом 22 % опрошенных проходили специализированные курсы по повышению финансовой грамотности.

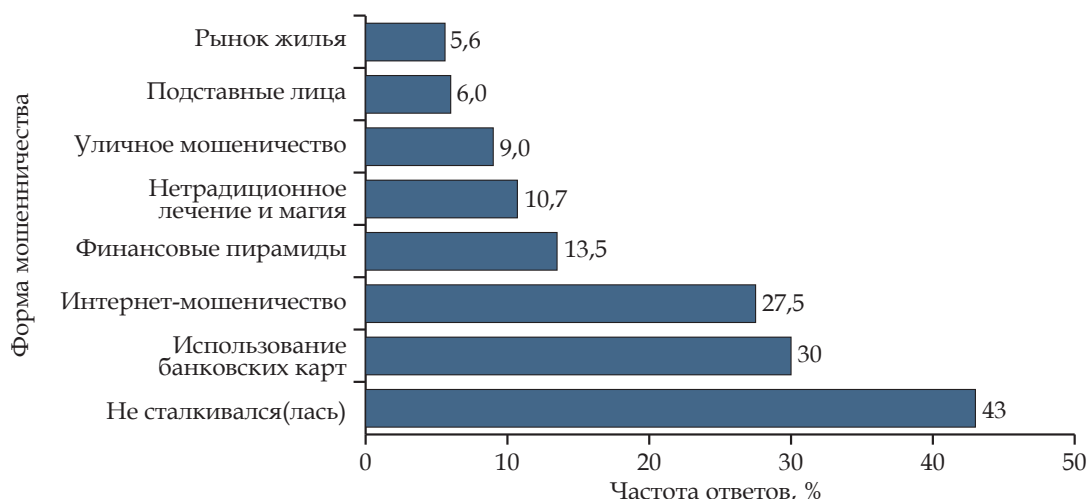
Анкетный вопрос был направлен на изучение форм мошенничества, с которыми сталкивались граждане, а также их поведения в ситуации наиболее распространенного вида мошенничества – по телефону.

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА/ RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL SURVEY

Одной из ключевых задач исследования было выявление спектра современных форм мошенничества. Результаты ответа на вопрос «С какими формами финансового мошенничества Вы сталкивались?», за исключением телефонных звонков, представлены на рис. 2.

Почти 43 % не сталкивались с финансовым мошенничеством или не помнят этого. Почти 30 % сталкивались с мошенничеством с использованием банковских карт; 27,5 % – с интернет-мошенничеством (лотерея, предложение работы и пр.); 13,5 % – с финансовыми пирамидами; 10,7 % – в сфере нетрадиционного лечения и магии, а также в сфере почтового и рекламного мошенничества; 9 % – с уличным мошенничеством; 6 % – с подставными лицами; 5,6 % – на рынке жилья.

Телефонные звонки остаются одной из самых распространенных форм мошенничества в современном мире. Так, 81 % респондентов сталкивались с ними, 13 % затруднились ответить на этот вопрос, будучи неуверенными, можно ли признать звонки в их адрес с неизвестных номеров мошенническими. Чуть больше трети

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «С какими формами финансового мошенничества Вы сталкивались?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question "What forms of financial fraud did you encounter?"

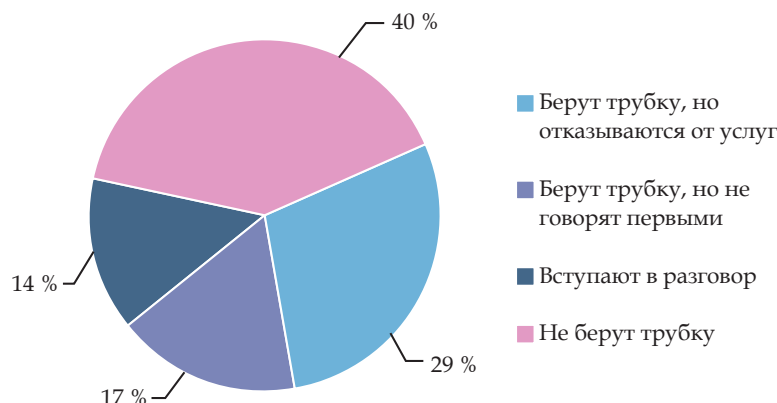
опрошенных сказали, что им звонили часто (один-два раза почти каждую неделю), 19,3 % – нечасто (один-два раза в месяц), 14,4 % – реже среднего (один-два звонка в полгода). Лишь 10,5 % респондентов звонили редко (пару раз в год).

Реакция на звонок от неизвестного номера представлена на рис. 3. В целом, в силу хорошей осведомленности населения о форме такого мошенничества и основных уловках, подавляющее большинство граждан знают главные правила поведения и способны обезопасить себя от последствий в виде финансовых потерь. Так, больше трети опрошенных не будут брать трубку с неизвестного номера, 29 % берут трубку, но отказываются от любого рода услуг, еще 17 % берут трубку, но не говорят первыми и 14 % берут трубку, но тщательно подбирают слова в разговоре.

Если все же респондент переведет деньги мошенникам, то 46 % опрошенных сообщат об этом

в сам банк или финансовую организацию (далее – ФО), из которой были переведены денежные средства (рис. 4). Треть опрошенных сообщит в полицию. К сожалению, 7,6 % респондентов не знают, куда обратиться, и еще 8,2 % затрудняются ответить. 3,8 % участников опроса вообще считают, что о факте мошенничества сообщит сама ФО, из которой были переведены деньги.

Таким образом, респонденты из числа слушателей экономического вуза осведомлены по вопросам предупреждения мошенничества лучше, чем по шагам, которые необходимо предпринять в случае реального совершения в отношении них противоправных действий с хищением средств. Возможно, такое поведение обусловлено их уверенностью, что они не смогут стать жертвами мошенников, хотя статистика демонстрирует обратное.

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 3. Поведение респондентов при поступлении звонка с неизвестного номера

Fig. 3. Behaviour of respondents when receiving a call from an unknown number

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Рис. 4. Поведение респондентов после перевода средств мошенникам

Fig. 4. Behaviour of respondents after transferring funds to fraudsters

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ / DISCUSSION OF THE RESULTS

Число людей, сталкивающихся с мошенничеством в различных его проявлениях, значительно увеличивается ежегодно. Сравнивая результаты данного исследования с проведенными П.И. Ананчевой, И.А. Тюриным, К.К. Макаровой, Т.А. Аймалетдиновым, М.В. Цимбал опросами за 2021–2024 гг., в которых основной категорией граждан стали пожилые люди [Ананчева, Тюрин, Макарова, 2024; Аймалетдинов, Цимбал, 2024], отметим, что, в отличие от данной работы, сосредоточившей внимание на людях молодого возраста, можно сказать, что пенсионеры больше склонны подвергаться схемам мошенников, чем молодое поколение в силу большего доверия к окружающим и сопереживанию чужим проблемам, меньшей финансовой и цифровой грамотности.

Результаты исследования П.Ш. Шихгафизова, Е.В. Конищевой, С.А. Котлярова наводят на вывод о том, что уровень цифровой и финансовой грамотности влияет на качество современной жизни. Как показывает опыт, финансово грамотные люди с трудом поддаются схемам мошенников или вовсе не попадают на них, так как склонны подвергать сомнению информацию от незнакомых людей. Это подтверждает и данное исследование, в центре которого были потенциально более грамотные граждане, обучающиеся в экономическом университете, где они получают базовые знания по финансовым вопросам, а каждый пятый прошел курсы по финансовой грамотности.

На основе проведенного социального опроса на тему мошенничества можно заключить, что значительная часть опрошенных сталкивалась с различными формами мошенничества, но телефонные звонки на современном этапе являются

самой распространенной формой коммуникации злоумышленников с жертвами. Результаты проведенного нами исследования показали, что подавляющая часть респондентов сталкивалась со звонками злоумышленников, при этом многие из них подвергаются регулярным попыткам такого рода мошенничества. Меньше половины опрошенных не берут трубку, если звонят с неизвестного номера, другая же часть населения предпочитает вступать в разговор с незнакомыми, но быть осторожными. Вместе с тем схемы мошенников адаптируются под потенциальных жертв, они используют поддельные аккаунты знакомых и коллег жертвы, генерируют с помощью ИИ их голоса, звонят под видом представителей государственных служб, финансовых организаций или магазинов, куда недавно обращался гражданин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Подводя итоги, стоит сказать, что борьба с мошенничеством должна стать всеобщей общественной целью. Гражданам стоит внимательнее относиться к незнакомым звонкам, не выполнять никаких действий по просьбе оппонента, звонящего по телефону, проявлять осторожность в интернете, а также своевременно сообщать в правоохранительные органы о попытках мошенничества.

Государство занимается разработкой мер по защите населения от мошеннических действий. Развитие современных технологий позволило разработать новую услугу от приобретения нежелательных займов. Для того чтобы защитить свое финансовое положение от нежелательного кредита, оформленного мошенниками на имя жертвы, можно воспользоваться функцией, которую предлагает портал «Госуслуги», и установить

самозапрет на получение кредита. Благодаря такой операции злоумышленники не смогут оформить его на имя жертвы до тех пор, пока пользователь не отменит самозапрет самостоятельно путем личного обращения. В противном случае личность преступников будет раскрыта и злоумышленники понесут ответственность.

Для того чтобы побороть мошенническую деятельность, необходимо вводить определенный комплекс мер по борьбе с мошенничеством. Повышение финансовой грамотности населения и введение просветительской деятельности о мошеннических действиях помогут снизить вероятность того, что столкнувшийся с мошенничеством человек поддастся на провокацию, передаст персональные данные и иную критически значимую информацию. Правовое регулирование и усиление контроля за деятельностью в интернете, разработка правомерных и неправомерных действий и предусмотренные за неправомерные деяния в интернет-пространстве меры наказания смогут минимизировать киберпреступность.

Чтобы не попасться на мошеннические уловки, каждому необходимо помнить о методах защиты от схем злоумышленников. Существуют следующие рекомендации для граждан: относиться к незнакомой информации бдительно и скептически (не доверять той, что является слишком хорошей, чтобы быть правдой); не делиться личной информацией (не сообщать пароли, номера кредитных карт и другую конфиденциальную информацию по телефону, электронной почте или в социальных сетях); проверять информацию (убедиться, что имеете дело с законной организацией, прежде

чем предоставлять какие-либо данные или совершать платежи); использовать надежные пароли и антивирусное ПО; защищать свои устройства от вредоносного ПО; сообщать о мошенничестве в правоохранительные органы.

Фирмы тоже могут свести к минимуму вероятность похищения их конфиденциальной информации путем более надежной защиты своих информационных порталов и информированием клиентов с помощью разработанной инструкции с действиями в случае столкновения с мошенничеством. Также фирмам следует внимательно относиться к сотрудникам и следить за тем, чтобы в компании не появился мошенник, который бы действовал недобросовестно в отношении работодателя или клиентов компании.

Повышению финансовой грамотности населения могут поспособствовать курсы по обучению финансовой грамотности, на которых людям дают знания и навыки, необходимые для эффективного управления своими финансами. Они помогают принимать обоснованные финансовые решения, избегать долгов и достигать финансовых целей. В современном мире, где финансовые продукты и услуги становятся все более сложными, финансовая грамотность является необходимым навыком для каждого человека. Она помогает принимать взвешенные решения, достигать финансового благополучия и жить более комфортной жизнью. Необходимо помнить о том, что мошенничество постоянно эволюционирует, поэтому важно быть в курсе последних тенденций и методов, используемых преступниками, чтобы защитить себя и свои финансы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аймалетдинов Т.А., Цимбал М.В. Восприятие современных технологий старшим поколением: сравнительный анализ. Цифровая социология. 2023;4(6):79–94. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-79-94>
- Ананченко П.И., Тюрин И.А., Макарова К.К. Роль цифровой социализации пожилых людей в защите от телефонного мошенничества. Цифровая социология. 2024;4(7):22–32. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-4-22-32>
- Беркович О.Е., Матрешина Е.Б., Павлова И.И. Социально-психологические причины и способы совершения мошенничества в современном обществе. Российский следователь. 2024;6:46–48. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-6-46-48>
- Близкий Р.С., Будаева Ю.Ж., Долгушкина В.А., Гулуа С.В. Технологии и тренды учета, отчетности и контроля в условиях развития цифровой среды государственного управления. Бухучет в здравоохранении. 2023;4:5–17. <https://doi.org/10.33920/med-17-2304-01>
- Бураева Л.А. О новых методах, используемых киберпреступниками, в условиях пандемии коронавируса. Проблемы экономики и юридической практики. 2020;2(16):308–310.
- Зотина Е.В. Антропология телефонного мошенничества с использованием претекстинга: криминологическое исследование. Мониторинг правоприменения. 2023;2(47):32–38. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2023-2-32-38>
- Игнатова Е.С. Манипуляция эмоциональной безопасностью кибермошенниками с применением технологий социальной инженерии: case-study. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024;3:374–390. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>

Клейменов М.В. Доверие как фактор развития финансовой грамотности населения в эпоху цифровой трансформации. В кн.: Финансовая грамотность: тренды, форматы, стратегические задачи развития: материалы I Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2 ноября 2023 г. Курск: Университетская книга; 2023. С. 43–45.

Койчиев А.Ж. Детерминанты мошенничества в криминологии на примере интернет-сети. Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. 2020;3:200–203. <https://doi.org/10.33514/1694-7851-2020-3-200-203>

Койчиев А.Ж. Особенности аспекта мошенничества в юриспруденции. Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. 2021;S6:81–83.

Лысенко В.В. Цифровизация как интегральная тенденция современности. Цифровая компетенция и финансовая грамотность. В кн.: Финансовая грамотность: тренды, форматы, стратегические задачи развития: материалы II Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15 октября 2024 г. Курск: Университетская книга; 2024. С. 74–76.

Пономарчук, А.В., Ахметова К.А. Корпоративное мошенничество: риски и влияние на экономическую безопасность бизнеса. Аллея науки. 2020;11(50(1):162–164.

Сергеев А.Ю., Широкова О.В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений. Цифровая социология. 2023;1(6):59–71. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-1-59-71>

Шихгафизов П.Ш., Конищева Е.В., Котляров С.А. Влияние цифровой грамотности на субъективное благополучие молодого населения региона. Цифровая социология. 2023;4(6):61–66. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>

REFERENCES

Aimaletdinov T.A., Tsimbal M.V. Perception of modern technologies by the older generation: comparative analysis. Digital Sociology. 2023;4(6):79–94. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-79-94>

Anancheikova P.I., Tyurin I.A., Makarova K.K. Role of digital socialisation of the elderly in protecting against telephone fraud. Digital Sociology. 2024;4(7):22–32. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-4-22-32>

Berkovich O.E., Matreshina E.B., Pavlova I.I. Social and psychological causes and methods of fraud in modern society. Russian Investigator. 2024;6:46–48. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-6-46-48>

Blizkiy R.S., Budaeva Y.Zh., Dolgushkina V.A., Gulua S.V. Technologies and trends of accounting, reporting and control in the conditions of development of the digital environment of public administration. Accounting in Healthcare. 2023;4:5–17. (In Russian). <https://doi.org/10.33920/med-17-2304-01>

Buraeva L.A. On new methods used by cybercriminals in the context of the coronavirus pandemic. Economic problems and legal practice. 2020;2(16):308–310. (In Russian).

Ignatova E.S. Manipulation of emotional security by cybercriminals using social engineering technologies: a case study. Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2024;3:374–390. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-374-390>

Klejmenov M.V. Trust as a factor in the development of financial literacy of the population in the era of digital transformation. In: Financial literacy: trends, formats, strategic development objectives: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, November 2, 2023. Kursk: University Book; 2023. Pp. 43–45. (In Russian).

Koichiev A.Zh. The determinants of criminology fraud on the example of the Internet network. Bulletin of Kyrgyz State University named after I. Arabaev. 2020;3:200–203. (In Russian). <https://doi.org/10.33514/1694-7851-2020-3-200-203>

Koichiev A.Zh. Features of the aspect of fraud in jurisprudence. Proceedings of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. 2021;S6:81–83. (In Russian).

Lysenko V.V. Digitalisation as an integral trend of modernity. Digital competence and financial literacy. In: Financial literacy: trends, formats, strategic development objectives: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, October 15, 2024. Kursk: University Book; 2024. Pp. 74–76. (In Russian).

Ponomarchuk A.V., Akhmetova K.A. Corporate fraud: risks and impact on the economic security of business. Alley science. 2020;11(50(1):162–164. (In Russian).

Sergeyev A.Yu., Shirokova O.V. Fraud in a digital society in the context of social change. Digital Sociology. 2023;1(6):59–71. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-1-59-71>

Shikhgafizov P.Sh., Konischeva E.V., Kotlyarov S.A. Digital literacy impact on the subjective well-being of the region young population. Digital Sociology. 2023;4(6):61–66. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>

Zotina E.V. Anthropology of phone fraud using pretexting: a criminological study. Monitoring of Law Enforcement. 2023;2(47):32–38. (In Russian). <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2023-2-32-38>

Цифровая трансформация социальной сферы Росгвардии: степень проникновения и вызовы на пути развития

УДК 316.354.2, 519.876.5

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-65-76

Получено 04.05.2025

Доработано после рецензирования 16.06.2025

Принято 24.06.2025

Смирнов Андрей Павлович

Адъюнкт

ORCID: 0009-0008-8449-1869

E-mail: 89037347589@mail.ru

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Целями настоящей работы являются комплексный анализ уровня интеграции цифровых технологий в управление социальной сферой Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия), выявление характерных особенностей их применения, а также определение ключевых препятствий, возникающих на пути цифровой трансформации. В работе рассматриваются процессы цифровизации в системе управления данного ведомства с акцентом на оценку эффективности используемых решений и выявление факторов, способствующих успешному внедрению инноваций. Кроме того, исследование направлено на обоснование необходимости более глубокого и всестороннего внедрения цифровых инструментов в социальное управление Росгвардии с учетом основных вызовов и перспектив, связанных с развитием цифровой среды внутри организации. По результатам социологического исследования определена степень проникновения цифровых

технологий в управление социальной сферой Росгвардии, что позволило глубже понять их влияние на эффективность управленческих процессов и выявить преимущества по сравнению с традиционными методами управления. Эмпирические данные, полученные в результате анкетного опроса, предоставили возможность не только рассчитать индекс уровня цифровизации социальной сферы Росгвардии, но и выявить ряд барьеров, препятствующих внедрению современных цифровых решений. Проведенная оценка гибкости, прозрачности и результативности управленческих мер, направленных на цифровую трансформацию, позволила определить проблемные аспекты, сдерживающие более глубокое внедрение цифровых технологий в систему управления социальной сферой ведомства. Это, в свою очередь, открывает перспективы для повышения эффективности функционирования данной системы.

Ключевые слова

Росгвардия, социальная сфера, управление социальной сферой, цифровые технологии, цифровизация, социологическое исследование, барьеры цифровизации, постиндустриальное общество

Для цитирования

Смирнов А.П. Цифровая трансформация социальной сферы Росгвардии: степень проникновения и вызовы на пути развития // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 65–76.

© Смирнов А.П., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Digital transformation of the social sphere of the Rosguardia: degree of penetration and challenges on the path of development

Received 04.05.2025

Revised 16.06.2025

Accepted 24.06.2025

Andrey P. Smirnov

Adjunct

ORCID: 0009-0008-8449-1869

E-mail: 89037347589@mail.ru

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purposes of this article are to comprehensively analyse the level of integration of digital technologies into the management of the social sphere of the Rosguardia, to identify the characteristic features of their application, and to determine the key obstacles that arise on the path of digital transformation. The paper examines digitalisation processes in the management system of this department with an emphasis on assessing the effectiveness of the solutions used and identifying factors that contribute to the successful implementation of innovations. In addition, the article is aimed at substantiating the need for a deeper and more comprehensive implementation of digital tools in the social management of the Rosguardia, considering the main challenges and prospects associated with the development of the digital environment within the organisation. The results of the sociological study have determined the degree

of penetration of the digital technologies into the social sphere management of the Rosguardia, which has allowed for a deeper understanding of their impact on the efficiency of management processes and identification of advantages over traditional management methods. The empirical data obtained as a result of the questionnaire survey have made it possible not only to calculate the index of the digitalisation level of the social sphere of the Rosguardia, but also to identify a number of barriers hindering the implementation of modern digital solutions. The conducted assessment of the flexibility, transparency, and effectiveness of management measures aimed at digital transformation have made it possible to find problematic aspects that hinder a deeper implementation of the digital technologies in the department's social management system. This, in turn, opens prospects for improving the efficiency of this system.

Keywords

Rosguardia, social sphere, social sphere management, digital technologies, digitalisation, sociological research, barriers to digitalisation, post-industrial society

For citation

Smirnov A.P. (2025) Digital transformation of the social sphere of the Rosguardia: degree of penetration and challenges on the path of development. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 65–76. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-65-76

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Постиндустриальное общество с его усилившимся научно-техническим прогрессом, вышедшим в область цифровизации, активно развивается и охватывает все сферы человеческой деятельности, включая различные виды управления [Пелевин, 2020]. В условиях перехода к новым методам управления цифровые технологии как ключевой аспект этого процесса [Рыбакова, Иванова, 2021] проявляются в различных направлениях, в том числе и в социальной сфере, что позволяет оптимизировать взаимодействие между государственными структурами и населением.

Социальная сфера также присутствует и в военных организациях, выступая в роли подсистем социальной сферы общества в целом. В нашем исследовании мы сосредоточимся на социальной составляющей Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардия), уделяя особое внимание вопросам управления в этой области. Специфика социального управления социальной сферой, в отличие от, например, социального управления войсками или системой боевой подготовки, заключается в том, что это управление людьми ради самих же людей и обеспечения их интересов. Ее важность в отношении других сфер деятельности еще и выражается в сохранении профессионального кадрового потенциала учреждения в условиях непростой борьбы за трудовые ресурсы [Кобыляцкий, 2024]. Для государственного сектора вообще и военной организации в частности, из-за наличия бюрократических процедур, финансово-экономические инструменты привлечения (удержания) квалифицированных кадров являются менее мобильными, по сравнению с другими организациями общества и бизнеса. В этой связи военному учреждению следует искать возможности повышения эффективности управления уже имеющихся систем управления за счет применения более современных методов координации и взаимодействия, которые могут быть реализованы, в частности, благодаря использованию цифровых технологий¹.

При этом стоит обратить внимание на то, что когда мы говорим о внедрении новых технологий, то, как правило, их применение прежде всего осуществляется в приоритетных направлениях, которые в первую очередь отражают основной вид деятельности организации [Максимов, 2013].

В нашем случае система управления социальной сферой в Росгвардии также в некотором смысле отодвинута на второй план, поскольку модернизация этой сферы имеет социально отложенный эффект, а использование цифровых технологий в приоритетном порядке осуществляется в различных системах тактического применения (ведения и прогнозирования боя, вопросах вооружения и боеприпасов, средств боевой подготовки и т.п.). В этой связи мы имеем проблемную ситуацию, связанную с тем, что цифровые технологии уже достаточно продолжительное время используются во всех областях общественной деятельности, постепенно переходя в более совершенную форму ее реализации в виде искусственного интеллекта, в то время как управление социальной сферой военной организации остается в тени. В связи с этим актуальность исследования заключается в необходимости изучения влияния цифровых технологий на управление социальной сферой в военных организациях, особенно в контексте сохранения профессионального кадрового потенциала и повышения эффективности управления.

Целями исследования являются определение степени проникновения цифровых технологий в управление социальной сферой в Росгвардии, особенностей их применения, а также выявление потенциальных барьеров при внедрении новых технологий.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что современная цивилизация вступила в новый этап научно-технической революции [Ильянович, 2021]. Технологии оказывают влияние не только на повседневный уклад, но и на формирование мировоззренческих установок. В отечественной научной мысли цифровизация трактуется как процесс инфотехнологических преобразований, сопровождающийся моделированием сложных гибридных инфосоциальных систем, что отражает стремление к интеграции технических и социальных аспектов развития общества [Тихонов, Богданов, 2020]. В условиях постиндустриального общества, переживающего стремительные технологические преобразования, цифровизация выступает одним из ключевых и наиболее обсуждаемых факторов, оказывающих существенное влияние на социальные структуры [Равочкин, 2023]. Этот феномен прочно вошел в повседневную жизнь современного человека, став неотъемлемой частью новой реальности. Большинство научных исследований подчеркивают преимущественно позитивное значение цифровизации, отмечая, что она открывает широкие возможности для коммуникации вне

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1301657597?ysclid=md5to3cieh858062370> (дата обращения: 29.04.2025).

зависимости от территориальных границ и трансформации привычных социальных практик, обеспечивает доступ к необходимой информации с минимальными затратами времени и усилий [Забелина, Майорова, Матвеева, 2020].

Несмотря на многочисленные преимущества, цифровизация также порождает определенные вызовы и трансформации, которые способны нарушить устоявшийся баланс традиционных социальных структур [Frey, Osborne, 2013]. В связи с этим настоящее исследование ставит своей целью восполнить существующие пробелы в понимании процессов цифровой трансформации управления социальной сферой Росгвардии, углубляя теоретические и практические представления в данной области. Содержательно работа посвящена анализу степени интеграции цифровых инструментов в административные процессы ведомства и характера их взаимодействию с устоявшимися коммуникационными практиками. Приоритетное внимание уделено исследованию субъективных установок персонала относительно технологических инноваций, а также идентификации комплекса барьеров, препятствующих их эффективному внедрению. Фундаментальная новизна исследования заключается в первичном комплексном анализе данной проблематики применительно к уникальному контексту гибридной силовой структуры, функционирующей в условиях правового дуализма.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ / METHODOLOGY AND METHODS

Реализация методического замысла осуществлялась с помощью анкетного опроса, который проводился по выборочной совокупности из равного количества военнослужащих и сотрудников Росгвардии, отобранных в разных округах войск национальной гвардии, условно разделенных по географическому принципу на восточную и западную части Российской Федерации. Содержание и конструкция вопросов обеспечили проведение прямого полужакрытого анкетирования, очного и заочного типа контактов.

Основой выбора анкетного опроса генеральной совокупности является численность военнослужащих (сотрудников) от воинского (специального) звания лейтенанта (лейтенанта полиции) до подполковника (подполковника полиции) как наиболее массовой категории. Таким образом, структура выборочной совокупности включает в себя около двух равных частей военнослужащих и сотрудников Росгвардии примерной численностью более 30 тыс. и 50 тыс. чел.

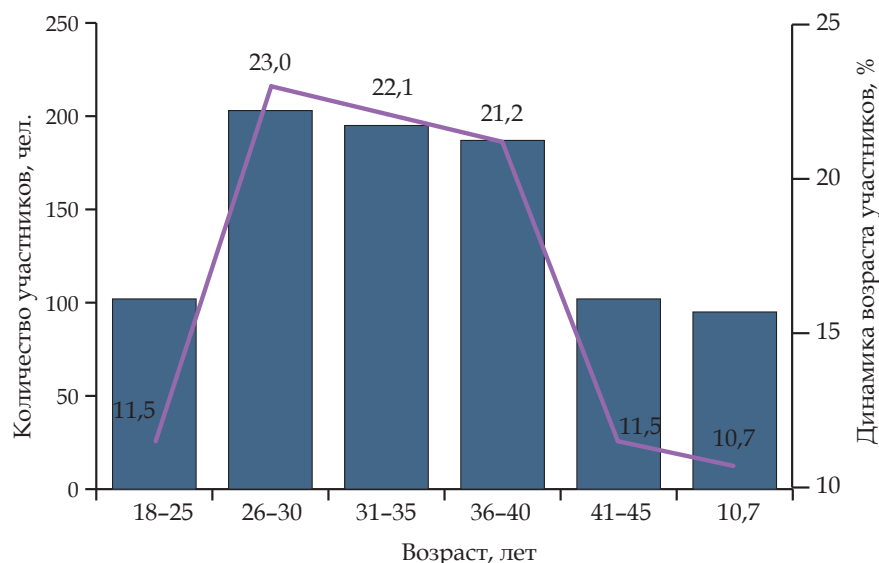
соответственно. Исходя из этих условий, с учетом теории математической статистики, ее минимальный объем при применении метода случайного отбора будет составлять 398 ед. отбора как для военнослужащих, так и для сотрудников Росгвардии [Москвин, 1992].

Расчет объема выборки для военнослужащих Росгвардии исходя из объема генеральной совокупности – $N = 30$ тыс. офицеров, доверительной вероятности ($P = 0,95$), кратности ошибки выборки ($t = 1,96$), предельной ошибки выборки ($\Delta = 5\%$). С учетом определенных уровней репрезентации, по формуле расчета простой бесповторной выборки, выборочная совокупность составила 383 ед. отбора. В отношении сотрудников Росгвардии исходя из объема их генеральной совокупности $N = 50$ тыс. офицеров. По аналогичной формуле расчета выборочная совокупность также составила 383 ед. отбора. Для создания резерва в случае выбраковки инструментария, с учетом возможностей опросной сети при проведении полевого исследования, было принято решение опросить около 450 чел. по каждой выделенной группе. Таким образом, общий объем серийной гнездовой выборки составил 900 респондентов. В итоге анализировались ответы, которые дали 884 чел., 16 анкет были признаны некорректно заполненными. Проведение статистических серий осуществлялось методом основного массива (по схеме простой случайности) до полного насыщения информационного поля.

География исследования охватывает военнослужащих и сотрудников, которые, несмотря на различия в категориях, обладают значительным сходством по ряду характеристик: одинаковыми правами на жилье, едиными требованиями к социальному обеспечению и другим аспектам. В качестве объектов исследования, помимо управлений Северо-Западного и Уральского округов войск национальной гвардии, были выделены 16 воинских частей и соответствующее число региональных территориальных органов Росгвардии, что позволило получить репрезентативные данные для анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ / RESULTS

Приведем результаты социологического исследования, проведенного автором в марте 2025 г. на базе воинских частей войск национальной гвардии и территориальных органов Росгвардии. Основной возрастной диапазон респондентов составил от 26 до 40 лет (66,3 %), что соответствует наиболее трудоспособной и более продуктивной возрастной категории (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Возраст участников анкетирования

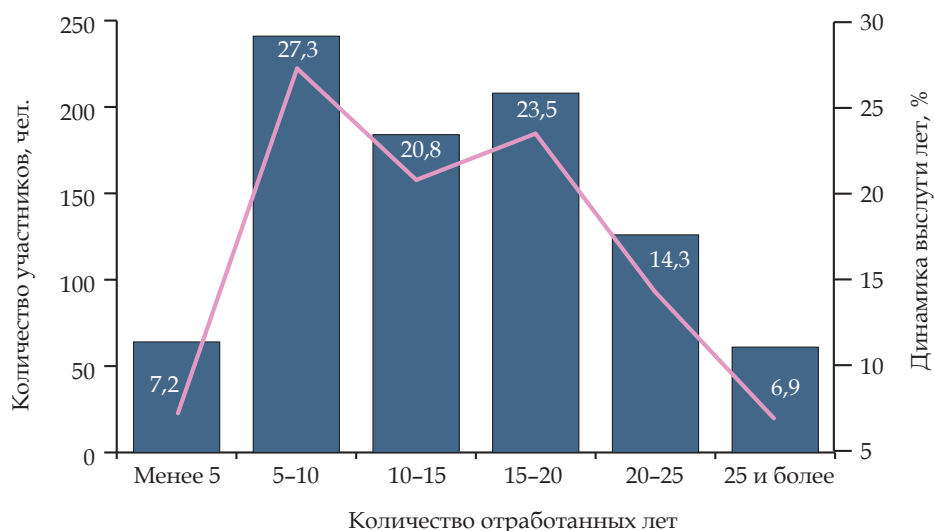
Fig. 1. Age of survey participants

Информация о выслуге лет респондентов демонстрирует тенденцию к снижению с заметными колебаниями между различными периодами службы, что указывает на значительный отток кадров. Такая динамика во многом связана с недостаточной эффективностью работы социальной сферы ведомства (рис. 2).

Для определения качественного состояния социальной сферы Росгвардии и степени интеграции цифровых технологий предлагается использовать индекс уровня цифровизации, рассчитываемый по следующей формуле (1), составленной нами на основе вычисления среднего арифметического значения.

$$I_{\text{ц}} = \frac{I_1 + I_2 + I_3 + I_4 + I_5 + I_6 + I_7 + I_8 + I_9 + I_{10}}{K_i}, \quad (1)$$

где K_i – общее количество индикаторов, характеризующих данный показатель; I_1 – индикатор «частота использования цифровых сервисов Росгвардии»; I_2 – индикатор «удобство решения вопросов удовлетворения социальных потребностей через цифровые сервисы Росгвардии»; I_3 – индикатор «удовлетворенность взаимодействием со специалистами социальной сферы Росгвардии через цифровые сервисы»; I_4 – индикатор «доступность социальных услуг через

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 2. Выслуга лет участников анкетирования

Fig. 2. Length of service of survey participants

цифровые сервисы Росгвардии»; I_5 – индикатор «разнообразие социальных услуг, доступных через цифровые сервисы Росгвардии»; I_6 – индикатор «скорость обработки запросов через цифровые сервисы Росгвардии»; I_7 – индикатор «удовлетворенность эффективностью взаимодействия с цифровыми сервисами Росгвардии по вопросам социального обеспечения»; I_8 – индикатор «уверенность в навыках работы с цифровыми сервисами Росгвардии»; I_9 – индикатор «доступность цифровых сервисов Росгвардии для решения вопросов социального обеспечения»; I_{10} – индикатор «частота сбоев или ошибок при использовании цифровых сервисов Росгвардии».

Приведем данные по результатам ответов на вопрос анкеты «Как часто Вы применяете цифровые сервисы Росгвардии для решения своих вопросов социального обеспечения?» (табл. 1).

На основе эмпирических данных приведем расчет первого индикатора по формуле:

$$I_1 = \frac{I_{1ж} + I_{1м} + I_{1ф} + I_{1к} + I_{1т}}{K_{in}}, \quad (2)$$

где K_{in} – общее количество подиндикаторов по 5 направлениям деятельности социальной сферы Росгвардии; $I_{1ж}$ ($I_{нж}$) – подиндикатор по жилищно-коммунальному обеспечению; $I_{1м}$ ($I_{нм}$) – подиндикатор по медицинскому и санаторно-курортному обеспечению; $I_{1ф}$ ($I_{нф}$) – подиндикатор по физкультурно-оздоровительному обеспечению; $I_{1к}$ ($I_{нк}$) – подиндикатор по культурно-досуговому обеспечению; $I_{1т}$ ($I_{нт}$) – подиндикатор по торгово-бытовому обеспечению.

Расчет $I_{1ж}$ проводится по формуле:

$$I_{1ж} = \frac{P_1 \cdot K_1 + P_2 \cdot K_2 + P_3 \cdot K_3 + P_4 \cdot K_4 + P_5 \cdot K_5}{P_1 + P_2 + P_3 + P_4 + P_5}, \quad (3)$$

где $P_{1...5}$ – количественные показатели ответов респондентов на вопросы анкеты; $K_{1...5}$ – понижающие коэффициенты ($K_1 = 0$, $K_2 = 0,25$, $K_3 = 0,5$, $K_4 = 0,75$, $K_5 = 1$).

Соответственно, $I_{1ж} = 0,228$. Значения подиндикаторов $I_{1м}$, $I_{1ф}$, $I_{1к}$ и $I_{1т}$ вычисляются по аналогичной формуле с $I_{1ж}$, только с учетом подстановки своих количественных показателей и составляют $I_{1м} = 0,227$, $I_{1ф} = 0,209$, $I_{1к} = 0,232$, $I_{1т} = 0,218$. Следовательно, индикатор «частота использования цифровых сервисов Росгвардии» $I_1 = 0,223$.

Проводя расчет остальных 9 индикаторов по вышеописанному алгоритму, используя аналогичные формулы (2) и (3) с подстановкой своих эмпирических данных, мы придем к следующим результатам. Для второго индикатора «удобство решения вопросов удовлетворения социальных потребностей через цифровые сервисы Росгвардии» $I_2 = 0,425$ (табл. 2).

Для индикатора «удовлетворенность взаимодействием со специалистами социальной сферы Росгвардии через цифровые сервисы» $I_3 = 0,442$ (табл. 3).

Для индикатора «доступность социальных услуг через цифровые сервисы Росгвардии» $I_4 = 0,544$ (табл. 4).

Для индикатора «разнообразие социальных услуг, доступных через цифровые сервисы Росгвардии» $I_5 = 0,421$ (табл. 5).

Для индикатора «скорость обработки запросов через цифровые сервисы Росгвардии» $I_6 = 0,501$ (табл. 6).

Для индикатора «удовлетворенность эффективностью взаимодействия с цифровыми сервисами Росгвардии по вопросам социального обеспечения» $I_7 = 0,492$ (табл. 7).

Для индикатора «уверенность в навыках работы с цифровыми сервисами Росгвардии» $I_8 = 0,523$ (табл. 8).

Таблица 1. Сведения о частоте использования цифровых сервисов Росгвардии

Table 1. Information on the frequency of use of digital services of the Rosgvardia

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Никогда	Редко (один раз в год или реже)	Иногда (несколько раз в год)	Регулярно (несколько раз в месяц)	Постоянно (еженедельно или чаще)
Жилищно-коммунальное	448	184	162	62	28
Медицинское и санаторно-курортное	436	198	171	52	27
Физкультурно-оздоровительное	484	164	158	53	25
Культурно-досуговое	457	160	170	68	29
Торгово-бытовое	480	164	149	56	35

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос анкеты «Насколько Вам удобно решать вопросы удовлетворения социальных потребностей через цифровые сервисы Росгвардии?»

Table 2. Distribution of answers to the survey question "How convenient is it for you to solve the issues of meeting social needs through digital services of the Rosgvardia?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Очень неудобно	Неудобно	Затрудняюсь ответить	Удобно	Очень удобно
Жилищно-коммунальное	162	122	466	88	46
Медицинское и санаторно-курортное	152	120	450	113	49
Физкультурно-оздоровительное	153	148	465	82	36
Культурно-досуговое	153	122	483	82	44
Торгово-бытовое	157	135	472	77	43

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос анкеты «Насколько Вы удовлетворены взаимодействием со специалистами социальной сферы Росгвардии через цифровые сервисы?»

Table 3. Distribution of answers to the survey question "How satisfied are you with interaction with social sphere specialists of the Rosgvardia through digital services?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Полностью не удовлетворен(а)	Не удовлетворен(а)	Затрудняюсь ответить	Удовлетворен(а)	Полностью удовлетворен(а)
Жилищно-коммунальное	132	151	485	85	31
Медицинское и санаторно-курортное	122	127	489	111	35
Физкультурно-оздоровительное	125	128	498	102	31
Культурно-досуговое	118	121	495	113	37
Торгово-бытовое	127	117	498	101	41

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос анкеты «Как цифровые сервисы Росгвардии повлияли на доступность социальных услуг для Вас?»

Table 4. Distribution of answers to the survey question "How have digital services of the Rosgvardia affected the availability of social services for you?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Значительно ухудшили	Ухудшили	Не повлияли	Улучшили	Значительно улучшили
Жилищно-коммунальное	22	73	597	150	42
Медицинское и санаторно-курортное	20	48	618	151	47
Физкультурно-оздоровительное	21	42	620	158	43
Культурно-досуговое	20	40	614	164	46
Торгово-бытовое	21	32	624	165	42

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете разнообразие социальных услуг, доступных через цифровые сервисы Росгвардии?»

Table 5. Distribution of answers to the survey question "How would you rate the variety of social services available through digital services of the Rosgvardia?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Очень узкий выбор	Узкий выбор	Средний выбор	Широкий выбор	Очень широкий выбор
Жилищно-коммунальное	173	148	410	104	49
Медицинское и санаторно-курортное	174	138	423	108	42
Физкультурно-оздоровительное	169	140	421	111	44
Культурно-досуговое	168	134	414	117	52
Торгово-бытовое	178	134	416	106	50

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос анкеты «Как быстро, по Вашему мнению, обрабатываются Ваши запросы (обращения, жалобы, заявки) через цифровые сервисы Росгвардии в сравнении с традиционными способами?»

Table 6. Distribution of answers to the survey question "How quickly, in your opinion, are your requests (appeals, complaints, applications) processed through digital services of the Rosgvardia in comparison with traditional methods?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Очень медленно	Медленно	Средне	Быстро	Очень быстро
Жилищно-коммунальное	97	67	511	162	47
Медицинское и санаторно-курортное	88	64	518	168	46
Физкультурно-оздоровительное	83	59	558	140	44
Культурно-досуговое	87	63	544	143	47
Торгово-бытовое	90	59	538	149	48

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос анкеты «Насколько Вы удовлетворены эффективностью взаимодействия с цифровыми сервисами Росгвардии по вопросам социального обеспечения?»

Table 7. Distribution of answers to the survey question "How satisfied are you with the effectiveness of interaction with digital services of the Rosgvardia on social security issues?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Полностью не удовлетворен(а)	Не удовлетворен(а)	Затрудняюсь ответить	Удовлетворен(а)	Полностью удовлетворен(а)
Жилищно-коммунальное	61	132	515	96	80
Медицинское и санаторно-курортное	52	113	548	94	77
Физкультурно-оздоровительное	51	109	548	99	77
Культурно-досуговое	59	110	552	91	72
Торгово-бытовое	53	105	540	105	81

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос анкеты «Насколько Вы уверены в своих навыках работы с цифровыми сервисами Росгвардии?»

Table 8. Distribution of answers to the survey question "How confident are you in your skills with digital services of the Rosgvardia?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Совершенно не уверен(а)	Не уверен(а)	Затрудняюсь ответить	Уверен(а)	Очень уверен(а)
Жилищно-коммунальное	77	117	417	213	60
Медицинское и санаторно-курортное	74	119	406	227	58
Физкультурно-оздоровительное	73	111	416	225	59
Культурно-досуговое	71	115	406	231	61
Торгово-бытовое	77	114	406	224	63

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Для индикатора «доступность цифровых сервисов Росгвардии для решения вопросов социального обеспечения» $I_9 = 0,499$ (табл. 9).

Для индикатора «частота сбоев или ошибок при использовании цифровых сервисов Росгвардии» $I_{10} = 0,478$ (табл. 10).

Таким образом, на основе вычисленных индикаторов индекс уровня цифровизации социальной сферы Росгвардии составляет $I_{\text{ц}} = 0,455$ (рис. 3).

На основании полученных данных можно сделать вывод о качественном состоянии цифровиза-

ции социальной сферы этого ведомства, оцениваемом по заданным параметрам, где значение, приближенное к единице, свидетельствует о высоком уровне, а близкое к нулю – о низком. В данном случае текущий уровень цифровой трансформации ведомства находится немного ниже среднего, составляя примерно 46 % от оптимальных показателей. Такой результат указывает на необходимость дальнейшего совершенствования и внедрения цифровых технологий для достижения желаемого уровня развития.

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос анкеты «Насколько Вам легко получить доступ к цифровым сервисам для решения своих вопросов социального обеспечения?»

Table 9. Distribution of answers to the survey question "How easy is it for you to access digital services to address your social security issues?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Очень сложно	Сложно	Нейтрально	Легко	Очень легко
Жилищно-коммунальное	95	134	430	159	66
Медицинское и санаторно-курортное	95	113	447	165	64
Физкультурно-оздоровительное	95	110	438	173	68
Культурно-досуговое	92	116	437	172	67
Торгово-бытовое	96	109	441	166	72

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос анкеты «Как часто Вы сталкиваетесь с техническими сбоями или ошибками при использовании цифровых сервисов Росгвардии?»

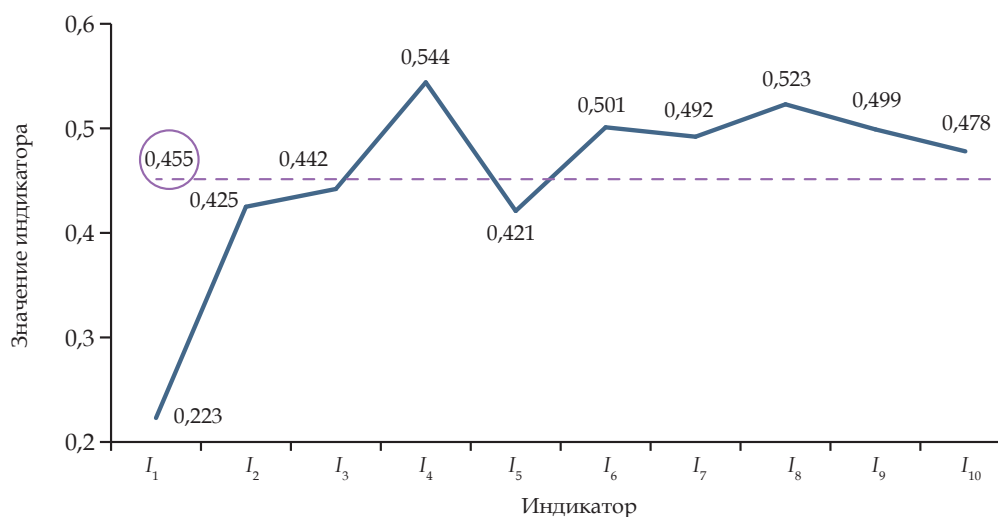
Table 10. Distribution of answers to the survey question "How often do you encounter technical failures or errors when using digital services of the Rosgvardia?"

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Очень часто	Часто	Иногда	Редко	Никогда
Жилищно-коммунальное	125	161	398	103	97
Медицинское и санаторно-курортное	119	155	407	102	101

Окончание табл. 10

Вид обеспечения	Количество, чел.				
	Очень часто	Часто	Иногда	Редко	Никогда
Физкультурно-оздоровительное	116	156	394	113	105
Культурно-досуговое	117	150	400	111	106
Торгово-бытовое	119	151	398	110	106

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

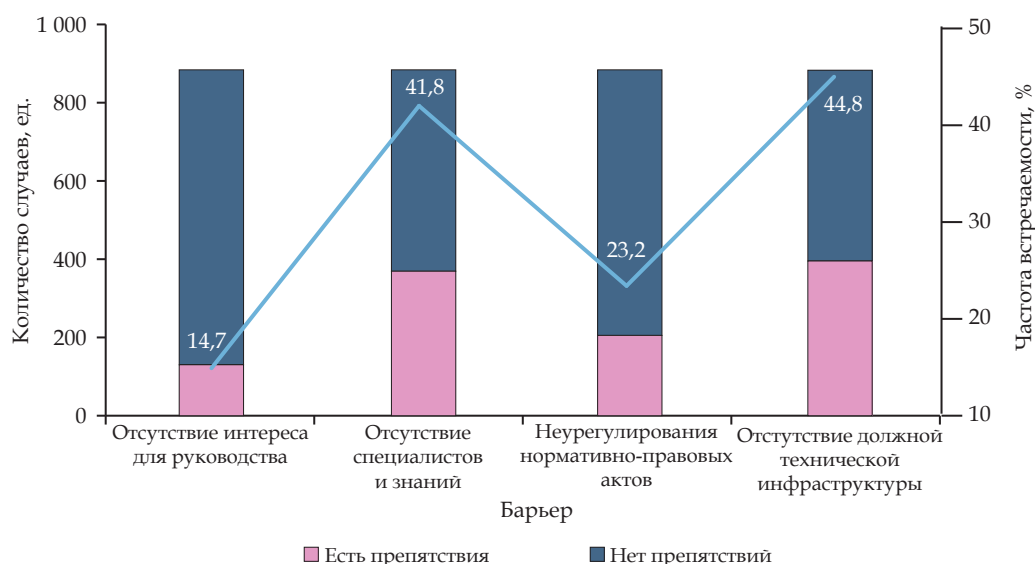
Рис. 3. Индекс уровня цифровизации социальной сферы Росгвардии

Fig. 3. Index of the digitalisation level of the social sphere of the Rosgvardia

ВЫВОДЫ / DISCUSSION

Низкое значение индикатора I_1 , равное 22 %, свидетельствует, о том, что в системе управления социальной сферой Росгвардии преобладают преимущественно традиционные методы управления и взаимодействия по удовлетворению социальных

потребностей. Достаточно низкий уровень цифровизации социальной сферы Росгвардии обусловлен наличием аксиологических, нормативно-правовых и организационно-методических гносеологических барьеров (рис. 4).

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 4. Барьеры цифровизации социальной сферы Росгвардии

Fig. 4. Barriers to digitalisation of the social sphere of the Rosgvardia

Наиболее резко выделяются барьеры цифровизации социальной сферы Росгвардии, связанные с проблемами обеспечения должной технической инфраструктуры и с отсутствием квалифицированных специалистов не только для создания актуальных цифровых сервисов, но и для последующего сопровождения используемых программных продуктов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Анализ представленных данных позволяет заключить, что цифровая трансформация социальной сферы Росгвардии сталкивается с существенными вызовами, связанными в первую очередь с недостаточным уровнем технической инфраструктуры и дефицитом квалифицированных кадров. Эти ограничения негативно влияют не только на создание современных цифровых сервисов, но и на их дальнейшее сопровождение и развитие. В результате уровень цифровизации остается ниже желаемого, что отражается на эффективности социальной сферы ведомства и способствует оттоку личного состава. Для повышения качественной составляющей социальной сферы и достижения оптимальных показателей

цифровой трансформации требуется комплексный подход, включающий обновление инфраструктуры, подготовку специалистов и внедрение адаптивных технологических решений на основе современных цифровых технологий.

Эмпирические данные, полученные в ходе социологического исследования, служат научно обоснованной основой для аргументации необходимости более глубокого внедрения цифровых технологий в систему управления социальной сферой Росгвардии с целью повышения ее эффективности. Практический опыт Росгвардии демонстрирует, что успешность трансформации детерминирована тремя взаимосвязанными факторами: необходимостью управления сложностью систем с минимизацией непрогнозируемых рисков; учетом культурного кода, определяющего восприимчивость к инновациям; обеспечением антропоцентричности, которая гарантирует гармоничное сочетание технологических новшеств с сохранением индивидуальной субъектности личности. Такой комплексный взгляд создает условия для устойчивого развития социальной сферы Росгвардии и повышения ее эффективности в условиях цифровой эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Забелина О.В., Майорова А.В., Матвеева Е.А. Трансформация востребованности навыков и профессий в условиях цифровизации российской экономики. Экономика труда. 2020;7(7):589–608. <http://dx.doi.org/10.18334/et.7.7.110666>
- Ильянович Е.Б. Наука и техника на горизонте четвертой технологической революции современной техногенной цивилизации. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021;4(21):100–110. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V121>
- Кобыляцкий М.К. Использование социологических методов для анализа влияния цифровизации на рынок труда. Молодой ученый. 2024;5(504):365–368.
- Максимов Н.Н. Основные принципы и задачи инновационной деятельности организаций в современных условиях. Молодой ученый. 2013;10(57):344–347.
- Москвин С. Выборка в социологическом исследовании. В кн.: Информационно-методический сборник № 3. М.: Центр военно-социологических, психологических и правовых исследований Вооруженных Сил; 1992. С. 28.
- Пелевин С.И. Постиндустриальное общество в условиях цифровизации. Манускрипт. 2020;7(13):101–104. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.18>
- Равочкин Н.Н. Влияние цифровизации на устойчивость социальных порядков. Социодинамика. 2023;10:23–33. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.10.68790>
- Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Цифровизация управления как фактор эффективного взаимодействия государства и общества. Социология. 2021;5:157–164.
- Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей. Социологические исследования. 2020;1:74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
- Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? Oxford: Oxford Martin Program on Technology and Employment; 2013. 79 p.

REFERENCES

- Frey C.B., Osborne M.A.* The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? Oxford: Oxford Martin Program on Technology and Employment; 2013. 79 p.
- Il'yanovich E.B.* Science and technics on the threshold of the fourth technological revolution in modern technogenic civilization. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2021;4(21):100–110. (In Russian). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V121>
- Kobylyatskij M.K.* Use of sociological methods to analyse the impact of digitalisation on the labour market. Young scientist. 2024;5(504):365–368. (In Russian).
- Maksimov N.N.* Basic principles and tasks of innovative activities of organisations in modern conditions. Young scientist. 2013;10(57):344–347. (In Russian).
- Moskvin S.* Sample in sociological research. In: Information and methodological collection No. 3. Moscow: Centre for military-sociological, psychological, and legal research of the Armed Forces. Moscow; 1992. P. 28. (In Russian).
- Pelevin S.I.* Post-industrial under conditions of digitalization. Manuscript. 2020;7(13):101–104. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.18>
- Ravochkin N.N.* The impact of digitalization on the sustainability of social orders. Sociodynamics. 2023;10:23–33. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.10.68790>
- Rybakova M.V., Ivanova N.A.* Digitalization of management as a factor of effective interaction between the state and society. Sociology. 2021;5:157–164. (In Russian).
- Tikhonov A.V., Bogdanov V.S.* From “smart regulation” to “smart management”: social issue of feedback digitalization. Sociological Studies. 2020;1:74–81. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
- Zabelina O.V., Mayorova A.V., Matveeva E.A.* The transformation of demand for skills and professions in terms of digitalization of the Russian economy. Russian Journal of Labor Economics. 2020;7(7):589–608. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18334/et.7.7.110666>

Влияние цифровизации на международную информационную безопасность и социальные риски управленческих процессов

УДК 5.4.7

DOI 10.26425/2658-347X-2025-8-2-77-86

Получено 17.05.2025

Доработано после рецензирования 11.06.2025

Принято 15.06.2025

Мкртумова Ирина Владимировна^{1,2}

Д-р социол. наук, проф. каф. социологии, психологии управления и истории¹, проф. каф. политического анализа и социально-психологических процессов²

ORCID: 0000-0003-3106-2485

E-mail: lmkrumova@yandex.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия²Российский экономический университет имени

Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Прокопьева Сабина Сергеевна³

Менеджер по предоставлению премиальных сервисов

ORCID: 0009-0006-3549-9974

E-mail: sabinaprokopyeva@gmail.com

³Акционерное общество «Лаборатория Касперского», г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Рассматривается влияние цифровизации на международную информационную безопасность, анализируются новые вызовы и угрозы, возникающие в связи с расширением цифрового пространства. Авторы определяли социальные риски управленческих процессов, обусловленные цифровой трансформацией. Исследование опиралось на теорию цифровых коммуникаций М. Кастельса, определение З. Баумана текучести цифровой реальности, на идеи Ш. Забофф об управленческой подмене информационных платформ. Основными методами эмпирических исследований были обзоры литературы, вторичный анализ существующих работ по данной теме, осуществленные авторами. По итогам анализа авторы высказали предположение, что цифровизация представляет собой, с одной стороны, мощный ресурс для

развития управленческих систем, но с другой стороны – источник новых угроз, прежде всего в области международной информационной безопасности и социальных рисков. Принимая во внимание трансграничный характер цифровых процессов, исследователи отмечают, что необходим комплексный подход к их регулированию, предполагающий развитие международного цифрового права; координацию усилий государств в области кибербезопасности; повышение цифровой грамотности среди управленцев; внедрение этических принципов в алгоритмическое управление. В результате были выявлены социальные риски управленческих процессов, а также определен вектор их минимизации и усиления международной кооперации и информационной безопасности в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова

Цифровизация, информационная безопасность, управленческий процесс, социальные риски, киберугрозы, киберпространство, цифровой суверенитет, цифровая трансформация

Для цитирования

Мкртумова И.В., Прокопьева С.С. Влияние цифровизации на международную информационную безопасность и социальные риски управленческих процессов // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 77–86.

© Мкртумова И.В., Прокопьева С.С., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Impact of digitalisation on international information security and social risks of management processes

Received 17.05.2025

Revised 11.06.2025

Accepted 15.06.2025

Irina V. Mkrtumova^{1,2}

Dr. Sci. (Sociol.), Prof. at the Sociology, Psychology of Management and History Department¹, Prof. at the Political Analysis and Socio-Psychological Processes Department²

ORCID 0000-0003-3106-2485

E-mail: imkrtumova@yandex.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Sabina S. Prokopyeva³

Manager for the Provision of Premium Services

ORCID: 0009-0006-3549-9974

E-mail: sabinaprokopyeva@gmail.com

³Joint-Stock Company "Kaspersky Lab", Moscow, Russia

ABSTRACT

The article considers the impact of digitalisation on international information security, analyses new challenges and threats arising from the expansion of digital space. The authors have determined the social risks of management processes caused by digital transformation. The study is based on M. Castells' theory of digital communications, Z. Bauman's definition of the fluidity of digital reality, and Sh. Zuboff's ideas about the managerial substitution of information platforms. The main methods of empirical research are literature reviews, secondary analysis of existing works on the topic conducted by the authors of the article. Based on the results of the analysis, the authors suggest that digitalisation represents, on the one hand, a powerful resource for the development

of management systems, but, on the other hand, a source of new threats, above all, in the field of international information security and social risks. Considering the cross-border nature of digital processes, a comprehensive approach to their regulation is required, which implies the development of international digital law; coordination of efforts of states in the field of cybersecurity; improvement of digital literacy among managers; introduction of ethical principles in algorithmic management. As a result, the social risks of management processes are identified, and the vector of their minimisation and strengthening international cooperation and information security in the digital economy is determined.

Keywords

Digitalisation, information security, management process, social risks, cyber threats, cyber space, digital sovereignty, digital transformation

For citation

Mkrtumova I.V., Prokopyeva S.S. (2025) Impact of digitalisation on international information security and social risks of management processes. *Digital sociology*. Vol. 8, no 2, pp. 77–86. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-77-86

ВВЕДЕНИЕ / INTRODUCTION

Цифровизация стремительно трансформирует не только экономику и социальную сферу, но и системы государственного и корпоративного управления. На фоне глобального внедрения цифровых технологий усиливается зависимость управленческих решений от цифровой инфраструктуры, что влечет за собой рост киберугроз, цифрового неравенства и снижение прозрачности алгоритмических решений. Международный характер цифровых коммуникаций делает вопросы информационной безопасности ключевыми в повестке глобального управления.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что при всех преимуществах цифровой трансформации ее побочные эффекты – от утечек данных до социальной поляризации – могут подорвать доверие к институтам и создать предпосылки для международных конфликтов.

Цели статьи – исследовать влияние цифровизации на международную информационную безопасность и выявить связанные с ней социальные риски в управленческой сфере.

Задачи исследования заключаются в проведении обзора современной научной и аналитической литературы по данной проблематике, а также в определении ключевых угроз, возникающих в результате цифровизации управленческих процессов. Задачей является и определение вектора минимизации рисков и усиления международной кооперации.

Структура статьи включает введение, обзор источников и методологию, анализ выявленных рисков и выводы.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ / METHODS AND MATERIALS

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем:

- PESTLE-анализ (англ. political, economic, social, technological, legal, environmental – политические, экономические, социальные, технологические, правовые, природные факторы) для оценки факторов, влияющих на управленческие риски;

- контент-анализ нормативных актов, стратегий цифровой трансформации и докладов международных организаций (ITU (англ. International Telecommunication Union – Международный союз электросвязи), WEF (англ. World Economic Forum – Всемирный экономический форум), Организация Объединенных Наций (далее – ООН);

- сравнительный анализ международных практик регулирования цифровой среды и подходов к обеспечению кибербезопасности.

Материалами исследования стали 20 источников, включая научные публикации, отчеты, аналитические записки и международные нормативные документы периода 2018–2024 гг.

Методологические основы исследования. Теория секьюритизации Б. Бузана и концепция цифрового суверенитета (англ. digital sovereignty) рассматриваются авторами статьи в качестве теоретической рамки анализа цифровых угроз как вызовов национальной безопасности¹. Теория была разработана учеными Копенгагенской школы (Б. Бузаном, О. Уивером, Я. де Вильде) в 1990-е гг. как критика традиционных подходов к безопасности². Ключевая идея Б. Бузана состоит в том, что безопасность – это не объективная данность, а результат речевого акта, когда некая угроза объявляется экзистенциальной, что оправдывает чрезвычайные меры. Ученый разделяет процесс секьюритизации на три этапа. Первый этап – выделение агентом (правительством, средствами массовой информации, экспертами) угрозы (например, кибератаки). Второй – ее признание аудиторией (обществом, международными организациями) критической. Третий – легитимация исключительных мер, к которым автор относит цензуру, санкции, милитаризацию киберпространства. Примером секьюритизации может быть закон о «суверенном интернете» (Российская Федерация (далее – РФ, Россия), 2019 г.) как ответ на «внешние угрозы»³.

Б. Бузан выделяет такие риски, как подавление инакомыслия под видом защиты от дезинформации, гиперболизация угроз (например, TikTok как «шпионский инструмент» Китайской Народной Республики (далее – КНР, Китай). Управленческие выводы автора состоят в выделении риска подмены безопасности политическими интересами. Он предлагает в качестве решения прозрачные критерии секьюритизации (например, через независимые аудиты).

Концепция цифрового суверенитета не имеет единого основателя – концепция развивалась параллельно в Европейском союзе (далее – ЕС),

¹ Баранов Н. Тема «Теория секьюритизации в анализе политики». Режим доступа: <https://www.nicbar.ru/politology/study/politicheskie-problemy-mezhdunarodnykh-otnoshenij-globalnogo-i-regionalnogo-razvitiya/tema-teoriya-sekyuritizatsii-v-analize-politiki> (дата обращения: 10.05.2025).

² Там же.

³ Федеральный закон от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44230> (дата обращения: 10.05.2025).

Китае и Соединенных Штатах Америки (далее – США). В академических кругах существуют ссылки на исследование Л. Денардис (The global war for internet governance, 2014 г.), которая систематизировала научные дискуссии по данному вопросу [DeNardis, 2014].

Концепция цифрового суверенитета формировалась постепенно, ключевые вехи ее теоретизации и политического оформления связаны с идеями М. Кастельса, Дж.П. Барлоу, Д. Поста и других авторов. Истоки формирования концепции (1990–2000-е гг.) связаны с влиянием работы М. Кастельса о сетевом обществе, где контроль над цифровыми потоками становится аналогом территориального суверенитета [Кастельс, 2009].

Идеи киберпространства как новой сферы были предложены Дж.П. Барлоу («Декларация независимости киберпространства», 1996 г.)⁴ и Д. Постом (теория киберсуверенитета, 2002 г.) [Михалевич, 2021], которые первыми подняли тему конфликта между государством и анархией интернета.

Политическое оформление произошло в 2010 г. В ЕС термин «цифровой суверенитет» впервые был официально использован в 2013 г. в докладе Европейской комиссии European Digital Agenda⁵, где акцент делался на независимости от ИТ-гигантов (ИТ – информационные технологии) США. Ключевыми документами являются протокол ЕС GDPR (англ. General Data Protection Regulation – Общий регламент по защите данных) 2016 г., который осуществляет контроль над данными⁶; Gaia-X – инициатива по разработке объединенной инфраструктуры безопасных данных для Европы, представленная в 2019 г., обеспечивает инфраструктурную независимость.

ОБСУЖДЕНИЕ / DISCUSSION

Проблематика цифровизации и ее последствий для международной безопасности активно обсуждается в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Согласно М. Кастельсу, цифровые сети становятся новой формой власти, перераспределяющей доступ к информации и влияющей на глобальные процессы [Кастельс, 2009]. З. Бауман рассматривает цифровую эпоху как пространство текучей модерности, где исчезают

традиционные границы между государствами, личной и публичной сферами [Бауман, 2013].

Ш. Забофф поднимает проблему надзора и манипуляции в условиях цифрового капитализма, подчеркивая, что информационные платформы все чаще подменяют собой институты управления [Zuboff, 2019]. В работах российских авторов акцент делается на рисках автоматизации, снижении роли человека в принятии решений и росте зависимости алгоритмов [Греков, 2021; Вяткин, 2020].

Э.М. Альшами, Ф.М. Алотаби и М. Карипиду в статье «Цифровая трансформация и проблемы кибербезопасности в эпоху глобализации» анализируют проблемы кибербезопасности в условиях глобализации и цифровой трансформации [Альшами, Алотаби, Карипиду, 2022]. Авторы отмечают, что рост взаимосвязи стран через цифровые сети увеличивает уязвимость государственных и экономических систем перед внешними угрозами. Особое внимание уделено вопросам межгосударственного сотрудничества, стандартизации протоколов безопасности и необходимости создания стандартного правового поля для противодействия киберпреступности. Статья содержит сравнительный анализ ситуации в разных регионах мира и предлагает стратегические рекомендации по обеспечению устойчивости. Анализируются риски для государственных систем, экономики и общества, а также предлагаются стратегии межгосударственного сотрудничества в рамках расширения пространства.

А. Петров, Д. Иванов в 2023 г. исследовали влияние цифровых технологий на национальную и международную безопасность, на экономику и развитие систем безопасности [Петров, Иванов, 2023]. Они выделили проблемы расширения суверенитета, гибридных угроз и необходимости многостороннего регулирования киберпространства. Авторы рассматривают влияние цифровых технологий на безопасность как на суше, так и на море. Анализируется эволюция угроз, начиная от классического шпионажа и заканчивая гибридными формами воздействия, включая дезинформацию и кибератаки на критическую инфраструктуру. В работе подчеркивается необходимость разработки многих аспектов обеспечения безопасности в киберпространстве. Также рассматриваются вопросы этики и ответственности при использовании искусственного интеллекта (далее – ИИ) и больших данных.

Социальные риски цифровой трансформации – дезинформацию и поляризацию в онлайн-пространстве – изучали Б. Мартенс и К.Д. Рааб [Мартенс, Рааб, 2021]. Авторы осуществили анализ социальных рисков цифровых трансформаций,

⁴ Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Режим доступа: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 10.05.2025).

⁵ European Parliament. Digital Agenda for Europe. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_2.4.3.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

⁶ European Union. General data protection regulation (GDPR). Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legissum:310401_2 (дата обращения: 11.05.2025).

включая распространение дезинформации, поляризацию мнений и возникновение информационных пузырей. Ученые рассматривают влияние алгоритмических платформ на демократические процессы и общественную стабильность. Исследованы такие социальные последствия цифровизации, как распространение дезинформации и общественная поляризация. Авторы представляют алгоритмы социальных сетей, обеспечивающие формирование информационных пузырей, где пользователи сталкиваются только с мнениями, совпадающими со своими собственными представлениями. Это приводит к снижению толерантности к иным мнениям, радикализации и утрате доверия к институту демократии. Предлагаются пути решения проблем: регулирование контента, повышение цифровой грамотности, развитие медиаобразования.

Недавнее исследование Р. Сингх и Н. Патель было посвящено проблемам кибербезопасности и социальной уязвимости в эпоху цифровизации [Сингх, Патель, 2024]. Работа сосредоточена на пересечении кибербезопасности и социальной уязвимости. Авторы рассматривают, как цифровизация связана с различными заболеваниями, особенно в странах Африки. Обсуждаются психологические и социальные последствия цифровых технологий, включая тревожные расстройства, обусловленные личной автономией и снижением уровня доверия к государственным и корпоративным структурам. Предлагаются стратегии повышения цифровой устойчивости общества.

Цифровые технологии, несомненно, являются мощным катализатором трансформации управления на всех уровнях. Постоянно наблюдаются создание новых форм взаимодействия между государственными, экономическими и социальными институтами, повышение скорости принятия решений и в определенной степени рост их прозрачности за счет внедрения цифровых платформ.

Исследователи изучают масштабные цифровые инновации в сфере платформизации финансовой и предпринимательской деятельности, которые трансформируют ежедневные практики институтов государственного управления, крупных экономических и промышленных гигантов, компаний цифровой индустрии [Мкртумова, Ашкар, Чижов, Янчук, 2025]. Авторы выявили и описали некоторые важные социальные результаты создания и развития новых цифровых мегаплатформ, таких как портал «Госуслуги». Так, государственная информационная платформа аккумулировала запросы россиян на предоставление большинства социальных услуг.

Столичная мегаплатформа «Мос.ру» внедрила принцип «одного окна» для москвичей. Гигант банковской сферы «Сбер» создал и выстроил собственную мегаплатформу вокруг потребностей людей в финансах, банковском обслуживании, бизнесе, страховании, электронной коммерции, а также в продуктах, доставке еды, лекарственных средствах, транспорте и др. У ресурса работает свой GigaChat2 и многочисленные платформенные решения.

Однако стоит отметить и обратную сторону медали. Автоматизация процессов и все большее использование платформенных решений ведут к постепенной замене традиционных форм человеческого участия в управлении. Это, в свою очередь, порождает снижение контроля за принятием решений, особенно в отношении алгоритмических процессов, и увеличивает общественное недоверие к «черному ящику» алгоритмов [Мкртумова, 2023]. Необходимы механизмы, обеспечивающие прозрачность и подотчетность алгоритмических систем, а также инструменты для контроля и корректировки их работы со стороны человека.

Ученые Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее – НИУ ВШЭ) в 2025 г. проанализировали тенденции цифровизации государственных услуг (далее – госуслуги) населению по итогам прошлого года⁷. Взаимодействие граждан и государства все заметнее переходит в цифровую плоскость. Так, только 13 % россиян не заходят в интернет для получения госуслуг, а 86,7 % в 2024 г. полностью или частично получили государственные и муниципальные услуги онлайн. Ученые НИУ ВШЭ установили, что пользователи заходят на электронные порталы («Госуслуги») чаще всего за нужной информацией (77,6 %) и результатами предоставления услуг (47,1 %), для осуществления обязательных платежей (54 %), получения или отправки документов (40,3 %). Каждый второй пользователь госуслуг (55 %) получает их исключительно онлайн.

Международные организации, такие как ITU [International Telecommunication Union, 2023], WEF⁸ и UNDP (англ. United Nations Development Programme – Программа развития ООН), указывают на необходимость создания глобальных

⁷ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Цифровизация государственных услуг. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1039474722.html> (дата обращения: 12.05.2025).

⁸ World Economic Forum. The global risks report 2024. 19th edition. Insight report. Режим доступа: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2024.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

механизмов регулирования киберпространства и цифрового сотрудничества. Так, в новом «Докладе о человеческом развитии на 2025 г.», опубликованном ООН, показано, как ИИ может ускорить развитие⁹. В документе отмечено, что около 50 % респондентов по всему миру считают, что их работа может быть автоматизирована, и свыше 60 % опрошенных высказали предположение, что цифровизация положительно повлияет на их занятость, создав возможности для работы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ / RESEARCH RESULTS

Проведенное исследование выявило ряд ключевых тенденций и проблем, связанных с цифровой трансформацией и ее влиянием на различные сферы общественной жизни, а также на международную безопасность.

Цифровизация влияет на все сферы жизни современного общества: от государственного управления до личных коммуникаций. Глобальная сеть становится центральной платформой для распространения информации, формирования общественного мнения и трансляции стратегических интересов государств и корпораций. Эта трансформация привела к созданию единого информационного пространства, где границы между национальными государствами становятся все более условными.

Результаты анализа указывают на серьезную эскалацию угроз в сфере международной информационной безопасности. Наблюдается значительный рост числа кибератак, случаев цифрового шпионажа и вмешательства в политические процессы других государств. Эти деструктивные действия, осуществляемые как государственными, так и негосударственными факторами, подрывают международную стабильность и создают напряженность в отношениях между странами. Данные ITU (2023 г.) подтверждают эту тенденцию: более половины стран-членов организации сообщают о масштабных инцидентах в киберпространстве, что подчеркивает необходимость усиления международного сотрудничества в сфере кибербезопасности и разработки эффективных мер противодействия киберугрозам¹⁰.

⁹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Цифровизация государственных услуг. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1039474722.html> (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁰ International Telecommunication Union. Facts and figures 2023. Режим доступа: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2023/index/> (дата обращения: 12.05.2025).

КИБЕРУГРОЗЫ, МЕЖДУНАРОДНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ / CYBER THREATS, INTERNATIONAL AND NATIONAL INFORMATION SECURITY

Цифровая трансформация, как было указано, при всех ее преимуществах несет в себе и значительные социальные риски. Исследование выявило несколько ключевых проблем. Прежде всего нужно отметить феномен цифрового неравенства. Он выражен в том, что неравномерное распределение цифровой инфраструктуры приводит к исключению из глобальных процессов регионов с низким уровнем развития. Это усугубляет существующее социальное неравенство и создает барьеры для экономического и социального развития.

Унификация информационной среды генерирует новые вызовы. К наиболее распространенным относятся:

- глобализация информационной угрозы – кибератаки, дезинформация и манипуляции в цифровом пространстве могут исходить из любой точки мира и затрагивать миллионы пользователей;
- уязвимость критической инфраструктуры – стратегические объекты, транспорт, учреждения здравоохранения и государственного управления все чаще становятся жертвами киберпреступников;
- нарушения суверенитета в цифровом пространстве.

Под национальной информационной безопасностью понимаются меры по защите информации, информационных систем и сетей от несанкционированного доступа, использования, изменений, распространения внешних угроз, особенно если это связано с интересами национальной безопасности в современной сложной геополитической ситуации.

Цифровизация усилила масштабы и сложность киберугроз. Согласно данным международных организаций, таких как ООН и Интерпол (англ. International Criminal Police Organization – Международная организация уголовной полиции), количество кибератак ежегодно растет, увеличиваясь в геометрической прогрессии. Особую опасность представляют такие формы угрозы, как:

- кибератаки на государственные структуры, направленные на дискредитацию финансового аудита, шпионаж или дестабилизацию экономики;
- дезинформационные кампании, использующие технологии ботов, фейковые новости и алгоритмический таргетинг для манипуляции общественным мнением;

- распространение незаконного экстремистского и террористического контента, содействие радикализации молодежи и возникновение новых угроз глобальной безопасности;
- цифровой суверенитет, который, будучи инструментом управления рисками, иногда сам становится источником новых социальных угроз (изоляция, цензура).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА / INTERNATIONAL PRACTICE OF APPLYING THE CONCEPT OF DIGITAL SOVEREIGNTY

В Китае эксперт Китайской академии наук Ц. Сяопин в работе *Cyber sovereignty* (2015 г.) обосновал право государств регулировать интернет [Fang, 2018]. В 2017 г. был принят Закон о кибербезопасности КНР – основной нормативно-правовой акт, регулирующий сферу интернет-безопасности Китая. Опубликован 7 ноября 2016 г., вступил в силу 1 июня 2017 г. Закон регламентирует действия поставщиков сетевых продуктов и услуг по сбору, хранению и обработке пользовательских данных, определяет порядок и специфику обеспечения безопасности информационной инфраструктуры в стратегически важных отраслях. Главной целью принятия закона провозглашается защита национального киберсуверенитета КНР.

В РФ концепция «суверенного интернета» была предложена в 2012 г. И.О. Щеголевым – Министром связи и массовых коммуникаций России¹¹, занимавшим эту должность в Правительстве с 12 мая 2008 г. по 21 мая 2012 г., – и реализована в 2019 г. Закон о «суверенном интернете» – неформальное название Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». Вступил в силу 1 ноября 2019 г. Его цель – создание

¹¹ Материалы по выбранной персоне. Щеголев, Игорь Олегович. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/65/biography> (дата обращения: 12.05.2025).

независимой инфраструктуры для бесперебойного функционирования интернета в России. Она позволит обеспечить работоспособность сайтов в случае невозможности подключения российских операторов связи к зарубежным корневым серверам интернета. Суверенный интернет – это концепция, предполагающая создание отдельной сегментированной сети, которая сохранит работоспособность в случае отключения от мировой инфраструктуры интернета. Основная идея – обеспечение безопасности и защиты национальных интересов в сети путем ограничения доступа к определенным внешним ресурсам и контенту. Концепция основана на идее, что страны имеют право управлять своими интернет-ресурсами в соответствии со своими ценностями и интересами. Это может включать создание локализованных интернет-инфраструктур, а также политики и нормативных актов, регулирующих поток информации в страну и из страны.

В сентябре 2020 г. А.В. Крутских, специальный представитель Президента РФ по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности (2014–2023 гг.), рассказал, что источники DDoS-атак (англ. Distributed Denial of Service – распределенный отказ от обслуживания) на инфраструктуру Центральной избирательной комиссии и других государственных органов во время проведения голосования по поправкам в Конституцию фиксировались на территории США, Великобритании, Украины и ряда стран Содружества Независимых Государств.

Современные интерпретации концепции цифрового суверенитета оформлены в академических исследованиях Дж.С. Ная (*The future of power*, 2021 г.)¹², который рассматривает цифровой суверенитет как элемент мягкой силы. Критику концепции как инструмента авторитаризма осуществил М.Э. Вагнер (Петербургский международный юридический форум 2025 г.)¹³, (табл. 1).

¹² Nye J.S. Jr. *The future of power*. Режим доступа: https://www.files.ethz.ch/isn/154756/issuesinsights_vol11no08.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

¹³ Росконгресс. Милош Вагнер. Цитаты. Режим доступа: https://roscongress.org/speakers/vagner-milosh/quotes/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2 (дата обращения: 12.05.2025).

Таблица 1. Концепция цифрового суверенитета. Ключевые даты и документы

Table 1. Concept of digital sovereignty. Key dates and documents

Год	Событие/документ	Автор/страна	Основное содержание
1996	Декларация независимости киберпространства	Дж.П. Барлоу (США)	Трактовка независимости киберпространства

Окончание табл. 1

Год	Событие/документ	Автор/страна	Основное содержание
2013	European Digital Agenda	ЕС	Первое официальное использование термина
2017	Закон о кибербезопасности КНР	Китай	Модель государственного контроля
2019	Закон о «Суверенном интернете» – Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“»	РФ	Модель государственного контроля
2021	The future of power	Дж.С. Най (США)	Суверенитет как ресурс влияния

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

Международная политическая практика реализации концепции цифрового суверенитета включает несколько основных документов. Так, в США принята Доктрина ответственного цифрового суверенитета (Белый дом, 2023 г.), в которой обосновывается баланс между безопасностью и открытостью. В Индии политика цифрового самообеспечения (2020 г.) содержит запрет TikTok, поддержку локальных ИТ.

ЕС использует регламент GDPR для ограничения Meta. В контексте информационной безопасности GDPR – это законодательный акт союза, который регулирует обработку персональных данных граждан ЕС. Он устанавливает строгие требования к тому, как организации должны собирать, хранить и защищать личные данные, а также предоставляет гражданам расширенные права в отношении их информации.

Китай для обеспечения безопасности использует систему «Великий китайский файрвол» (англ. Great Firewall of China) – это комплексная

система интернет-цензуры, внедренная правительством КНР для мониторинга, фильтрации и блокировки небезопасного интернет-контента для пользователей внутри страны. Основные цели этой системы – контролировать информацию и ограничивать доступ к небезопасным веб-сайтам и онлайн-сервисам, контент которых власти Китая считают вредным. Также блокируется информация, связанная с порнографией, азартными играми или насилием (табл. 2).

Управление данными и инфраструктурой как атрибут государственного суверенитета включает право государства контролировать цифровое пространство на своей территории. В первую очередь это данные граждан (например, GDPR в ЕС); критическая инфраструктура (киберзащита энергосетей); цифровые платформы (например, блокировка Google/Amazon в Китае).

¹⁴ European Parliament. Digital Agenda for Europe. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_2.4.3.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

Таблица 2. Концепция цифрового суверенитета. Модели реализации

Table 2. Concept of digital sovereignty. Implementation models

Страна/блок	Подход	Инструменты
Китай	Жесткий государственный контроль	Великий файрвол, закон о кибербезопасности (2017 г.), обязательное хранение данных локально
ЕС	Соблюдение протоколов	GDPR, Digital Markets Act (англ. Закон о цифровых услугах), борьба с монополиями (штрафы Apple/Meta)
РФ	Государственный контроль	Закон о «Суверенном интернете» – Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“»; налог на ИТ-гиганты

Составлена авторами по материалам источников¹⁴ и [Гриффитс, 2021] / Compiled by the authors on the materials of the sources¹⁴ and [Griffiths, 2021]

Также необходимо отметить риски роста социальной изоляции. Несмотря на возможности онлайн-коммуникации, чрезмерное увлечение цифровыми форматами взаимодействия приводит к снижению качества человеческих связей, ослаблению социальных контактов и росту чувства одиночества и социальной изоляции.

Происходит также некоторая утрата автономии, которая выражается в том, что чрезмерная зависимость от цифровых платформ и сервисов снижает способность людей к самостоятельному принятию решений и критическому мышлению. Они становятся зависимыми от алгоритмов и рекомендаций, что ограничивает их свободу выбора и автономию.

Немаловажными являются и психологические риски. Цифровая среда способствует распространению дезинформации, усиливает тревожность и может вызывать цифровую зависимость. Непрерывный поток информации, необходимость всегда быть на связи и соответствовать определенным стандартам, установленным в социальных сетях, негативно сказываются на психическом здоровье людей.

Происходят также деградация коммуникативных практик и рост психологического напряжения. Чрезмерное погружение в цифровую среду приводит к ограничению моделей межличностных коммуникаций: снижается эмпатия, повышается уровень тревожности и зависимости от цифровых устройств. Особую остроту эта проблема приобретает среди подростков и молодежи.

Важным аспектом являются такие феномены, как формирование информационных пузырей и поляризация общества. Алгоритмы рекомендаций в социальных сетях и на онлайн-платформах обеспечивают формирование замкнутых информационных пространств, где пользователи сталкиваются только с мнениями, подтверждающими их собственные. Это ведет к идеологической поляризации, приводит к диалогу и может привести к внутриполитическому конфликту.

Отсутствие единого, общепризнанного международного правового механизма, регулирующего цифровую безопасность, является серьезной проблемой, подрывающей усилия по созданию безопасного и доверительного цифрового пространства. Несмотря на усилия таких организаций, как ООН и Глобальная комиссия по стабильности киберпространства, достичь консенсуса по ключевым вопросам не удастся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альшамми Э.М., Алоатаби Ф.М., Карипиду М. Цифровая трансформация и проблемы кибербезопасности в эпоху глобализации. *Международный журнал информационной безопасности и киберпреступности*. 2022;2(11):5–28.

Бауман З. *Текущая современность*. Пер. с англ. СПб.: Питер; 2013. 240 с.

Вяткин А.Ю. Социальные последствия цифровой трансформации. *Государственная служба*. 2020;3:67–72.

Геополитические разногласия между странами, различные подходы к регулированию цифровой среды и вопросы суверенитета в киберпространстве препятствуют созданию эффективной архитектуры цифрового доверия. Необходимы поиски компромиссных решений и разработка универсальных норм и принципов, которые могли бы стать основой для международного сотрудничества в сфере цифровой безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ / CONCLUSION

Цифровизация представляет собой как мощный ресурс для развития управленческих систем, так и источник новых угроз, прежде всего в области международной информационной безопасности и социальных рисков. Принимая во внимание трансграничный характер цифровых процессов, отметим, что необходим комплексный подход к их регулированию, предполагающий развитие международного цифрового права; координацию усилий государств в области кибербезопасности; повышение цифровой грамотности среди управленцев; внедрение этических принципов в алгоритмическое управление.

Цифровизация, с одной стороны, открывает широкие возможности для развития общества, но, с другой стороны, создает новые угрозы в сфере национальной информационной безопасности. В эпоху глобализации успешное преодоление этих проблем требует не только принятия мер информационной безопасности на национальном уровне, но и комплексных объединенных усилий многих дружественных государств, международных организаций, технологических компаний и общества. Необходимы разработка и согласование универсальных этических мер по использованию цифровых технологий. Только посредством многопланового сотрудничества можно минимизировать риски и направить цифровую трансформацию на общее благо.

Направления дельнейших исследований связаны с разработкой моделей оценки цифровых рисков, с анализом успешных практик цифрового регулирования в разных странах. Обозначен и вектор исследования роли ИИ в управлении и его социальных последствий. Важно также формирование международной платформы цифрового доверия.

- Греков И.С. Цифровизация управления: вызовы и риски. Вестник государственного управления. 2021;4:25–34.
- Гриффитс Дж. Великий Китайский Файрвол. Пер. с англ. Н.А. Комар, А.В. Ефимовой. М.: Бомбора; 2021. 464 с.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Том 1. Становление сетевого общества. М.: Государственный университет «Высшая школа экономики»; 2009. 608 с.
- Мартенс Б., Рааб К.Д. Социальные риски цифровой трансформации: дезинформация и поляризация в онлайн-пространствах. Телематика и информатика. 2021;56.
- Михалевиц Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021;2(23):254–264.
- Мкртумова И.В. От «Троянского коня» до «Пожирателей фейков»: взгляд социолога на образы информационного поведения и манипуляций. В кн.: Научные исследования в современном мире: проблемы, тренды, перспективы: сборник статей по итогам Научного профессорского форума, 7 февраля 2023 г. М.: Российское профессорское собрание; 2023. С. 228–236.
- Мкртумова И.В., Ашкар М., Чижов Д.А., Янчук П.П. Трансформации социальных коммуникаций в условиях цифровой платформизации и создания метавселенных помощи человеку. Цифровая социология. 2025;1(8):42–50.
- Петров А., Иванов Д. Влияние цифровых технологий на национальную и международную безопасность: сравнительное исследование. Журнал безопасности. 2023.
- Сингх Р., Пател Н. Кибербезопасность и социальная уязвимость в эпоху цифровизации. Журнал кибербезопасности и политики. 2024;1(17):45–62.
- ITU. Global Cybersecurity Index 2023. Geneva: International Telecommunication Union; 2023.
- DeNardis L. The global war for internet governance. New Haven: Yale University Press; 2014. 288 p.
- Fang B. Cyberspace sovereignty. Reflections on building a community of common future in cyberspace. Singapore: Springer Singapore; 2019. 482 p.
- Zuboff Sh. The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power. New York: Public Affairs; 2019. 691 p.

REFERENCES

- Alshami E.M., Alotaibi F.M., Karipidu M. Digital transformation and cybersecurity challenges in the era of globalization. International Journal of Information Security and Crime. 2022;2(11):5–28. (In Russian). <http://doi.org/10.3390/info13020076>
- Bauman Z. Liquid modernity. Trans. from Eng. St Petersburg: Piter; 2013. 240 p. (In Russian).
- Castells M. The information age. Economy, society and culture. Volume 1. The rise of the network society. Moscow: State University “Higher School of Economics”; 2009. 608 p. (In Russian).
- DeNardis L. The global war for internet governance. New Haven: Yale University Press; 2014. 288 p.
- Fang B. Cyberspace sovereignty. Reflections on building a community of common future in cyberspace. Singapore: Springer Singapore; 2019. 482 p.
- International Telecommunication Union. Global cybersecurity index 2023. Geneva: International Telecommunication Union; 2023.
- Grekov I.S. Digitalization of governance: challenges and risks. Bulletin of State Administration. 2021;4:25–34. (In Russian).
- Griffiths J. The Great Firewall of China. Trans. from Eng. N.A. Komar, A.V. Efimova. Moscow: Bombora; 2021. 464 p. (In Russian).
- Martens B., Raab K.D. Social risks of digital transformation: misinformation and polarization in online spaces. Telematics and Informatics. 2021;56. (In Russian).
- Mikhalevich E.A. The concept of cyber sovereignty of the People’s Republic of China: development history and essence. RUDN Journal of Political Science. 2021;2(23):254–264. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-2-254-264>
- Mkrumova I.V., Ashkar M., Chizhov D.A., Yanchuk P.P. Social communications transformations in the conditions of digital platformization and human assistance metavillages creation. Digital Sociology. 2025;1(8):42–50. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2025-8-1-42-50>
- Mkrumova I.V. From “Trojan horse” to “Fake eaters”: a sociologist’s view on information behaviour and manipulation. In: Scientific research in the modern world: problems, trends, prospects: Proceedings on the results of the Scientific Professor Forum, February 7, 2023. Moscow: Russian Professorial Assembly; 2023. Pp. 228–236. (In Russian).
- Petrov A., Ivanov D. Impact of digital technologies on national and international security: comparative study. Security Journal. 2023.
- Singh R., Patel N. Cybersecurity and social vulnerability in the era of digitization. Journal of Cyber Security and Policy. 2024;1(17):45–62. (In Russian).
- Vyatkin A.Yu. Social consequences of digital transformation. Public Service Bulletin. 2020;3:67–72. (In Russian).
- Zuboff Sh. The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power. New York: Public Affairs; 2019. 691 p.